

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

52 2025
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 52 (603) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Василий Александрович Сухомлинский* (1918–1970), советский педагог-новатор, детский писатель.

Родился будущий Василий Александрович в селе Василевка (ныне Кировоградская область) в бедной крестьянской семье. Здесь прошли его детство и юность. Отец Василия Александровича — Александр Сухомлинский — до Октябрьской революции работал по найму как плотник и столяр в помещичьих хозяйствах («экономиях»), и сдельно — в крестьянских хозяйствах. Его мать, Оксана Авдеевна, была домашней хозяйкой, выполняла мелкую портняжную работу, трудилась в колхозе. Вместе с Александром Емельяновичем она воспитала, кроме Василия, еще троих детей — Ивана, Сергея и Меланию. Все они стали сельскими учителями.

После окончания школы крестьянской молодежи Василий Александрович поступил в Кременчугский медицинский техникум, а затем перевелся в Полтавский педагогический институт и успешно окончил его в 1938 году. Вернувшись в родные места, он стал преподавать украинский язык и литературу в Онуфриевской средней школе.

В 1941 году Сухомлинский добровольцем ушел на фронт, где, защищая Москву, был тяжело ранен осколками снаряда и лишь чудом остался жив. Василий Александрович провел четыре месяца в госпитале; его руку удалось спасти от ампутации, но извлечь металлические осколки из груди не получилось. А поскольку они были расположены близко к сердцу, то, как предупредили хирурги, любое напряжение могло вызвать их движение и внезапную смерть. После лечения в госпитале на Урале Сухомлинский хотел вернуться на фронт, однако комиссия не могла его признать даже ограниченно годным. В результате его демобилизовали.

В начале 1944 года в ходе Кировоградской наступательной операции Украинская ССР была освобождена от нацистов, и Сухомлинский узнал, что его жену Веру (выпускницу Кременчугского учительского института и преподавателя английского языка, наполовину украинку, наполовину цыганку) и маленького сына замучили в гестапо. Эту утрату он переживал до конца жизни.

С сентября 1942 по март 1944 года Сухомлинский работал директором и учителем литературы в Увинской средней школе Удмуртской АССР. Тогда он и познакомился с педагогом Анной Девятовой, приехавшей с инспекцией. Директор показался Анне «необыкновенно теплым, симпатичным человеком». Между Сухомлинским и Девятовой завязалась переписка. В конце войны Сухомлинский сделал Анне предложение, они поженились и вместе вернулись на Украину. Сухомлинский получил назначение заведующим районным отделом образования Онуфриевского района Кировоградской области,

Анна стала работать учителем в школе. Согласно ее воспоминаниям, жила семья тогда впроголодь. Родились дети — сын Сергей и дочь Ольга.

В 1948 году Сухомлинский стал директором Павлышской средней школы, которой бессменно руководил до конца своей жизни. Дочь Сухомлинского — доктор педагогических наук, профессор Ольга Васильевна Сухомлинская — пошла по стопам отца, работала в Национальной академии педагогических наук Украины.

Василий Александрович является автором сорока монографий и брошюр, более 600 статей, 1200 рассказов и сказок. Научные монографии и статьи он писал на русском языке, художественную прозу — на украинском. Общий тираж его книг на различных языках составил около четырех миллионов экземпляров.

Сухомлинский создал оригинальную педагогическую систему, основанную на принципах гуманизма, на признании личности ребенка высшей ценностью, на которую должны быть ориентированы процессы воспитания и образования, творческая деятельность сплоченного коллектива педагогов-единомышленников и учащихся.

Сухомлинский считал, что процесс обучения нужно организовать как труд, приносящий радость; большое внимание он уделял формированию мировоззрения учащихся; важная роль в обучении отводилась слову учителя, художественному стилю изложения, сочинению вместе с детьми сказок, художественных произведений, чтению книг.

Педагог разработал комплексную эстетическую программу «воспитания красотой». В условиях советской педагогики он разрабатывал гуманистические традиции отечественной и мировой педагогической мысли.

В целостном виде взгляды Сухомлинского представлены в «Этюдах о коммунистическом воспитании» и других произведениях. Сущность этики коммунистического воспитания Сухомлинского заключалась в том, что воспитатель верит в реальность, осуществимость и достижимость коммунистического идеала, измеряет свой труд критерием и меркой идеального.

Его идеи воплощены в практике многих школ. Были созданы Международная ассоциация Сухомлинского и Международное объединение исследователей Сухомлинского, педагогический музей Сухомлинского в Павлышской школе.

Скончался он внезапно на 52-м году жизни 2 сентября 1970 года, в самом начале нового учебного года. На похороны пришли все педагоги и ученики Павлышской средней школы.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Агуреева К. Ю.**
Процедура налоговой медиации как механизм досудебного урегулирования налоговых споров 143
- Арыштаева М. А.**
Процедуры банкротства юридических лиц: проблемы правового регулирования 146
- Благодарная Д. А.**
Типология личности преступника в криминологии 150
- Букарева В. И.**
Особенности обеспечительных мер в гражданском процессе 152
- Быкадорова М. С.**
Дискриминация в сфере труда в российском трудовом праве..... 154
- Волков М. В., Комаров К. Р.**
Опцион как инструмент превентивной и восстановительной защиты прав собственника: вещно-правовой аспект 157
- Гашимов Р. Ю.**
История формирования механизма налогового контроля в России 159
- Глебова С. И.**
Проблема разделения компетенции между гражданским и административным судебными процессами в судах общей юрисдикции 163
- Глебова С. И.**
Процессуальные особенности рассмотрения административных дел в судах общей юрисдикции 164
- Голубкова А. А.**
Права и обязанности родителей по воспитанию детей в семейном праве РФ ... 166
- Григорьева Л. В.**
Теоретические подходы к определению и содержанию правовой системы 168
- Гриценко М. В.**
Правовое регулирование криптовалют и противодействие их использованию в противоправной деятельности..... 170
- Дармаева С. Т. Ж.**
Правовая категория существенных нарушений условий договора как основание для его изменения и расторжения 173
- Даровская М. В.**
Правовой статус автоматизированных систем мониторинга подозрительных операций в банках: риски и регуляторные подходы 177
- Долгова Ю. Д.**
Субъекты административного права..... 180
- Драч А. М.**
Пути повышения эффективности воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей ... 182
- Жанакуева Д. Х.**
Особенности административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность 185
- Жанакуева Д. Х.**
Основания административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность 187
- Засецкий М. П.**
Право застройки: перспективы введения в российское гражданское законодательство..... 189
- Засецкий М. П.**
Соглашение об установлении сервитута: проблемы правового регулирования 191
- Иващенко Д. С.**
Проблемы квалификации налоговых правонарушений в сфере предпринимательской деятельности 193
- Ильчик Е. Д.**
Особенности договора возмездного оказания услуг в российском гражданском праве 197
- Калягин Д. В.**
Проблема коррупции и злоупотребления властью в правоохранительных органах и пути ее решения 198

Карсакова П. А.

Роль адаптационных механизмов
в профессиональном становлении
государственных гражданских служащих 200

Ковалева Д. Р.

Ответственность в предпринимательских
отношениях: виды и основания привлечения. 203

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Процедура налоговой медиации как механизм досудебного урегулирования налоговых споров

Агуреева Ксения Юрьевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Актуальность изучения темы механизма налоговой медиации обусловлена практикой ее применения как механизма снижения количества налоговых споров, доведенных до решения в судебном порядке. Стоит рассматривать правоприменительную практику использования налоговой медиации в цельной взаимосвязи с общими перспективами развития и усилением цифровизации налогового администрирования, которое несомненно влечет за собой изменение подходов проведения проверок предпринимателей.

Снижение количества выездных налоговых проверок является одним из векторов развития налогового администрирования. Это связано с повышением эффективности проверок и стремлением создать благоприятную налоговую среду для налогоплательщиков. Федеральная Налоговая Служба России рассматривает совершенствование методов побуждения налогоплательщиков к добровольному исполнению налоговых обязательств как одно из ключевых направлений создания благоприятной налоговой среды.

Выездная налоговая проверка является крайней мерой налогового контроля, а ее проведение требует значительных трудовых и временных затрат как со стороны налогоплательщика, так и со стороны налогового органа.

Обеспечение добровольного исполнения налогоплательщиками своих обязательств по уплате налогов более эффективно, поэтому до назначения выездной налоговой проверки предусмотрено обязательное проведение налоговыми органами контрольно-аналитической работы по устранению выявленных предполагаемых нарушений.

Цифровизация налогового администрирования в проведении предпроверочного анализа включает использование предиктивной аналитики, системы управления рисками, новой платформы администрирования контрольно-кассовой техники, онлайн-сервисов и аналитических комплексов. Это позволяет повысить качество контрольной работы налоговых органов, получать полную

информацию о подконтрольных объектах, осуществлять дистанционный мониторинг и обеспечивать непрерывность контрольных мероприятий.

Предпроверочный анализ — это процедура, которая официально не прописана в налоговом законодательстве. На практике же проведение предпроверочного анализа сопровождается направлением информационных писем, требований о представлении документов и вызовом представителей компании для дачи пояснений. Однако куда более глубокая работа происходит вне глаз налогоплательщика.

Развитие цифровизации приводит к использованию большого числа специализированных сервисов для проведения анализа деятельности предприятия, его налоговых рисков и перспективы проведения проверок

Среди автоматизированных программ, которые использует ФНС:

– АСК НДС (автоматизированная система контроля налога на добавленную стоимость). Программа мониторит транзакции, то есть перемещение денежных масс между счетами юридических и физических лиц. За счёт сложных алгоритмов комплекс выстраивает движение средств на каждой из стадий.

– Система управления рисками (СУР). Это сложная программа, которая анализирует множество данных по юридическому лицу, а потом даёт заключение. Для определения налоговых рисков СУР использует несколько критериев, в соответствии с которыми делит компании/ИП на три группы.

– «ВНП-Отбор» («Выездные налоговые проверки — отбор»). Программный комплекс сопоставляет данные о деятельности одной компании с тысячами похожих по масштабам и месторасположению компаний, а также сравнивает с данными прошлых лет.

– АИС «Налог3». Это автоматизированная информационная система ФНС России. Единое пространство, где собирается и обрабатывается вся информация, которая поступает в Федеральную налоговую службу. В том числе

это те сведения, которые поступают в ведомство в рамках межведомственного обмена.

Налоговые органы при выявлении признаков, свидетельствующих о возможном совершении налогового правонарушения, уведомляют налогоплательщика о таких рисках посредством:

- уведомления о выявленных расхождениях в налоговой отчетности,
- информационных писем о выявленных рисках;
- организации рабочих совещаний по рассмотрению выявленных рисков возможного совершения налоговых правонарушений.

Одним из механизмов контрольно-аналитической работы может стать процедура медиации в досудебном порядке. Суть механизма медиации заключается в привлечении третьей стороны (медиатора) — независимого эксперта, который помогает сторонам выработать определенное соглашение по спору (в данном случае по претензиям налоговой службы в отношении хозяйственной деятельности организации), при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения.

Медиация — это способ решения спора при содействии профессионального независимого посредника. Задача медиатора — облегчить диалог, сгладить острые углы, выявить потребности и быстрее привести стороны к компромиссному решению по существу спора. Для этого каждому из участников, как правило, приходится частично отказываться от своих требований или корректировать их. Использование сторонами медиативного подхода — дело исключительно добровольное, это не обязательная процедура.

В рамках обсуждения выявленных рисков и поиска решений налогоплательщик может услышать позицию налогового органа, определить возможные последствия для бизнеса, добровольно уточнить свои налоговые обязательства либо представить пояснения и документы, которые могли бы позволить налоговому органу снять возникшие вопросы. Открытый диалог между налоговым органом и налогоплательщиком часто позволяет избежать проведения выездной налоговой проверки.

Для начала процедуры медиации с налогоплательщиком заключается соглашение с учетом норм Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», удостоверяемое нотариально. Такое соглашение является для налоговых органов своего рода гарантией исполнения налоговых обязательств, а для налогоплательщика — возможностью избежать выездной налоговой проверки по вопросам и периодам, на которые распространяется действие соглашения.

Методологические и идеологические попытки перенести урегулирование споров с налогоплательщиками на ранние стадии предпринимаются фискальными органами достаточно давно. К примеру, уже более десяти лет назад в Приказе ФНС России от 13.02.2013 N ММВ-

7-9/78@ «Об утверждении Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013–2018 годы» ставились такие задачи. Возможность заключения мировых соглашений указывается в Письме ФНС России от 2 октября 2013 г. № СА-4-7/17648 «О практике заключения мировых соглашений налоговыми органами с налогоплательщиками в судах». При этом в Определении ВС РФ от 29 июня 2015 г. № 305-КГ15-4678 — налоговый орган не может заключить мировое соглашение, которым освободит налогоплательщика от обязательства. Предметом мирового соглашения не может также являться изменение налоговых последствий спорных действий и операций в сравнении с тем, как такие последствия определены законом.

Первые реальные эксперименты использования медиации до налоговой проверки были реализованы в 2020 г. в Санкт-Петербурге. Пределы содержания медиативного соглашения налоговые органы тогда определяли в соответствии с п. 27 Постановления Пленума ВАС от 18.07.2014 № 50: «При рассмотрении налоговых споров допустимо заключение соглашений об их урегулировании, в которых сторонами могут быть признаны обязательства, от которых зависит возникновение соответствующих налоговых последствий (например, признание налоговым органом не учтенных в ходе мероприятий налогового контроля сумм расходов и налоговых вычетов, влияющих на действительный размер налоговой обязанности, признание наличия смягчающих обстоятельств, приводящих к уменьшению размера налоговых санкций, и др.)».

Как отмечал руководитель УФНС России по г. Санкт-Петербургу Александр Гнедых, «Первым опытом построения новой системы взаимоотношений между налоговыми органами и представителями бизнеса стало заключение соглашения между МИФНС России № 21 по г. Санкт-Петербургу и ООО «Риф» (до реорганизации — ООО «Таллер»). Налоговым органом после проведения контрольно-аналитических мероприятий до налогоплательщика была доведена информация о выявленных рисках неуплаты налогов. После ряда консультаций с независимой стороной (медиатором) сторонами достигнута договоренность, в соответствии с которыми налогоплательщиком в удобные для него сроки уточнены его налоговые обязательства, уплачены соответствующие суммы налога, устранены риски».

Дальнейшего широкого распространения этот опыт не получил. Позднее в открытом доступе появилось письмо ФНС по г. Санкт-Петербургу от 14.05.2021 № 08-18/29855@, исходя из содержания, которого следует, что медиация применяется по итогам налоговой проверки, когда все обстоятельства выявлены, доказаны и получили правовую квалификацию.

Ввиду отсутствия специального регулирования можно предположить, что процедура медиации, о которой рассказывал руководитель УФНС России по СПб, осуществ-

влялась на основании ст. 21 и 31 Налогового Кодекса Российской Федерации.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 21 Кодекса «налогоплательщики имеют право получать по месту своего учета от налоговых органов бесплатную информацию (в том числе в письменной форме) о действующих налогах и сборах, законодательстве о налогах и сборах и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актах, порядке исчисления и уплаты налогов и сборов, правах и обязанностях налогоплательщиков, полномочиях налоговых органов и их должностных лиц, а также получать формы налоговых деклараций (расчетов) и разъяснения о порядке их заполнения».

Согласно п. 4 и 8 п. 1 ст. 31 НК налоговые органы вправе вызывать на основании письменного уведомления налогоплательщиков, плательщиков сборов или налоговых агентов для дачи пояснений в связи с уплатой (удержанием и перечислением) ими налогов и сборов либо в связи с налоговой проверкой, а также в иных случаях, связанных с исполнением законодательства о налогах и сборах, а также требовать от указанных лиц устранения выявленных нарушений законодательства и контролировать выполнение указанных требований.

В целом медиация в налоговых спорах имеет, на мой взгляд, хорошие перспективы, однако для ее развития необходимо предусмотреть специальное законодательное регулирование.

Так, в гл. 19 НК, посвященной порядку обжалования актов налоговых органов, а также действий (бездействия) должностных лиц, целесообразно предусмотреть возможность обращения к процедуре медиации с обязательным указанием подробных критериев споров, позволяющих установить степень публичного интереса, препятствующую рассмотрению спора при участии медиатора.

Вероятно, в Кодексе также стоит предусмотреть норму с отсылкой к Закону о медиации, поскольку последний с 2019 г. предусматривает возможность применения процедуры медиации в отношении публично-правовых споров.

На настоящий момент можно отметить, что интерес к применению медиации в налоговых спорах растёт, об этом, например, говорилось на заседании Московской торгово-промышленной палаты в марте 2025 года.

Медиация при налоговых спорах предлагает мирные способы урегулирования конфликтов без необходимости обращения в суд. Она помогает сторонам найти взаимоприемлемое решение, сохранить репутацию и минимизировать затраты времени и средств.

Однако медиация в налоговых вопросах часто оказывается невозможной, особенно в тех случаях, когда речь идёт о необходимости изменить или уменьшить сумму задолженности по налогам. Налоговые органы обязаны установить точный размер налоговых обязательств, и здесь не может быть никаких разговоров о возможных компромиссах.

Кроме того, во время проведения налоговых проверок медиация также не применима, так как налоговые органы действуют строго в рамках существующего законодательства и регламентов, и они не вправе изменять свои решения на основании каких-либо соглашений.

Таким образом, медиация на практике сталкивается с коллизиями законодательства и сложностями правоприменения ввиду недостаточности регулирования именно в сфере налогового законодательства.

Существует правовая позиция, заключающаяся в том, что Федеральный закон от 27.07.10 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [4] формально не предусматривает возможность применения медиации в налоговых спорах. Согласно пункту 2 статьи 1, указанным Федеральным законом регулируются «отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений...». Если же споры возникают не из упомянутых отношений, применение медиации должно быть обосновано отдельным специализированным законом. Таким образом, в настоящий момент даже сама возможность использования медиации в налоговых спорах находится под вопросом. И таким образом, пока в Налоговом кодексе РФ или ином законодательном акте отсутствует норма, позволяющая проводить медиации, контролирующие органы не готовы применять их в поточном режиме, несмотря на наличие закона о процедуре медиации, который не препятствует проведению процедуры.

Отдельно стоит упомянуть риски коррупционности. Как и многие другие ситуации попытки достичь договорённостей с государственными органами, медиация несет в себе опасения, что медиация станет инструментом для коррупционных схем.

Федеральная налоговая служба как государственный орган привыкла к императивной, принудительной риторике, а заключение соглашений и поиск нейтрального решения идут вразрез с его привычными методами.

Еще одним камнем преткновения при привлечении независимого эксперта встает вопрос оплаты услуг медиатора. Нет ясности, кто будет оплачивать услуги профессиональных медиаторов, особенно в случаях, если ФНС и налогоплательщик не договорятся и не заключат соглашение.

И, конечно же, тормозит развитие процедуры околонулевая официальная статистика. Нулевая она по двум причинам: во-первых, конфиденциальность процесса не предполагает раскрытия информации. Во-вторых, суды при утверждении медиативных соглашений в форме мировых показывают в статистике именно мировое соглашение, достигнутое сторонами.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что процедура медиации могла бы стать достойным и результативным дополнением к уже существующему порядку досудебного урегулирования споров. Однако на практике данная процедура сталкивается с недостаточностью пра-

вового регулирования в сфере налогового законодательства и вытекающими из коллизий правовой системы проблемами правоприменительной практики.

Процедура воспринимается с недоверием из-за отсутствия чёткого описания её механизмов, инструментов и ограничений. Для повышения популярности налоговой медиации необходимо пересмотреть действующее зако-

нодательство и разработать новые правовые принципы для примирительных процедур.

На мой взгляд можно предложить такие меры для развития института налоговой медиации как прояснение правового статуса и дополнительные меры регулирования, такие как обязательное вступление в СРО, создание единого реестра медиаторов.

Литература:

1. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media
2. Официальный сайт ФНС России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nalog.gov.ru/>
3. «Налоговый кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025)
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».
5. Арзуманова Л. Л., Григорьев А. А. Правовое регулирование медиации как альтернативного способа разрешения спора: налогово-правовой аспект // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 9. С. 89–97.
6. Дорохов М. А. Медиация как вид альтернативного разрешения налоговых споров // Система финансового права в условиях цифровой трансформации экономических отношений: доктрина и правовая реальность. Материалы Международной научно-практической конференции. К 100-летию Верховного Суда Российской Федерации. — М., 2023. — С. 290–294.

Процедуры банкротства юридических лиц: проблемы правового регулирования

Арыштаева Мария Александровна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Институт банкротства, получивший особую популярность в России в 2020 году на фоне пандемии коронавирусной инфекции, к 2025 году стал значимым элементом рыночной экономики, обеспечивающим ее оздоровление и вывод неэффективных компаний. Банкротство создает упорядоченный выход из кризиса. Для компаний — это шанс на реструктуризацию и восстановление, а для кредиторов — гарантия защиты прав и справедливого распределения имущества должника.

Однако в Российской Федерации законодательство о банкротстве претерпевает регулярные изменения, что позволяет сделать вывод о наличии определенных пробелов и противоречий в правовом регулировании процедур банкротства.

Данные противоречия приводят к различного рода злоупотреблениям, смещению баланса интересов в пользу узкого круга контролирующих кредиторов, в ущерб правам добросовестных участников и низкой результативности реабилитационных процедур из-за их сложности и отсутствия реальных стимулов для их применения.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», при рассмотрении дела о банкротстве должника — юридического лица, применяются следующие процедуры:

- наблюдение;
- финансовое оздоровление;
- внешнее управление;
- конкурсное производство;
- мировое соглашение [1].

Наблюдение представляет собой период времени, в который проводится анализ финансового состояния должника, составляется реестр кредиторов. Из чего можно сделать вывод о том, что основной целью данной процедуры является выявление финансового положения организации, возможности восстановить платежеспособность либо определить, хватит ли должнику принадлежащего ему имущества для покрытия расходов в деле о банкротстве, в случае невозможности восстановления им платежеспособности [9, с. 275].

Одной из главных задач временного управляющего на этапе наблюдения является сохранение имущества компании, в связи с чем, он наделен рядом полномочий, обеспечивающих данную возможность.

Например, он может ходатайствовать перед судом о запрете сделок без его согласия, о реорганизации или смене юридического адреса. Руководство должника сохраняет полномочия, но, если его действия угрожают интересам кредиторов, управляющий может инициировать отстранение руководителя через суд.

Также в обязанности временного управляющего входит проведение первого собрания кредиторов, подготовка отчёта о причинах банкротства и ведение реестра требований. На основе этого отчёта кредиторы принимают решение о дальнейшей судьбе компании.

Однако в ходе наблюдения часто не выявляются причины потери платежеспособности, что нередко приводит к ошибочным решениям кредиторов — ликвидация жизнеспособного должника, который мог бы восстановиться, либо спасение нежизнеспособного должника, что в конечном итоге снизит стоимость активов и принесет, тем самым, убытки кредиторам.

Значительным изъяном процедуры наблюдения можно назвать ее длительность, что ведёт к дополнительным издержкам.

В связи с этим можно сделать вывод о необходимости усовершенствования процедуры наблюдения: более тщательного анализа финансового положения должника, а также пересмотр и индивидуализацию срока наблюдения для детального изучения обстоятельств, приведших к неплатежеспособности, и правильного вывода для дальнейшего применения той или иной процедуры банкротства.

Финансовое оздоровление и внешнее управление — процедуры, применяемые в деле о банкротстве и направленные на восстановление платежеспособности должника и погашение задолженности перед кредиторами.

Обе процедуры направлены на спасение бизнеса, но в финансовом оздоровлении акцент ставится на погашении долга в соответствии с графиком погашения задолженности, а во внешнем управлении — на радикальных изменениях в управлении и деятельности для вывода компании из кризиса.

Однако модель реабилитационных процедур в банкротстве является малоэффективной и нежизнеспособной. Она не соответствует запросам хозяйственной практики и не вызывает интереса у сторон, которые видят в ней лишь формальный этап перед ликвидацией должника. Поскольку механизм не приводит к реальному финансовому оздоровлению, его применение в России используются крайне редко, что свидетельствует о преимущественно ликвидационном характере банкротства [7, с. 126].

Так, процедуру финансового оздоровления вводит Арбитражный суд по решению собрания кредиторов или по ходатайству учредителей должника.

Данное решение применяется судом, если существует реальная возможность восстановить платёжеспособность и расплатиться с долгами в срок.

В качестве обязательных гарантий суду должны быть предоставлены: детальный план финансового оздоровления, график погашения задолженности, надёжное обеспечение (поручительство, залог или банковская гарантия).

При этом принятое решение о введении процедуры финансового оздоровления зачастую не помогает юридическому лицу выйти из кризиса и восстановить платежеспособность.

Основная причина кроется в наличии определенных законодательных пробелах. Закон не содержит реальных инструментов восстановления бизнеса, таких как меры государственной поддержки или налоговые стимулы для привлечения инвестиций. Решением могло бы стать закрепление в законе «О банкротстве» специальных налоговых преференций для должников, проходящих эту процедуру, либо иных мер государственной поддержки, направленных на реальное восстановление платежеспособности должника.

Решение о введении внешнего управления принимается аналогично процедуре финансового оздоровления.

Ключевые особенности внешнего управления:

— Полномочия прежнего руководства полностью переходят к внешнему управляющему;

— Процедура включает анализ состояния должника, разработку плана восстановления и проведение собраний кредиторов;

Основные причины непопулярности процедуры:

1. Ошибки на этапе наблюдения: временный управляющий может неверно оценить целесообразность введения внешнего управления;

2. Неэффективность мер: внешний управляющий часто не владеет спецификой бизнеса должника, что приводит к неудачным решениям;

3. Длительность и мораторий: процедура занимает много времени, а мораторий на удовлетворение требований кредиторов не гарантирует им полного возврата средств в итоге.

Таким образом, внешнее управление — это сложная реабилитационная процедура, которая редко приводит к положительному результату, что и объясняет ее низкую практическую востребованность [5, с. 124].

Решением указанной проблемы могло бы стать усовершенствование процедуры наблюдения, а именно углубленный финансовый и операционный анализ. На наш взгляд, временный управляющий должен проводить не только финансовый аудит, но и оценку рыночных позиций, бизнес-модели, компетенций команды и реальных причин кризиса. Его заключение о целесообразности внешнего управления должно быть максимально обоснованным, а его вознаграждение должно быть в большей степени привязано к конечному результату (восстановлению платежеспособности), а не к объему реализованного имущества.

Также было бы целесообразным предусмотреть возможность привлечения независимых специалистов (консультантов) по профилю должника на этапе внешнего управления для более точной диагностики и разработки квалифицированными специалистами в конкретной области бизнеса, жизнеспособного плана восстановления платежеспособности должника.

Еще одним дополнительным путем решения данной проблемы стало бы создание реестра специализированных управляющих: формирование списков управляющих, имеющих подтвержденный опыт и образование

в конкретных отраслях (промышленность, строительство, IT, сельское хозяйство и т. д.).

Завершающей стадией процедуры банкротства юридического лица является конкурсное производство, результатом проведения которой является прекращение существования юридического лица.

Целью конкурсного производства является соразмерное удовлетворение требований кредиторов в очередности, которая предусмотрена действующим законодательством, за счет имущества должника.

Ключевой фигурой на этом этапе является конкурсный управляющий, который отвечает за весь процесс.

Основной проблемой, с которой он сталкивается, часто становится неэффективная реализация имущества должника.

Так, торги проходят в два этапа: сначала «на повышение», затем «на понижение». Статистика показывает крайне низкий процент состоявшихся торгов (6,4 % на первых и 4,8 % на повторных). Причиной является завышенная начальная цена и формальное требование о торгах «на повышение», не поддерживаемое кредиторами. Решением этой проблемы могли бы стать комбинированные торги в один этап — «на понижение» — для определения реальной рыночной (стартовой) цены, «на повышение» — для окончательной продажи по максимальной из предложенных цен, что ускорило бы процесс и сократило издержки [4, с. 94].

Помимо проблем в организации торгов, эффективность конкурсного производства подрывает ряд системных препятствий, которые существенно затрудняют работу арбитражного управляющего.

К ним относятся:

1. Нереальные процессуальные сроки: установленный законом шестимесячный срок для ключевых подготовительных действий несоразмерен сложности дел, длящихся годами, и ведет к формальному, а не содержательному ведению процедуры;

2. Административные и бюрократические барьеры: значительные задержки возникают при подтверждении полномочий управляющего и получении необходимой информации от государственных органов (Росреестр, суды, регистрирующие органы);

3. Имущественные споры и риски: необходимость включать в конкурсную массу активы, на которые имеются претензии третьих лиц, создает угрозу срыва сроков и персональные риски для управляющего в виде судебных исков;

4. Конфликты при реализации сложных активов: продажа взаимосвязанного имущества (например, здания и земельного участка под ним, находящихся в разных правовых режимах) осложнена неясностью в определении стороны, уполномоченной устанавливать условия такой продажи;

5. Утрата нематериальных активов (НМА): бренды, патенты, ноу-хау часто не выявляются и не сохраняются, поскольку работа ориентирована преимущественно на

данные бухгалтерского учета, а не на комплексную оценку бизнеса;

6. Правовая неопределенность и дисбаланс ответственности: широкие, но не детализированные законом полномочия управляющего сочетаются с расплывчатой системой ответственности, что создает почву для злоупотреблений, коррупционных рисков и избыточного давления со стороны заинтересованных лиц.

В качестве системного решения данных проблем предлагается введение института «плана конкурсного производства» (по аналогии с планом внешнего управления). Такой план, утверждаемый собранием кредиторов, должен устанавливать реалистичные сроки, бюджет процедуры и четкий порядок действий по реализации активов. Это повысит предсказуемость, обеспечит эффективный контроль со стороны кредиторов и снизит неоправданные персональные риски арбитражного управляющего [10, с. 66].

Детализация полномочий арбитражного управляющего и проработка действующих механизмов межведомственного взаимодействия управляющего с судами и государственными органами (бюрократическим аппаратом) также стали бы значимой частью системного решения указанных проблем.

Процедурой, применяемой в целях прекращения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) путем достижения соглашения между должником и кредиторами, является мировое соглашение [6, с. 334].

Мировое соглашение имеет двойственную природу, оно может рассматриваться как реабилитационная процедура банкротства, а может — как ликвидационная. В доктрине существует точка зрения, что мировое соглашение является альтернативой государственного вмешательства в урегулирование конфликта между неплатежеспособным должником и его кредиторами и единственной процедурой выхода из конкурсного производства, основанной на соглашении сторон [8, с. 276].

Как одна из процедур, применяемых в деле о банкротстве, мировое соглашение должно обеспечивать баланс интересов должника и всех его кредиторов.

Заключение мирового соглашения между должником и кредитором возможно на любой стадии банкротства. Стороны обращаются в суд с заключенным мировым соглашением, на основании которого выносится определение о прекращении производства по делу.

Для утверждения мирового соглашения и прекращения дела о банкротстве необходимо соблюдение ряда условий:

1. Погашение задолженности перед кредиторами первой и второй очереди (п. 1 ст. 158 Закона о банкротстве);

2. Соблюдение письменной формы;

3. Соответствие принципу реабилитационного паритета: суд проверяет соглашение на экономическую обоснованность, возможность исполнения и его цель — именно восстановление нормальной хозяйственной деятельности,

а не предоставление необоснованных преимуществ отдельной группе лиц (кредиторов или бенефициаров).

Однако следует учесть, что даже утвержденное соглашение может быть оспорено, если нарушает чьи-либо права.

В соответствии с п.2 ст.150 Закона о банкротстве, решение о заключении мирового соглашения со стороны конкурсных кредиторов и уполномоченных органов принимается собранием кредиторов большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов в соответствии с реестром требований кредиторов и считается принятым при условии, если за него проголосовали все кредиторы по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника.

Со стороны должника — юридического лица принимается руководителем должника, исполняющим обязанности руководителя должника, внешним управляющим или конкурсным управляющим.

Мировое соглашение в банкротстве не всегда выражает единую волю всех кредиторов, что с позиции Конституционного Суда РФ, является допустимым публично-правовым принуждением, обусловленным особенностями процедуры [2].

В результате возникает ситуация, при которой кредитор не желал заключать мировое соглашение с должником, однако пришлось подчиниться воле большинства кредиторов.

Тем не менее, закон и судебная практика требуют обеспечения баланса интересов и защиты кредиторов, голосовавших против, чьи условия не могут быть хуже [3].

Утверждая мировое соглашение, суд должен оценивать не только его формальное соответствие закону, но

и по существу, с позиции реабилитационного эффекта: обеспечивает ли оно баланс интересов и возврат должника к нормальной экономической деятельности, и являются ли условия соглашения обоснованными, целесообразными и реалистичными для исполнения в текущих рыночных условиях.

Также одной из ключевых проблем применения мирового соглашения в процедурах банкротства в России является глубокое недоверие кредиторов к должникам и отсутствие у них цели сохранить бизнес. Преобладает убеждение, что активы компании можно получить лишь в случае, если они были плохо скрыты или не успели быть выведены перед банкротством. Это отношение формирует всю дальнейшую логику процесса.

Практика утверждения мировых соглашений в банкротстве сталкивается с системными сложностями, что создает правовую неопределенность для участников процесса.

Решением проблемы с мировыми соглашениями могла бы послужить единая судебная практика. Верховный Суд должен дать четкие разъяснения для единого подхода к утверждению мировых соглашений в делах о банкротстве арбитражными судами.

Таким образом, несмотря на постоянное совершенствование, российский институт банкротства все-таки требует существенных корректировок, направленных на смещение акцента с формальной ликвидации на реальное сохранение жизнеспособного бизнеса, повышение профессионализма участников процесса и создание сбалансированной системы.

Для превращения банкротства юридических лиц в более действенный инструмент санации экономики необходимы системные изменения на всех его этапах.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: (ред. от 25.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190;
2. Постановление КС РФ от 22.07.2002 № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антеннофидерных устройств» // СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3161;
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 308-ЭС20–3526 (9, 10, 12–15) по делу № А332–26161/2019;
4. Буланов С. Е. Актуальные проблемы конкурсного производства как судебной процедуры банкротства / С. Е. Буланов. // Молодой ученый. — 2024. — № 46 (545). — С. 92–95;
5. Гришаев В. А. Внешнее управление при банкротстве юридического лица/ В. А. Гришаев // Экономика и бизнес: Теория и практика. — 2021. — С. 123–125;
6. Куликова Е. Д. // Правовая природа мирового соглашения в делах о несостоятельности (банкротстве)// Е. Д. Куликова // Актуальные проблемы законодательства о несостоятельности (банкротстве): взгляд молодых ученых: сборник научных трудов (коллектив авторов, под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. А. Карелиной). — МГУ имени М. В. Ломоносова. — М.: «Юстицинформ». — 2025 г.;
7. Нурмамедов, Р. Ш. Перспективы развития реабилитационных процедур несостоятельности (банкротства) / Р. Ш. Нурмамедов // Молодой ученый. — 2022. — № 25 (420). — С. 125–130;
8. Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование: Научно-практич. Пособие / В. Ф. Попондопуло// М.: Проспект. — 2016. — 431 с.;

9. Романов С. В., Силина Е. В./ К вопросу об эффективности стадии наблюдения при банкротстве юридических лиц// С. В. Романов, Е. В. Силина. //Инновационные аспекты в развитии науки и техники. — 2021.-С. 274–280.
10. Соболева Т. В. //Некоторые правовые проблемы реализации полномочий арбитражного управляющего//Т. В. Соболева //Вестник магистратуры. — 2022. — № 2–1 (125). — С. 62–66.

Типология личности преступника в криминологии

Благодарная Дарья Александровна, студент
Научный руководитель: Алейникова Валерия Андреевна, ассистент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена ключевой проблеме криминологии — типологии личности преступника. Автор обосновывает, что изучение преступности требует анализа не просто отдельных деяний, но и внутреннего мира правонарушителя, поскольку именно личность является носителем причин преступного поведения. Подчёркивается, что преступник формируется в результате взаимодействия биологических особенностей, психологических черт (таких как повышенная тревожность, агрессивность, отчуждённость) и социальной среды (расслоение общества, влияние групп). Цель криминологической типологии — выявить устойчивые сочетания этих признаков, чтобы понять механизм преступления и разработать адресные меры профилактики и исправления, основанные на включении человека в позитивную социальную среду.

Ключевые слова: личность преступника, криминология, тип.

Criminal personality typology in criminology

Blagodarnaya Daria Aleksandrovna, student
Scientific advisor: Aleynikova Valeriya Andreevna, assistant
Belgorod State National Research University

The article is devoted to the key problem of criminology –the typology of the criminal's personality. The author argues that the study of crime requires an analysis of not just individual acts, but also the inner world of the offender, since it is the personality that is the carrier of the causes of criminal behavior. It is emphasized that the criminal is formed as a result of the interaction of biological characteristics, psychological traits (such as increased anxiety, aggressiveness, alienation) and the social environment (stratification of society, the influence of groups). The purpose of criminological typology is to identify stable combinations of these signs in order to understand the mechanism of crime and develop targeted prevention and correction measures based on the inclusion of a person in a positive social environment.,

Keywords: criminal personality, criminology, type.

Во всем мире живет более семи миллиардов людей, обладающими своими уникальными поведенческими и социальными особенностями, среди которых происходят различные личностные контакты. Это побуждает нас исследовать личности людей, совершающих преступления в процессе своих взаимодействий, и выявлять причины и условия, сформировавшие из них «личность преступника». Криминология, изучая личность преступника, ставит своей целью выявить коренные причины преступного поведения на основе полученных данных, чтобы впоследствии его предотвратить. Такое предотвращение возможно лишь тогда, когда внимание сфокусировано на носителе этих причин — то есть на личности. Поскольку именно её специфические черты порождают преступное поведение, они и должны стать главным объектом предупредительных мер.

Ни для кого не секрет, что каждый человек наделен биологическими особенностями, которые делают лич-

ность здоровой либо имеющей отклонения. Это его делает способным к восприятию социума, что не скажешь о психически больных, которые могут совершать общественно опасные действия. Также наше общество расслоено: имеет разные интересы, образование, потребности, взгляды на жизнь и благосостояние. Эта работа закладывает основу для детального изучения личности преступников, будь то те, кто сделал преступление образом жизни, те, кого движет материальная выгода, или те, кто оказался вовлечен случайно. Для структурированного понимания данных индивидов требуется классификация и типология их социальных ролей, основанная на устойчивых поведенческих моделях

Личность преступника представляет собой специфический комплекс социально-психологических свойств, которые, будучи негативными по своему содержанию, сформировались и закрепились у индивида в процессе длительного взаимодействия с неблагоприятной соци-

альной средой. Этих свойства, (ценности, установки, модели поведения) не являются врожденными — они усваиваются через общение, групповую принадлежность и социальный опыт.

Социальный характер такой личности непосредственно отражает её принадлежность к определённым (часто маргинальным или криминальным) общественным группам, в которых были интериоризированы типичные для них нормы, социальные роли и стереотипы мышления [1, с. 143–145]. Иными словами, преступное поведение во многом есть результат социализации, но направленной в деструктивное русло.

Сравнительные исследования в криминологии показывают, что личность преступника, в отличие от законопослушного гражданина, характеризуется значительно более высокими уровнями тревожности, неуверенности в себе, импульсивности и агрессивности. Для таких людей, также типична отчуждённость от общественных норм и конструктивного социального общения. Парадоксальным образом эта отчуждённость сочетается с повышенной ранимостью и чувствительностью в межличностных контактах, что зачастую приводит к применению насилия как способа разрешения конфликтов. Таким образом, ключевая задача криминологии при изучении личности правонарушителя заключается в том, чтобы выявить эти внутренние психологические источники противоправного поведения, что является основой для построения эффективной системы профилактики.

Сравнительные исследования личностных особенностей в криминологии позволяют выделить ряд характерных отличий, присущих лицам, совершающим преступления. В отличие от законопослушных граждан, для типичного правонарушителя часто характерен комплекс взаимосвязанных черт: повышенный уровень ситуативной и личностной тревожности, внутренняя неуверенность в себе, склонность к импульсивным поступкам и агрессивным реакциям. Эта картина, обычно, дополняется социальной отчуждённостью — дистанцированием от общепринятых ценностей и конструктивных форм общения. Парадоксальным образом подобная ригидность сочетается с повышенной ранимостью и обидчивостью в межличностных контактах, что, на фоне общего дефицита социальных навыков, приводит к частому выбору насилия как основного способа разрешения конфликтов.

Именно поэтому криминологический анализ личности преступника концентрируется не на внешних обстоятельствах, а на выявлении внутренних, психологических источников противоправного поведения. Понимание этой устойчивой системы мотивов, установок и дезадаптивных черт является фундаментом для построения эффективных программ индивидуальной и общей профилактики преступлений.

Анализ охватывает специфические психологические черты, антисоциальные установки и деформацию ценностной сферы, которые в совокупности формируют готовность к выбору общественно опасных способов до-

стижения целей. Эмпирические данные свидетельствуют о типичных для этой группы характеристиках: относительно низкий образовательный уровень, высокая доля рецидива (особенно при имущественных и хулиганских преступлениях) и склонность к специализации в определённых видах преступной деятельности [2, с. 201–205]. Несмотря на индивидуальные различия, устойчивые сходства позволяют создавать типологии, что делает личность преступника ключевым звеном в системе анализа причин, механизмов и мер предупреждения преступлений.

Типология личности преступника. Типология как метод научного познания позволяет систематизировать контингент преступников на основе существенных, причинно-связанных с противоправным поведением признаков. В криминологии она служит общей задаче выявления причин и механизма преступного поведения для его профилактики, опираясь в первую очередь на субъективные, внутренние детерминанты, такие как мотивы, отражающие личностный смысл деяния для субъекта [3, с. 87–88]. При этом современные классификации носят комплексный характер, учитывая не только нравственно-психологические черты личности и степень её общественной опасности, но и взаимодействие этих характеристик с социальной средой. Обычно в криминологии классифицируют следующие типы преступников:

1. Последовательно-криминальный тип. Самая высокая и стойкая антиобщественная ориентация, преобладают насильственная и корыстная мотивация.

2. Ситуативно-криминальный тип. В личности уживаются качества преступника и законопослушного гражданина. Характеризуется нарушением моральных норм и правонарушений непроступного характера. К преступлению приводит микросреда, являющейся развитием преступной ситуации.

3. Ситуативный тип. Характерный признак — идейно-психическая слабость, низкие интеллектуальные, эмоциональные и волевые ресурсы. Решающую роль играет криминогенная ситуация.

4. Случайный тип. Характерны негативные черты, относящиеся к конкретной ситуации, дают не закономерный результат и ситуации.

В практике же выделяют типологические группы преступников по мотивационным критериям.

1. Корыстный тип. Мотив — личное обогащение при помощи преступления.

2. Престижный тип. Мотивы те же, что и у первого, только с целью повышения социального статуса.

3. Корыстно-насильственный и насильственный тип. Преступления совершаются с целью обогащения, а также сплочения участников.

4. Сексуальный тип.

Также типологические группы выстраивают по:

— характеру антиобщественной направленности и ценностных ориентаций (негативно пренебрежительное отношение к личности, корыстно-частноблагочестивые тенденции, индивидуалистические отношения к раз-

личным социальным установлениям, легкомысленно-безответственное отношение к установленным социальным ценностям).

— степени их общественной опасности (особо опасные преступники, многократно судимые рецидивисты, профессиональные преступники).

— степени и характеру общественной опасности (преступления от простых к тяжким).

— длительности и устойчивости (злостные преступники по профессии, по оппозиции к обществу, лица повторно совершавшие преступления, лица совершавшие преступления впервые).

Подводя итог, можно утверждать, что типология личности преступника в криминологии служит глубоким методом анализа, нацеленным на дифференциацию устойчивых типов, чьё поведение детерминировано внутренними факторами. Её фундаментальная задача выходит за рамки формальной систематизации и состоит в раскрытии субъективных причинно-следственных

связей и механизмов, приводящих к преступлению, что непосредственно работает на цели его профилактики. В основу типологии, положены прежде всего внутренние, субъективные факторы: мотивы, ценности, психологические особенности, устойчивые личностные черты, такие как склонность к агрессии, импульсивность или глубокая асоциальная направленность [3, с. 148–151]. Одновременно типология не игнорирует внешние социальные факторы — например, принадлежность к маргинализированным группам, влияние криминальной субкультуры или социальное неравенство. Однако её суть в том, чтобы показать, как эти внешние условия преломляются через личность, порождая конкретные типы: от профессионального преступника, избравшего криминал как образ жизни, до ситуативного или случайного правонарушителя. Именно комплексный подход, учитывающий устойчивое взаимодействие личностных черт и социальной среды, позволяет построить содержательную типологию, которая служит основой для адресных мер профилактики.

Литература:

1. Криминология: учебник для слушателей Академии МВД СССР / Г. А. Аванесов; Академия МВД СССР. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Москва: Акад. МВД СССР, 1984. — 498 с.
2. Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобществ. поступков и путях их предупреждения / Н. П. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Политиздат, 1989. — 350, [1] с.;
3. Учебник/Под ред. акад. В. Н. Кудрявцева, проф. В. Е. Эминова. — М.: Юрист, 1997. — 512 с.
4. Учебник для вузов / Под ред. проф. В. Д. Малкова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЗАО «Юс тицинформ», 2011. — 544 с.

Особенности обеспечительных мер в гражданском процессе

Букарева Виктория Игоревна, студент
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается сущность и правовая природа обеспечительных мер в гражданско-процессуальном праве, анализируется современная практика их применения. Рассматриваются нормативно-правовые положения и освещаются текущие тенденции в развитии института обеспечительных мер, подчеркивается их двойная роль: как защитных инструментов, обеспечивающих защиту прав от недобросовестных действий, и одновременно указывается на потенциальную возможность использования этих мер в качестве инструментов процессуального злоупотребления. Эффективность обеспечительных мер остается критически важной областью научных исследований в российском академическом сообществе, особенно в свете их значимости для обеспечения стабильности общественно-экономических отношений в условиях судебных разбирательств по вопросам исполнения решений.

Ключевые слова: злоупотребление правами, обеспечительные меры, процессуальное право, гражданский процесс, стимулирование процессуальных участников.

Судебная власть функционирует как «социальный клапан», смягчающий общественные противоречия путем предоставления независимого механизма разрешения споров, однако, когда судебные решения остаются неисполненными, это дестабилизирует как общественные, так и экономические структуры, в конечном итоге подрывая доверие общественности к государственному управлению.

Неспособность исполнять ключевые судебные решения подрывает верховенство права, закрепленное в Конституции РФ и гражданском законодательстве. Некомпетентность российской судебной системы в выполнении своей основной задачи противоречит конституционным нормам и отраслевому законодательству, в частности, в отношении правовой базы для обеспечи-

тельных мер в гражданском судопроизводстве. В частности, Гражданский процессуальный кодекс (ГПК РФ) определяет их как меры по обеспечению иска, срочные, обеспечительные действия, направленные на обеспечение требований или имущественных интересов, однако в нем отсутствует всеобъемлющее определение, что приводит к различным интерпретациям и непоследовательной судебной практике.

Отсутствие единого определения в ГПК РФ создает двусмысленность, и хотя формализация концепции обеспечительных мер могла бы повысить правовую ясность и единообразие в применении, крайне важно, чтобы любое такое определение соответствовало существующим положениям для обеспечения согласованности в рамках правовой системы. Кодификация понятия обеспечительных мер в ГПК РФ является не просто процессуальной реформой, а необходимым повышением правовой определенности и единообразия в судебной практике.

Обеспечительные меры служат неотложными и обеспечительными мерами для сохранения правового или имущественного статуса участвующих сторон и обеспечения возможности фактического исполнения судебных решений. Формулировка этих мер направлена на создание согласованной системы, которая уравнивает процессуальную эффективность с материальной справедливостью в рамках гражданско-правовой системы.

Выделяют основные характеристики обеспечительных мер в контексте российского арбитражного права:

1. Срочность обязывает суды оперативно рассматривать запросы о предоставлении обеспечения, что позволяет принимать меры незамедлительно без официального уведомления сторон [1].

2. Понятие временности в контексте обеспечительных мер в российском гражданском процессе подчеркивает обеспечительный характер таких мер, допускающих их применение до вынесения окончательного решения без гарантии исхода исковых требований истца. Эта концепция взаимосвязана с принципом последовательности, согласно которому эффективность обеспечительных мер должна соответствовать как срочности предъявленных требований, так и общей правовой базе, регулирующей их применение.

3. Критерии соразмерности требуют всестороннего судебного анализа, который уравнивает защищаемые права и интересы с потенциальными финансовыми последствиями применяемых мер для должника, тем самым подтверждая необходимость надежного доказательного стандарта при исполнении таких мер [4].

4. Акцессорность предполагает наличие тесной и неразрывной связи обеспечительных мер с имущественными требованиями истца. Собственно, акцессорность реализуется в формуле: «без иска нет и обеспечения».

Обеспечительные меры в судебном процессе имеют более широкое воздействие, чем простое ограничение прав ответчика; они по своей сути включают механизмы компенсации ответчику за обоснованное использование таких мер. Это взаимодействие обеспечивает баланс

между налагаемыми ограничениями и гарантиями правоприменения. Кроме того, расхождения в судебной практике в отношении стандартов доказывания, необходимых для применения этих мер, отражают значительные региональные различия, особенно между судами общей юрисдикции и судами Москвы, где часто преобладают более строгие требования к доказательствам [2].

Правовая система предоставляет судьям значительную свободу действий и полномочия при применении обеспечительных мер, тем самым повышая эффективность и исполнимость судебных решений. Подчеркивается, что эта система позволяет судьям противодействовать любым попыткам сторон скрыть активы, чтобы избежать исполнения судебных решений, что отражает стремление к обеспечению справедливости и подотчетности.

Для улучшения российской процессуальной базы предлагается внести поправки в законодательство, которые установят более строгие требования к оценке соразмерности обеспечительных мер заявленным требованиям, избегая расплывчатых обобщений, которые могут подорвать эффективность судебной системы.

Подчеркивается необходимость для судей конкретизировать доказательства «необходимости» в отношении обеспечительных мер защиты, затрагивая опасения по поводу судебного усмотрения, которое может перерасти в пассивность и непредсказуемость решений. В частности, истец должен продемонстрировать, что без таких мер он понесет непоправимый ущерб, который не может быть устранен никакими потенциальными компенсационными средствами, в то время как суд должен сбалансировать интересы как истца, так и ответчика, особенно при оценке соразмерности применения обеспечительных мер, когда такие действия могут препятствовать законной деятельности ответчика.

В конечном итоге, подход суда должен учитывать эти сложности, чтобы обеспечить справедливые судебные результаты, минимизируя при этом риск несправедливого нарушения прав ответчика.

Увеличение числа обеспечительных мер в рамках процессуального законодательства призвано повысить эффективность работы судов по исполнению судебных решений. Действующие правовые рамки демонстрируют недостатки в доступном наборе таких мер, что не позволяет адекватно сдерживать действия, направленные на уклонение от исполнения судебных решений. Эта недостаточность требует всесторонней переоценки и расширения сферы применения обеспечительных мер для создания более надежного механизма защиты исполнения судебных решений от потенциального несоблюдения.

В России рассмотрение исков позволяет спорящим сторонам представлять аргументы и контраргументы, однако, когда судья в одностороннем порядке принимает решение о предоставлении мер безопасности без участия ответчика, возможности последнего ограничиваются обжалованием решения в рамках установленных апелляционных процедур. Это подчеркивает критический

процессуальный пробел в российском гражданско-процессуальном праве, который может подорвать эффективность судебного надзора за предоставлением мер безопасности, что требует реформ для повышения правовой ясности и стабильности.

Таким образом, исследование определяет институт обеспечения исполнения требований как инструмент стабилизации процессуальных отношений и повышения эффективности судебных процессов. Далее подчеркиваются существующие законодательные пробелы, препят-

ствующие эффективному применению мер обеспечения в российских судах, и утверждается, что предложенные в исследовании рекомендации направлены на устранение этих недостатков для модернизации гражданско-процессуального права. Эта критика подчеркивает необходимость законодательной реформы для более эффективного обеспечения исполнения мер защиты в рамках российской правовой системы, тем самым повышая общую эффективность судебной деятельности и целостность процессуальных взаимодействий.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Определение Московского городского суда от 12.08.2021 по делу № 33–12345/2021.
3. Алиева, Г. Ш. Соотношение применения обеспечительных мер в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации / Г. Ш. Алиева, Е. Н. Чуракова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4–3(55). С. 123–125. DOI: 10.24412/2500–1000–2021–4–3–123–125 EDN: DTVXQJ
4. Селькова А. А. Институт обеспечительных мер в процессуальном законодательстве России и Англии: сравнительно-правовой аспект: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.15. Екатеринбург, 2018. 12 с. EDN: TMM1HV

Дискриминация в сфере труда в российском трудовом праве

Быкадорова Марина Сергеевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается дискриминация в сфере труда как правовое явление и как объект правового запрета в российском трудовом праве. Анализируются конституционные и трудово-правовые основы равенства возможностей, содержание запрета дискриминации, соотношение допустимых различий (обусловленных требованиями труда) и недопустимого ограничения прав работника. Отдельное внимание уделено судебной защите: типичным ситуациям (отказ в приеме на работу, условия оплаты труда, локальные нормы работодателя), а также проблемам доказывания дискриминации в суде и причинам низкой результативности судебной защиты. Сделаны выводы о направлениях совершенствования правоприменения и процессуальных механизмов защиты.

Ключевые слова: дискриминация, равенство, трудовые права, отказ в приеме на работу, судебная защита, доказывание.

Запрет дискриминации в сфере труда в российской правовой системе имеет конституционный характер. Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность государства обеспечивать равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от перечисленных в ней обстоятельств, а также устанавливает запрет любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности [1]. Конституционная норма задает общий стандарт равенства, который должен конкретизироваться в отраслевом регулировании, прежде всего — в трудовом праве, поскольку именно в сфере труда чаще всего проявляются конфликт интересов работодателя и работника и риск необоснованного предпочтения одних лиц перед другими.

Ключевой отраслевой нормой выступает статья 3 Трудового кодекса Российской Федерации, закрепляющая

равенство возможностей в сфере труда и прямой запрет ограничений или преимуществ по обстоятельствам, не связанным с деловыми качествами работника [2]. В научной литературе обращается внимание на то, что законодательная конструкция запрета дискриминации в российском трудовом праве построена вокруг идеи «деловых качеств»: различия допустимы лишь тогда, когда они объективно обусловлены трудовой функцией, условиями выполнения работы или прямо вытекают из закона. К. Д. Агатов формулирует обобщающее определение дискриминации в трудовых отношениях как «нарушение или ограничение трудовых прав гражданина» по признакам, не относящимся к его профессиональным качествам [4, с. 108]. Важность такого подхода заключается в том, что он позволяет отделить неправомерные решения работодателя от правомерного отбора работников по требова-

ниям должности. Однако на практике грань между этими явлениями нередко размыта: работодатели могут «маскировать» предпочтения и ограничения, формально ссылаясь на производственные интересы, что создает риск формального соблюдения закона при фактическом ущемлении прав работника.

Содержание запрета дискриминации в сфере труда не исчерпывается только стадией заключения трудового договора. Риск дискриминации существует на протяжении всего трудового отношения: при установлении оплаты труда, распределении премий и стимулирующих выплат, направлении на обучение, предоставлении гарантий и компенсаций, переводах, дисциплинарных взысканиях и увольнении. Поэтому реальная эффективность запрета зависит не только от текста закона, но и от доступности механизмов защиты и от того, насколько суды готовы вскрывать фактические мотивы решений работодателя.

Для трудового права принципиально значимо различать дискриминацию и допустимые различия (дифференциацию) в правовом регулировании. Сама статья 3 ТК РФ построена таким образом, что признает недопустимыми ограничения по обстоятельствам, «не связанным с деловыми качествами» [2]. Отсюда следует важный вывод: закон не запрещает работодателю оценивать работников и кандидатов по профессиональной пригодности, квалификации, опыту, способности выполнять трудовую функцию, но запрещает подменять такую оценку ссылками на социальные или личные характеристики, которые сами по себе не влияют на выполнение работы.

В исследованиях, посвященных принципу запрета дискриминации, подчеркивается, что реальная сложность заключается в доказательстве того, что примененный работодателем критерий не относится к деловым качествам и не имеет объективного оправдания. Так, в научных работах (в том числе диссертационных) анализируются типовые схемы «переупаковки» дискриминационных мотивов: отказ в приеме на работу объясняется «несоответствием корпоративной культуре», отказ в повышении — «недостаточной инициативностью», снижение выплат — «субъективной оценкой эффективности», хотя фактической причиной может быть личное обстоятельство работника [10; 11]. В таких условиях запрет дискриминации превращается в норму, требующую активной позиции суда и применения совокупности доказательств, включая косвенные признаки.

Особую группу составляют ситуации, когда формально установленные требования к работнику выходят за пределы объективной необходимости. Показательным примером в судебной практике, приведенным К. Д. Агатовым, является спор, связанный с установлением требований к состоянию здоровья и фактическим отказом в трудоустройстве по причине заболевания: суд исходил из того, что «сам факт наличия заболевания не должен рассматриваться как препятствие к осуществлению трудовой деятельности», а решение должно приниматься по итогам медицинского освидетельствования и с учетом

реальной способности выполнять работу [4, с. 110–111]. Этот подход важен как методологический ориентир: запрет дискриминации означает необходимость индивидуальной оценки применительно к конкретной работе, а не автоматическое исключение человека из профессии по признаку, не доказывающему невозможность трудиться.

Наиболее конфликтной зоной остается доступ к занятости и отказ в заключении трудового договора. Трудовой кодекс содержит прямые запреты отдельных мотивов отказа и специальные гарантии, в том числе в статье 64 ТК РФ [2]. Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 17 марта 2004 г. № 2 разъяснил судам, что, например, запрещен отказ женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей, а также работникам, приглашенным в порядке перевода, при соблюдении установленных сроков [3]. Эти разъяснения имеют прикладное значение: они задают суду рамку, в которой отказ оценивается не как «свобода усмотрения работодателя», а как юридически значимое действие, подлежащее проверке на предмет законности и наличия запрещенного мотива.

Тем не менее сам механизм защиты кандидата (а не работника) остается уязвимым. Кандидат нередко не обладает документами, подтверждающими причины отказа: собеседование может проходить устно, переписка — отсутствовать, а официальная формулировка работодателя сводится к «принято решение в пользу другого кандидата» [10]. Отсюда возникает центральная проблема: даже при наличии обоснованного предположения о дискриминации кандидат сталкивается с дефицитом доказательств, поскольку они находятся у работодателя или вообще не фиксируются в документальной форме. Именно поэтому в научной литературе подчеркивается необходимость оценивать доказательства в совокупности, уделяя значение косвенным признакам: повторяемости отказов, несоразмерности требований, противоречивости объяснений работодателя, несоблюдению собственных процедур подбора персонала [10, с. 86].

Трудовой кодекс прямо закрепляет судебный способ защиты: лицо, считающее, что подверглось дискриминации, вправе обратиться в суд с требованиями о восстановлении нарушенных прав, возмещении материального вреда и компенсации морального вреда [2]. Однако, как отмечается в научных публикациях, введение такой модели привело к тому, что обращения о дискриминации фактически «вытесняются» в судебную плоскость, а иные механизмы реагирования используются ограниченно [10, с. 563–564]. В результате именно суд становится ключевым институтом, от эффективности которого зависит реальность запрета дискриминации в сфере труда.

Практика показывает, что в делах о дискриминации суды часто сталкиваются с необходимостью реконструировать мотивы и фактические причины решений работодателя [9]. При этом общий процессуальный принцип возлагает на стороны обязанность доказывания тех обстоятельств, на которые они ссылаются [5, с. 271]. Л. А. Ломакина подчеркивает, что при применении стандартного

распределения обязанностей по доказыванию «факт дискриминации доказать очень сложно», поэтому работники «очень редко выигрывают дела» данной категории [11, с. 138]. Этот вывод согласуется с более широкими наблюдениями правоприменения: дискриминация нередко проявляется не в одном «ярком» решении работодателя, а в совокупности действий, каждое из которых по отдельности можно попытаться объяснить производственными причинами, и именно такая «раздробленность» делает доказывание особенно сложным.

В качестве направления улучшения судебной защиты в научной дискуссии предлагается смягчение бремени доказывания для истца по делам о дискриминации. Л. А. Ломакина, обобщая позицию исследователей и практиков, фиксирует, что в российской правовой науке «не раз высказывалось мнение о необходимости» переноса обязанности доказывания на работодателя либо, как минимум, о частичном перераспределении этой обязанности [11, с. 145]. В подтверждение приводится позиция А. В. Дудченко о том, что при действующем подходе «доказать дискриминацию... невозможно» [7, с. 55]. Важно подчеркнуть: речь идет не об устранении требований к доказательству, а о построении более справедливой модели, где истец должен представить суду совокупность фактов, создающих обоснованное предположение о дискриминации, после чего работодатель обязан раскрыть объективные причины различий и подтвердить их связь с деловыми качествами и трудовой функцией.

Судебные примеры позволяют увидеть, какие аргументы и доказательства оказываются решающими. Так, в деле, связанном с применением требований к состоянию здоровья в авиационной сфере, суд пришел к выводу о недопустимости автоматического признания лица непригодным к работе только по факту заболевания и подчеркнул необходимость индивидуальной оценки пригодности по итогам медицинского освидетельствования [6, с. 100]. Здесь важен сам стандарт рассуждения: суд оценивает не «ярлык» (наличие определенного состояния), а реальную способность выполнять работу и наличие законной цели ограничения.

Другой пример, приведенный К. Д. Агатовым, связан с оценкой локальной нормы работодателя, установившей требования к физическим параметрам работников, которые затем использовались для снижения выплат. Суд квалифицировал использование такого кри-

терия при определении стимулирующих выплат как дискриминационное и признал локальную норму недействительной, удовлетворив требование о компенсации морального вреда [4, с. 111–112]. Этот пример показывает, что дискриминация может проявляться не только в отказе в приеме на работу или увольнении, но и в «тонкой настройке» системы оплаты труда и стимулирования, когда формально финансовые решения обосновываются внутренними правилами, но фактически основаны на признаках, не связанных с трудовой функцией.

В целом судебная практика демонстрирует, что успех защиты во многом зависит от того, удастся ли истцу показать причинную связь между неблагоприятным решением и признаком, не относящимся к деловым качествам, а также выявить несоразмерность или необоснованность критерия, примененного работодателем [8]. При этом суды, как правило, осторожно подходят к признанию дискриминации, и потому особенно значимы любые документальные следы: приказы, положения о премировании, переписка, протоколы комиссий, объявления о вакансиях с заведомо избыточными ограничениями.

Таким образом, запрет дискриминации в сфере труда в российском трудовом праве закреплен на конституционном и отраслевом уровнях и формально охватывает ключевые стадии трудовых отношений — от доступа к занятости до реализации прав работника в процессе труда. Вместе с тем эффективность запрета определяется не столько декларацией равенства, сколько реальными механизмами защиты. Практика показывает, что центральным препятствием остается доказывание: стандартное распределение обязанностей по доказыванию и информационное превосходство работодателя приводят к тому, что суду нередко трудно установить дискриминационный характер различий, даже когда работник обоснованно указывает на несправедливость. Наиболее перспективным направлением развития является формирование процессуального подхода, при котором работник предъявляет совокупность фактов, создающих обоснованное предположение о дискриминации, а работодатель обязан раскрыть и доказать объективные причины различий. Одновременно требуется дальнейшая выработка судебных критериев оценки «деловых качеств» и допустимости локальных норм, чтобы запрет дискриминации в сфере труда действовал как реальная гарантия, а не как формальное положение закона.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 06.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 14.04.2014. — № 15.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Российская газета. — № 256. — 31.12.2001.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — № 297. — 31.12.2006.

4. Агатов, К. Д. Правовое регулирование запрета на дискриминацию в сфере труда / К. Д. Агатов. — Текст: непосредственный // Евразийская адвокатура. — 2023. — № 2. — С. 108–112.
5. Гальт, В. В. Гендерная дискриминация в сфере труда: российский и зарубежный опыт // В. В. Гальт. — Текст: непосредственный Молодой ученый. — 2021. — № 25(367). — С. 271–272.
6. Дейко, Е. А. Дискриминация в сфере труда как актуальная проблема трудового права / Е. А. Дейко. — Текст: непосредственный // Эпомен. — 2022. — № 69. — С. 96–105.
7. Дудченко, А. В. Проблемы возникновения дискриминации в сфере труда в Российской Федерации / А. В. Дудченко. — Текст: непосредственный // Сфера услуг: инновации и качество. — 2024. — № 70. — С. 51–59.
8. Ивлева, А. А. Способы защиты от дискриминации в сфере труда // Электронный научный журнал / А. А. Ивлева. — Текст: непосредственный. — 2021. — № 5(43). — С. 68–71.
9. Ларина, Е. А. Отдельные проявления дискриминации в сфере труда в Российской Федерации / Е. А. Ларина. — Текст: непосредственный // Образование и право. — 2023. — № 9. — С. 410–415.
10. Лиликова, О. С. Запрет дискриминации в сфере труда на современном этапе развития законодательства / О. С. Лиликова. — Текст: непосредственный // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 105–7. — С. 85–88.
11. Ломакина, Л. А. Запрет дискриминации в сфере труда / Л. А. Ломакина. — Текст: непосредственный // Вопросы трудового права. — 2024. — № 3. — С. 138–147.

Опцион как инструмент превентивной и восстановительной защиты прав собственника: вещно-правовой аспект

Волков Матвей Владимирович, студент магистратуры;
Комаров Константин Романович, студент магистратуры

Научный руководитель: Дельцова Наталья Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент
Самарский государственный экономический университет

В статье исследуется правовая природа опциона как гражданско-правового инструмента, способного выполнять не только обязательственно-правовую, но и превентивную и восстановительную функции защиты прав собственника. Обосновывается тезис о гибридном характере опциона, сочетающем элементы обязательственного и вещно-правового воздействия. Анализируются практические модели использования опциона в корпоративных и имущественных отношениях, а также его соотношение с классическими вещно-правовыми способами защиты.

Ключевые слова: опцион, опционный договор, право собственности, вещные права, защита владения, превентивная защита, восстановительная защита.

В условиях усложнения имущественного оборота и роста корпоративных конфликтов традиционные способы защиты права собственности не всегда позволяют оперативно и эффективно восстановить нарушенное право либо предупредить его нарушение [1; 6]. В этой связи особое значение приобретают договорные конструкции с превентивным и компенсаторным потенциалом. Одной из таких немаловажных конструкций является опцион, урегулированный главой 27 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Эволюция понимания опциона

Традиционно институт опциона (опционного договора), урегулированный главой 27 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], рассматривается сквозь призму договорного права. Он понимается как право одной стороны (держателя опциона) в будущем заключить основное обязательственное соглашение (например,

договор купли-продажи, аренды) на заранее оговоренных условиях. Однако в практике сложных корпоративных и имущественных отношений опцион трансформировался из простого инструмента будущей сделки в эффективный механизм предиктивной (предсказательной) и владельческой защиты.

Цель данной статьи — доказать, что грамотно структурированный опцион может служить не менее надежным, а в некоторых случаях и более гибким, способом охраны интересов собственника, чем классические вещные иски (виндикационный, негаторный). Опцион как средство превентивной защиты прав собственника

Опцион как средство превентивной защиты прав собственника

Превентивная защита предполагает создание юридических механизмов, минимизирующих риск нарушения субъективного права [5]. Опцион позволяет собствен-

нику заранее зафиксировать допустимые сценарии распоряжения имуществом и тем самым ограничить возможность недобросовестных действий третьих лиц [1].

Так, предоставление опциона на приобретение доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью доверенному участнику фактически блокирует возможность отчуждения доли нежелательному приобретателю [3; 4]. При этом собственник сохраняет правомочия владения и пользования, а потенциальные угрозы перераспределения корпоративного контроля нейтрализуются на договорном уровне.

Аналогичную функцию опцион выполняет и в арендных отношениях, когда долгосрочная аренда сопровождается опционом на выкуп имущества. Такая конструкция обеспечивает стабильность владения и пользования объектом, а также предсказуемость поведения контрагента.

Восстановительная функция опциона

Восстановительная защита направлена на компенсацию последствий уже совершенного нарушения. В ряде случаев опцион позволяет достичь этого результата более эффективно, чем классические вещно-правовые иски [3; 6].

В корпоративных спорах опцион может использоваться как альтернатива виндикации доли или акции [1]. Например, при нарушении преимущественного права покупки реализация заранее предусмотренного опциона позволяет восстановить экономическое участие в капитале общества без признания сделки недействительной.

Кроме того, опцион нередко используется в качестве инструмента фиксации компенсации в рамках мировых соглашений. Предоставление опциона на приобретение имущества по льготной цене в будущем позволяет учитывать инфляционные риски и сохранять интерес потерпевшей стороны к активу.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «Консультант плюс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.12.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СПС «Консультант плюс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 19.12.2025).
3. Бевзенко Р. С. Опцион в гражданском праве России: возникновение, осуществление, защита. — М.: Статут, 2018. — 160 с.
4. Гражданское право: в 4 т. Том 3: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2019.
5. Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. — М.: Прогресс, 1972.
6. Степанов Д. И. Вещные права в российском гражданском праве: монография. — М.: Статут, 2019. — 560 с.

Соотношение опциона и вещно-правовых способов защиты

До момента реализации опциона его держатель обладает обязательственным правом требования, вытекающим из обязательственного правоотношения [2; 3]. В случае утраты или незаконного отчуждения предмета опциона защита осуществляется посредством взыскания убытков. Однако после реализации опциона и заключения основного договора управомоченное лицо приобретает статус собственника и, соответственно, весь комплекс вещно-правовых средств защиты.

Таким образом, опцион не подменяет собой виндикационные и негаторные иски, а дополняет их, обеспечивая многоуровневую модель защиты права собственности.

Стратегически, использование опциона позволяет:

1. Предотвратить потенциальные угрозы владению и распоряжению еще до их возникновения.
2. Создать «планы Б» на случай нарушения прав, позволяющие восстановить статус-кво быстрее и с меньшими издержками, чем через судебный спор.
3. Легитимизировать сложные корпоративные и имущественные схемы, обеспечивая баланс интересов и стабильность владения.

В современном правовом поле, где активы часто имеют сложную структуру, а угрозы носят изощренный характер, опцион перестает быть экзотикой и становится стандартным элементом юридического «здоровья» собственности.

Таким образом опцион представляет собой гибкий и многофункциональный правовой инструмент, способный выполнять как превентивную, так и восстановительную функции защиты прав собственника. Его использование позволяет снизить конфликтность имущественного оборота и обеспечить устойчивость владения и распоряжения активами. В современных условиях опцион может рассматриваться как важный элемент правовой стратегии защиты собственности.

История формирования механизма налогового контроля в России

Гашимов Рамазан Юшаевич, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

Статья посвящена истории развития налогового контроля в России. Изучаются условия его зарождения как механизма контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах, этапы развития и особенности применения, раскрывается значение налогового контроля для государства.

Налоговая система в России всегда являлась одним из основных инструментов государственного регулирования экономической деятельности. Она позволяет обеспечить финансовую устойчивость государства, финансирование социальных программ, инфраструктуры и других важных сфер жизни общества.

Изучение истории России подтверждает, что налоговое дело во все времена было и остается неотъемлемой частью внешней и внутренней политики государства. Это связано с тем, что налоги являются главным механизмом формирования доходной части страны (80–85 % доходов бюджета). Для правильного функционирования налоговой, как и в любой иной системы, главным элементом является механизм осуществления контроля и надзора, который призван обеспечивать устойчивый сбор налогов, выявлять и пресекать нарушения закона. Анализируя значимость системы налогообложения и подчеркивая ее роль для большинства государств, можно констатировать факт необходимости существования налогового контроля как механизма [2].

Существует достаточно много определений налогового контроля, в которых немало различий. Одним из самых распространенных и верных, по мнению многих ученых, является определение А. В. Брызгалина: «налоговый контроль — это установленная законодательством совокупность приемов и способов руководства компетентных органов, обеспечивающих соблюдение налогового законодательства и правильность исчисления, полноту и своевременность внесения налога в бюджет или внебюджетный фонд», в котором подчеркивается роль деятельности уполномоченных органов.

Д. Г. Черник, А. П. Починок и В. П. Морозов определяют налоговый контроль как «контроль за обеспечением полноты и своевременности уплаты юридическими и физическими лицами налогов и других обязательных платежей», где среди прочих признаков они, прежде всего, выделяют особые субъекты отношений. И. И. Кучеров описывает налоговый контроль как одно из направлений финансового контроля, которое представляет собой деятельность уполномоченных субъектов, обладающих соответствующей компетенцией, с использованием специальных форм и методов. В целом, определения налогового контроля разнообразны.

Чтобы подробнее рассмотреть данный вопрос, следует обратиться к историческому аспекту становления и раз-

вития механизма налогового контроля в России. В ходе его изучения разумно будет также задуматься над вопросом, как и когда появилась необходимость введения контрольно-надзорного механизма в налоговую систему.

Изучение истории формирования и развития государственного контроля в России свидетельствует, что налоговый контроль существовал еще в Древней Руси. Этот период можно считать начальным этапом формирования налогового контроля. Документов, которые могли бы это подтвердить, не сохранилось, однако существуют исторические сведения, что налоговый контроль был известен еще с конца IX в. Стоит также отметить, что налоговый контроль в Древней Руси в значительной степени отличался от механизма, действующего в данный момент. Это обусловлено тем, что в тот период отсутствовала привычная нам налоговая система с отдельным органом, исполняющим функции по сбору налогов, контролю правильности их исчисления, полноты и своевременности внесения в бюджет различных неналоговых платежей и т. д. Во времена Древней Руси отсутствовали привычные нам виды налогов — вместо них были иные сборы, которые выполняли данную функцию, например дань (сбор с территорий), оброк (плата за землю продуктами). Также существовали специальные сборы, такие как полюдье (княжеский объезд для сбора дани), поплужное (поземельный налог, уплачиваемый натурой: зерном, медом, воском) и повоз (обязанность предоставлять подводы для государственных нужд) [3]. Отсутствие обособленного органа, работой которого бы являлось взимание налогов и контроль за этим процессом, объясняется отсутствием необходимости, что связано с маленькими владениями удельных князей. Также можно предположить, что тогда это было экономически нецелесообразно для казны. Итак, в отсутствие финансовых учреждений взимание налоговых платежей во времена Киевской Руси осуществлялось киевскими князьями лично.

С увеличением роли государства самостоятельно осуществлять функцию сбора дани князьям стало сложнее. Они вынуждены были опираться на помощь военных начальников и администраторов, которые, как правило, избирались из членов семьи и доверенных лиц. Например, тиун — княжеский управляющий — отвечал за финансовые дела и общую организацию хозяйства князя. Главной функцией такого управляющего был сбор дани (уроков). Одной из основных обязанностей тысяц-

кого — должностного лица, входящего в состав княжеской администрации в городах Средневековой Руси, — было взимание налогов и сборов с населения. Незадолго до распада Древнерусского государства, с XI в. при княжеском дворе появляется ряд должностей, которые непосредственно отвечали за сбор податей. К ним относились так называемые данщики, таможенники, верующие и т. д. Следовательно, появляются первые попытки определения должностных лиц, которые непосредственно собирали налоги и осуществляли контроль за их уплатой. В период зависимости русских земель от Золотой Орды функция сбора дани (выхода ордынского) была возложена на специальных чиновников — баскаков, а также откупщиков из числа восточных купцов. Именно в это время начинает формироваться система учета податного населения, фиксируемая в писцовых книгах, что можно рассматривать как исторический аналог современного реестра налогоплательщиков. Развитие этих учетных практик продолжилось и после ослабления ордынского влияния. Так, к XIV веку на Руси оформляются соответствующие финансовые должности — казначеев, дьяков и подьячих, — в обязанности которых входил сбор податей и ведение учетных книг, аналогом которых являлись писцовые книги. На этом фоне введенное при великом князе Иване III Сошное письмо (система обложения налогами по количеству земли) стало важным этапом законодательного закрепления налогового контроля. Оно демонстрирует использование специальных методик расчета и проверки, что отражает развитие еще одного ключевого признака контрольной деятельности: применения совокупности формализованных приемов для обеспечения полноты и обоснованности фискальных требований.

Период от основания государства до 1464 года характеризовалось отсутствием специальных финансовых учреждений. Прообразом государственного контрольного органа стал действовавший с 1655 года Счетный приказ. Его задачей был учет сумм, которые поступали в приход и расход по разным учреждениям. Таким образом, для этого этапа эволюции налогового контроля было характерно следующее:

- раздробленность всех элементов осуществления налогового контроля в результате недостаточного развития государства;

- контроль за взиманием налогов принадлежит непосредственно власти;

- создаются должности, на которых занимающие их лица должны были собирать налоги.

В 20-х годах XVII в. весьма явными были признаки использования специальных форм и методов налогового контроля и его направленности на определенных лиц. [2] Примером тому служит «общая перепись тяглого населения в государстве с целью привести в известность и устроить его податные силы». Данная перепись имела сугубо финансовые цели, можно сказать, это была своего рода обязательная постановка на налоговый

учет. На основе указанной переписи составляли прототип современного реестра налогоплательщиков с присвоением каждому индивидуального номера. Так называемые писцовые книги имели фискальное значение: на их основании производился учет плательщиков податей. Подобный учет налогоплательщиков существует и в современной России, поэтому мы можем утверждать, что одна из форм налогового контроля появилась и стала устойчивой неслучайно.

Началом следующего этапа развития механизма налогового контроля можно считать время правления Петра I. В этот период была введена организационная система сбора налогов, а именно начал действовать Сенат — постоянно действующий высший орган государственного управления, который наряду с другими функциями выполнял обязанности контролера в сфере государственных налогов и расходов. В 1708 году был издан Указ об учреждении губерний во главе с губернаторами, где впервые объяснялись полномочия губернаторов по контролю за сбором налогов. Петровская эпоха характеризуется переходом от подворного налогообложения (уплата налогов с каждого двора (хозяйства)) к подушной подати, то есть объектом налогообложения становится лицо мужского пола. Применение специальных форм и методов, характерных для налогового контроля, доминировало даже при изменении направления налогообложения. Например, в XVIII в. были созданы ревизские сказки — списки, в которые заносилось мужское население для регистрации с целью налогообложения [4].

В период правления Екатерины II были внесены существенные изменения в функционирование механизма налогового контроля. Например, введена Экспедиция о государственных доходах (государственно учреждение, созданное для управления финансовой системой страны, которое считается прообразом Министерства финансов), которая в дальнейшем была разделена на четыре самостоятельных экспедиции, одна из которых занималась взысканием недоимок и недоборов налогов. Также при губерниях для сбора податей и ревизии отчетов были введены коллегиальные губернские казенные палаты, которые осуществляли свою деятельность вплоть до XX в. Но с XIX в. контроль количества налогоплательщиков начал осуществляться ревизионными переписями.

В период царствования Александра I налоговый контроль расширил свои функции. На базе Экспедиции государственных доходов, введенной Екатериной II, было создано Министерство финансов, некоторыми функциями которого были установление сумм поступлений для разных категорий налогов, разработка инструкций для нижестоящих финансовых органов о порядке взимания налогов и сборов, разрешение спорных вопросов налогообложения. Вследствие этого закрепился признак подведомственности. В современных условиях именно он приобретает первостепенное значение, что обусловлено действующей системой государственного управления. Не менее значимым является и формирование в 1859

году двух комиссий: первой — при государственном контроле, задачей которой было составление разнообразных правил, касающихся порядка счета, ревизии, и второй — при Министерстве финансов, созданной с целью пересмотра податей и сборов [3].

Система использования специальных форм и методов налогового контроля достигла наибольшего развития и стала более похожа на привычную нам систему в XIX в., а именно в 1885 году, когда по указу Александра III в штате Министерства финансов появляется такая должность, как податный инспектор. Его функция заключалась в контроле за правильностью сбора налогов и пошлин в пределах своего податного участка. Штатная численность таких инспекторов составляла 500 человек. Следствием введения данной должности является увеличение эффективности мобилизации налогов и иных обязательных платежей того периода: например, за три года до создания податной инспекции торговые пошлины составили 61 243 тыс. рублей, а за 1886–1888 годы — уже 72 243 тыс. рублей. Основными функциями налоговой администрации тогда стали наблюдение за взиманием прямых налогов в пользу казны, сбор информации о платежной достаточности промышленных предприятий и экономическом состоянии населения. Таким образом, на данном этапе происходит централизация и усиление осуществления налогового контроля и создаются не должности, а специальные органы государственного аппарата, осуществляющие налоговый контроль [3].

Следующим этапом эволюции можно назвать советский период, а именно возрождение налоговой системы после Октябрьской революции, связанное с переходом к новой экономической политике. В 1917 году на замену доминирующей в то время особой организации и реализации налогового контроля в рамках предоставленной компетенции пришло использование совокупности специальных форм и методов налогового контроля. Налоговые органы были наделены самыми широкими полномочиями по сравнению с иными органами контроля в области проведения налоговых проверок. Например, если в ходе налоговой проверки требовалось принудительное взыскание налогов, финансовые органы имели право провести опись, арест и продажу имущества недомовладельцев. Пришедшая вместе с новой властью идеология оказала влияние и на уголовное законодательство в сфере налоговых преступлений. Например, в Уголовном кодексе РСФСР (1922), в разделе «Преступления против порядка управления», появился ряд статей, предусматривающих ответственность за нарушение порядка налогообложения. Среди них:

— ст. 78 «Массовый отказ от внесения налогов, денежных или натуральных, или от выполнения повинностей»;

— ст. 79 «Неплатеж отдельными гражданами в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных, от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение»;

— ст. 80 «Организованное по взаимному соглашению сокрытие или неверное показание о количествах, подлежащих обложению, или неверное показание о количествах, подлежащих обложению или учету, предметов и продуктов, в том числе и размеров посевной, дуговой, огородной и лесной площади» и другие нормы [3].

Также нельзя не отметить иные изменения налогового контроля и самой системы в целом, такие как создание в составе Наркомфина организационно-налогового управления (в соответствии с Положением о Народном комиссариате финансов, утвержденном ВЦИК 26 июля 1921 года). Позже это управление было переименовано в Управление налогами и государственными доходами. Функцию налогового контроля вместо податных осуществляли финансовые инспекторы, которые находились в подчинении губернских финансовых отделов. Сбор налогов с населения введен в 1930 году. В 1931 году вводится уже привычная нам государственная регистрация государственных, кооперативных и общественных организаций с целью контроля законности их возникновения, реорганизации и прекращения деятельности. Без прохождения регистрации предприятия не могли участвовать в хозяйственном обороте, заключать договоры, открывать в учреждениях Госбанка расчетные и текущие счета.

В 1959 году налоговые инспекции были переименованы в инспекции государственных доходов, но их компетенция практически не изменилась. В 60-е годы реализуются изменения в формах и методах аккумуляции централизованных и децентрализованных фондов денежных ресурсов. В 1960 году была предпринята попытка постепенного снижения (вплоть до отмены) налогов с заработной платы рабочих и служащих, что, по предположениям государства, было целесообразным [2]. Однако этого не произошло.

В результате инспекции были объединены со службой государственных доходов, произошло усиление и реорганизация структурных подразделений налоговых органов. В этот период происходит не только усиление роли органов, уполномоченных осуществлять налоговый контроль на местах, но и качественная трансформация его характера. На фоне жесткой государственной идеологии контроль приобрел принципиально иной, карательный характер, интегрировавшись в систему налогового расследования, объединившего элементы уголовно-процессуального и налогового права.

Распад СССР в 1991 году и переход России с плановой экономики на рыночную можно охарактеризовать как ключевой этап формирования механизма налогового контроля. С переходом России на рыночную экономику механизм контроля, выстраиваемый в СССР с 1917 года, потребовал изменений. Это связано с появлением новых налогов, например НДС, подоходного налога, акцизов на алкогольную и табачную продукцию и других сборов, которые требовали дополнительных механизмов регулирования и контроля. Началом изменения налоговой системы и налогового контроля, в частности, является со-

здание в 1991 году самостоятельной Государственной налоговой службы РФ. В 1998 году она была преобразована в Министерство РФ по налогам и сборам. Новая налоговая система была направлена на контроль в рыночной экономике. Принятый в 1998 году Налоговый кодекс РФ устанавливал мероприятия налогового контроля, одними из которых в соответствии с п. 1 ст. 87 являлись налоговые проверки — камеральные и выездные.

На современном этапе при реализации налогового контроля осуществляется активное взаимодействие налоговых органов с правоохранительными, что, в свою очередь, повышает эффективность данного института. Эволюция налогового администрирования в России начиная с 2000-х годов представляет собой последовательную и стратегическую трансформацию, движимую ключевыми целями: упрощением системы, снижением фискальной нагрузки и, как следствие, ростом собираемости налогов [4]. Налоговая реформа начала тысячелетия, ознаменовавшаяся принятием Налогового кодекса и введением плоской шкалы НДФЛ, создала институциональную основу, но для ее эффективной работы потребовались современные инструменты контроля. Это положило начало этапу широкой информатизации: налоговые органы стали активно внедрять первые автоматизированные информационные системы (АИС), которые позволили создать единый реестр налогоплательщиков и собирать базовые данные, хотя и с существенной временной задержкой. В условиях отсутствия возможностей для глубокого удаленного анализа основным инструментом контроля оставались выездные проверки, часто носившие тотальный и комплексный характер, что создавало значительную административную нагрузку как для бизнеса, так и для самого ведомства [1]. В 2004 году в ходе административной реформы по оптимизации функций органов исполнительной власти Министерство по налогам и сборам преобразовано в Федеральную налоговую службу и передано в ведение Министерства финансов. Качественный скачок произошел в 2010-е годы, когда началась глубокая цифровизация. Революционным событием стал запуск в 2015 году автоматизированной системы контроля НДС-2 (АСК НДС-2), которая впервые обеспечила сквозной контроль цепочек сделок в реальном времени, позволив выявлять мошеннические схемы с возмещением налога без обязательных выездных проверок и сместив фокус на превентивный анализ данных. Параллельное внедрение

онлайн-касс с 2017 года обеспечило беспрецедентную прозрачность розничной выручки, а для крупнейших компаний был введен налоговый мониторинг — партнерская модель контроля, основанная на прямом доступе ФНС к их учетным системам [3]. Накопленные массивы данных и отработанные технологии создали фундамент для современного этапа — полномасштабной интеграции и сервисной модели. Его технологическим ядром стала новая АИС «Налог-3», которая объединила все ранее разрозненные базы и сервисы в единую аналитическую платформу, способную выявлять аномалии и риски с помощью алгоритмов big data. В 2023 году ключевым административным нововведением стало введение Единого налогового счета (ЕНС), кардинально упростившего процесс расчетов с бюджетом для налогоплательщиков. Сегодня контроль носит максимально рискоориентированный и интеллектуальный характер: аналитические системы ФНС автоматически сегментируют плательщиков по уровню риска, минимизируя вмешательство в работу добросовестного бизнеса и концентрируя усилия на целевом аудите [1].

Исторический путь налогового контроля в России демонстрирует его последовательную трансформацию от разрозненных и личностно-ориентированных практик древности к централизованной, технологичной и интеллектуальной системе современности. Если в начале своего развития налоговый контроль был неотделим от фигуры князя, то к XXI веку он стал прерогативой мощного специализированного государственного аппарата. Ключевым направлением этого пути стала постоянная централизация и подготовка специализированных кадров, нашедшая выражение в создании отдельных органов — от Счетного приказа и Министерства финансов до Федеральной налоговой службы. Однако главный скачок произошел в последние десятилетия благодаря цифровой революции. Внедрение таких систем, как АСК НДС-2, АИС «Налог-3», онлайн-касс и ЕНС, кардинально изменило ситуацию: акцент сместился с тотальных выездных проверок на превентивный анализ больших данных и рискоориентированный подход. Таким образом, налоговая система России прошла путь от ручного сбора дани к интеллектуальному администрированию, где современные технологии служат не только фискальным целям, но и созданию прозрачной, предсказуемой и сервисной среды для добросовестных налогоплательщиков.

Литература:

1. Нестеренко, А. С. Современный механизм налогового контроля в России / А. С. Нестеренко. — Текст: непосредственный // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2011. — № 2 (36).
2. Полторацкий, Н. А. История развития и значение налогового контроля / Н. А. Полторацкий. — Текст: непосредственный // Форум молодых ученых. — 2017. — № 5 (9).
3. Цвилий-Букланова, А. А. Проблема понимания налогового контроля в юридической науке в контексте исторического подхода / А. А. Цвилий-Букланова. — Текст: непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2009. — № 2 (33).

4. Шатохина, М. В. Налоговый контроль за доходами и расходами физических лиц в условиях развития цифровой экономики / М. В. Шатохина. — Текст: непосредственный // Прогрессивная экономика. — 2023. — № 11.
5. Яковлева, Е. С. История развития налогового контроля в России / Е. С. Яковлева. — Текст: непосредственный // Символ науки: международный научный журнал. — 2017. — Т. 3, № 4.

Проблема разделения компетенции между гражданским и административным судебными процессами в судах общей юрисдикции

Глебова Светлана Ивановна, студент магистратуры
Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье анализируются актуальные проблемы разграничения компетенции между гражданским и административным судопроизводством в судах общей юрисдикции, обусловленные несовершенством действующих нормативных актов и правоприменительной практики. Особое внимание уделяется последствиям неверного определения подведомственности, которые приводят к нарушению конституционного права граждан на эффективную судебную защиту и создают дополнительные барьеры в доступе к правосудию. Автор предлагает пути решения проблемы посредством законодательного уточнения критериев разграничения и совершенствования механизма передачи дел между юрисдикциями.

Ключевые слова: разграничение компетенции, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, подведомственность споров, судебная практика, конституционное право на защиту.

Проблема разделения компетенции между гражданским и административным судебными процессами по сей день остается одним из наиболее острых вопросов современной правоприменительной практики. Законодатель нормами и положениями ст. 1 КАС РФ установил довольно обширный перечень правовых споров, которые должны рассматриваться в рамках административного процесса, однако данные нормативные положения не в полной мере позволяют судьям безошибочно определить надлежащую процессуальную форму разбирательства.

Наибольшую сложность, на наш взгляд, представляют споры, возникающие из правовых связей смешанного характера, в рамках которых переплетаются элементы публичного и частного права. Подобная неопределенность приводит к массовым случаям возврата исковых материалов заявителям, что существенным образом замедляет сроки рассмотрения споров и фактически препятствует реализации конституционного права граждан на эффективную и своевременную защиту их законных интересов в судебном порядке [1, с. 27].

При возникновении сомнений относительно правильности выбранного процессуального порядка судебные инстанции выносят постановления об отклонении принятия иска. Судьи предпочитают отказывать в принятии таких исковых заявлений, поскольку такое решение позволяет им передать спорный вопрос на рассмотрение вышестоящей инстанции, при этом в большинстве случаев такая отмена подобных процессуальных актов не имеет негативного отражения на профессиональных показателях судьи. Противоположная ситуация, когда судья принимает дело к производству и впоследствии обнару-

живается несоответствие избранной формы судопроизводства характеру спора, квалифицируется как существенное процессуальное нарушение. Такая асимметрия последствий формирует у судебского корпуса весьма осторожный подход, который нередко оборачивается против интересов заявителей.

Еще более проблематичной ситуация становится в тех случаях, когда процессуальная ошибка остается незамеченной, и спор разрешается с несоблюдением установленных правил распределения дел между различными видами судопроизводства. Неверный выбор процессуальной формы создает для стороны, инициирующей разбирательство, серьезные затруднения и проблемы, обусловленные принципиальными различиями в построении гражданского и административного процессов.

Гражданское судопроизводство, как известно, базируется на принципе равноправия участников спора, которые обладают сопоставимым набором процессуальных возможностей. Административное же разбирательство строится на иных началах — частное лицо наделяется расширенными полномочиями, тогда как на государственные структуры возлагаются дополнительные процессуальные обязательства, что соответствующим образом влияет на распределение обязанности по доказыванию фактических обстоятельств дела.

Рассмотрение административного спора по процедурам, установленным для гражданских дел, фактически означает лишение гражданина тех процессуальных преимуществ и гарантий, которые законодатель специально предусмотрел для защиты его интересов в противостоянии с органами публичной власти. Помимо процессуальных аспектов, подобные ошибки порождают проблемы

с определением территориальной подсудности, поскольку разные виды судопроизводства устанавливают различные правила выбора судебной инстанции.

Одним из ключевых направлений решения данной проблемы мы считаем законодательное уточнение критериев разграничения подведомственности. Для этого необходимо закрепить в процессуальном законодательстве более точные и конкретные признаки административных дел, выходящие за рамки общих формулировок о «властных полномочиях» и «публично-правовых отношениях». В связи с этим целесообразным шагом мы считаем создание специального раздела в КАС РФ, содержащего исчерпывающий перечень критериев разграничения административного и гражданского судопроизводства [2, с. 175].

Другим важным решением представленной проблемы мы видим совершенствование механизма передачи дел из одной юрисдикции в другую в случае ошибочного определения подведомственности. Для этого необходимо упростить данную процедуру и исключить ситуации, когда гражданин или организация вынуждены начинать процесс заново из-за технической ошибки в определении

подведомственности. Суд, установивший свою неподведомственность, должен не прекращать производство, а передавать дело в соответствующий суд с сохранением всех процессуальных действий и доказательств. Нам представляется, что такой подход обеспечит реальную доступность правосудия и защитит граждан от формализма судебной системы, гарантируя конституционное право на судебную защиту независимо от первоначальной квалификации спора [3, с. 109].

Таким образом, сложности в разграничении компетенции между гражданским и административным судопроизводством не только создают препятствия для своевременной защиты прав граждан, но и подрывают доверие к судебной системе в целом. Без четких законодательных критериев и механизмов передачи дел между юрисдикциями риск процессуальных ошибок остается высоким, что неизбежно сказывается на качестве правосудия. Решение этой проблемы требует комплексного подхода, сочетающего законодательные новации и совершенствование судебной практики, чтобы обеспечить баланс между интересами государства и правовой защищенностью граждан.

Литература:

1. Горячева А. Н. Проблема доступности правосудия в административном судопроизводстве // Вестник магистратуры. — 2021. — № 2–2 (113). — С. 27–28.
2. Давыдов К. В. Подведомственность и подсудность административных дел в Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2021. — № 3 (46). — С. 174–175.
3. Лесников А. С. Некоторые проблемы административного судопроизводства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 10–3. — С. 108–110.

Процессуальные особенности рассмотрения административных дел в судах общей юрисдикции

Глебова Светлана Ивановна, студент магистратуры
Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Статья раскрывает процессуальные особенности рассмотрения административных дел в судах общей юрисдикции на основе КАС РФ, к числу которых автор относит активную роль суда, специфику подачи исков, систему доказательств и меры предварительной защиты. Кроме этого, автором анализируются компетенция судов, требования к представителям, сжатые процессуальные сроки и использование цифровых технологий, обеспечивающих оперативность, справедливость и доступность административного правосудия.

Ключевые слова: административное судопроизводство, КАС РФ, суды общей юрисдикции, публично-правовые споры, процессуальные сроки, меры предварительной защиты.

Процессуальные особенности рассмотрения административных дел в судах общей юрисдикции закреплены в КАС РФ, который устанавливает порядок разрешения споров из публично-правовых отношений. Целевой установкой КАС РФ выступает обеспечение оперативного, справедливого и законного разрешения административных дел через сочетание принципов состоя-

тельности, гласности, равенства сторон и соблюдения разумных сроков судопроизводства. Первостепенной особенностью является активная роль суда, который не только рассматривает представленные доказательства, но и вправе самостоятельно их истребовать, что отличает административный процесс от гражданского. Повышению доступности способствует внедрение современных тех-

нологий, включая подачу документов через ГАС «Правосудие» и использование видео-конференц-связи. КАС РФ акцентирует внимание на защите прав граждан от административного произвола, что подчеркивает публичный характер данной категории споров и формирует систему, направленную на укрепление правового государства [1, с. 140].

Компетенция судов общей юрисдикции в сфере административного судопроизводства определена статьей 1 КАС РФ и охватывает оспаривание нормативных актов, решений и действий органов власти, защиту избирательных прав и других публично-правовых интересов. Подсудность дел определяется по месту нахождения административного ответчика, однако для споров о принудительной госпитализации или миграционных вопросов иск может подаваться по месту пребывания истца.

Подача административного искового заявления согласно статьям 125–127 КАС РФ возможна в письменной и электронной форме через ГАС «Правосудие». Заявление должно содержать описание обстоятельств нарушения прав истца и конкретные требования к ответчику. Срок подачи иска ограничен тремя месяцами с момента, когда истец узнал о нарушении прав, но может быть восстановлен при наличии объективно уважительных причинах. В течение пяти дней суд проверяет соответствие заявления требованиям и принимает решение о принятии дела к производству, оставлении без движения или отказе в принятии.

Участниками административного процесса выступают административный истец, ответчик, заинтересованные лица и прокурор, чье участие обязательно в делах, связанных с защитой публичных интересов. Истец обязан доказать нарушение своих прав, а административный ответчик должен обосновать законность своих действий. Суд в данном случае играет активную роль, имея право самостоятельно истребовать доказательства для установления истины, что подчеркивает публичный характер спора. Заинтересованные лица привлекаются, если спор затрагивает их права, обеспечивая всестороннее рассмотрение дела. Прокурор выступает гарантом соблюдения законности, особенно в делах о защите прав неопределенного круга лиц. Данные особенности обеспечивают баланс между защитой индивидуальных прав и общественно-государственных интересов.

Система представительства в административных делах регулируется статьей 55 КАС РФ и требует от представителей наличия высшего юридического образования или ученой степени в области права, что повышает профессионализм участников процесса. Исключения предусмотрены для законных представителей, руководителей организаций и адвокатов. Полномочия представителя

подтверждаются доверенностью, оформленной в установленном порядке, что исключает участие неквалифицированных лиц.

Система доказательств регулируется главой 6 КАС РФ и предусматривает объяснения сторон, свидетельские показания, письменные и вещественные доказательства, экспертные заключения и другие средства. Суд оценивает доказательства на основе внутреннего убеждения, руководствуясь принципами относимости и допустимости. Стороны обязаны своевременно раскрывать доказательства, что способствует прозрачности процесса и предотвращает затягивание рассмотрения дела. На стадии подготовки суд проверяет доказательства, при необходимости назначает экспертизу или запрашивает дополнительные материалы, что обеспечивает объективность и полноту исследования обстоятельств [2, с. 44].

Процессуальные сроки, установленные статьями 141 и 298 КАС РФ, отличаются сжатостью для обеспечения оперативности рассмотрения дел. Дела в первой инстанции рассматриваются в течение двух месяцев, апелляционные жалобы — в течение одного месяца, что минимизирует временные затраты на разрешение споров. Статья 6 КАС РФ гарантирует соблюдение разумных сроков судопроизводства, а при их нарушении стороны имеют право на компенсацию.

Меры предварительной защиты, предусмотренные главой 7 КАС РФ, позволяют предотвратить причинение ущерба до вынесения окончательного решения. К таким мерам относятся приостановление действия оспариваемого акта, запрет на совершение определенных действий или временное размещение лица в специализированное учреждение. Суд применяет эти меры по ходатайству сторон или по собственной инициативе при угрозе причинения значительного вреда. Решения о мерах предварительной защиты подлежат немедленному исполнению, что подчеркивает их значение в обеспечении защиты прав [3, с. 36].

Процессуальные особенности административного судопроизводства, закрепленные в КАС РФ, формируют эффективную систему разрешения публично-правовых споров, обеспечивая оперативность, справедливость и доступность правосудия. Активная роль суда, сжатые сроки, использование цифровых технологий и строгие требования к представителям повышают качество рассмотрения административных дел в судах общей юрисдикции. Меры предварительной защиты и упрощенное производство делают процесс гибким и адаптированным к различным категориям споров. КАС РФ создает надежный фундамент для реализации принципов законности и справедливости в публично-правовой сфере, способствуя укреплению правового государства.

Литература:

1. Измайлов Д. А. Нормативно-правовая основа административного судопроизводства в РФ // Вестник науки. — 2024. — № 12 (81). — С. 139–141.

2. Муравьева Д. А. Административное судопроизводство: вопросы теории и практики // Образование. Наука. Научные кадры. — 2023. — № 4. — С. 40–46.
3. Шерстобоев О. Н. Административное право, административное судопроизводство, административные процедуры: сравнительно-правовой взгляд // Журнал административного судопроизводства. — 2021. — № 2. — С. 35–43.

Права и обязанности родителей по воспитанию детей в семейном праве РФ

Голубкова Анастасия Андреевна, студент

Научный руководитель: Альбикив Ильдар Ростямович, кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье исследуется вопрос о правах и обязанностях родителей по воспитанию детей в рамках правил, установленных СК РФ. Сделан вывод о том, что родительские права и обязанности возникают автоматически с момента рождения ребенка и реализуются на основе принципов, главнейшим из которых является приоритет интересов ребенка, обеспечивающий его всестороннее, безопасное и гармоничное развитие, рассмотрена процедура лишения родительских прав, а также сделано предложение по совершенствованию семейного законодательства.

Ключевые слова: семейное право, родительские права, родители, ребенок, воспитание ребёнка, лишение родительских прав, воспитание, обязанности, защита интересов несовершеннолетних.

В российском семейном праве родительские права имеют двойственный характер: они одновременно являются и правом, и обязанностью. Это значит, что родители не только могут, но и должны воспитывать, защищать и представлять интересы своих детей. За неисполнение этих обязанностей предусмотрена юридическая ответственность, вплоть до административных мер (ст. 5.35 КоАП РФ) [3], ограничения или лишения родительских прав (ст. 73 и 69 СК РФ) [4], а также принудительного взыскания алиментов (п. 2 ст. 80 СК РФ).

В сфере юридической науки родительские права представляют собой комплекс личных прав и обязанностей, возложенных на родителей, основная цель которых заключается в обеспечении благополучия и гармоничного развития несовершеннолетнего ребенка.

Данные права детально регламентированы в статьях 63–68 СК РФ и включают в себя следующие положения:

1. Обязанность осуществлять воспитание и образование ребенка.
2. Право действовать от имени ребенка и защищать его законные интересы.
3. Право определять имя, отчество и фамилию ребенка в соответствии с положениями статьи 58 СК РФ.
4. Право вносить изменения в имя и фамилию ребенка до достижения им четырнадцатилетнего возраста, что предусмотрено статьей 59 СК РФ [6, с.750].

Нужно понимать, что родители имеют права по отношению к ребенку только до тех пор, пока он нуждается в их заботе, воспитании, защите и пока они отстаивают его интересы. Как только ребенок становится совершеннолетним или получает полную дееспособность (эмансипация), родительские права заканчиваются. Если после этого возникает необходимость в опеке над таким человеком, это уже не продолжение родительских прав, а со-

вершенно другие правовые отношения, которые регулируются отдельными законами о гражданских правах и опеке.

В соответствии с частью 2 статьи 38 Конституции РФ [1], право и обязанность по воспитанию и заботе о детях возлагаются на обоих родителей в равной мере, независимо от факта регистрации брака. Конституция ясно дает понять: воспитание детей — это не только моральный долг, но и юридически закрепленная ответственность родителей. Они, будучи центральными фигурами в жизни ребенка, обязаны передавать ему свой жизненный опыт, закладывать основы нравственности, способствовать его всестороннему развитию (как умственному, так и физическому) и помогать ему адаптироваться в социуме.

Обратим внимание на лишение родительских прав, оно представляет собой правовую категорию, закрепленную в семейном законодательстве Российской Федерации. Именно поэтому его целью является обеспечение защиты интересов несовершеннолетних, а не наказание родителей.

Лишение родительских прав представляет собой меру, имеющую двойную юридическую природу, которая служит одновременно инструментом воздействия на родителей, не исполняющих свои обязанности должным образом, и средством защиты прав несовершеннолетних.

С одной стороны, лишение родительских прав выступает как санкция за утрату правомочий на их осуществление, подчёркивая, что родительские права условны и неразрывно связаны с обязанностями; при их систематическом невыполнении государство обязано вмешаться в защиту интересов ребёнка [8, с. 546].

Лишение родительских прав применяется, когда жизнь и всестороннее развитие ребёнка (физическое, психическое, духовное и нравственное) ставятся под угрозу вследствие недостойного поведения родителей, злостного уклонения от обязанностей или иных нарушений, причём

уклонение от исполнения обязанностей — основная причина для такой меры. Процедура осуществляется исключительно в судебном порядке (п. 1 ст. 70 СК РФ), а круг лиц, вправе инициировать разбирательство, строго определен законом.

В целях повышения эффективности защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в контексте процедуры лишения родительских прав предлагаются следующие изменения в законодательство:

1. В ГК РФ [2] предлагается введение нормы, предусматривающей возможность вынесения судом предупреждения родителю как промежуточной меры перед применением меры лишения родительских прав. Такое предупреждение может быть вынесено при наличии незначительных нарушений со стороны родителя, при этом отсутствует угроза жизни или здоровью ребенка. В случаях, когда такая угроза присутствует, необходимо немедленное применение лишения родительских прав.

2. В статье 70 СК РФ предлагается внести изменения, касающиеся права несовершеннолетнего на подачу иска о лишении родительских прав. В соответствии с пунктом 2 статьи 56 СК РФ, данное право предоставляется лицам, достигшим четырнадцатилетнего возраста. Предлагается уточнить перечень органов, имеющих право на подачу такого иска, и включить в него Уполномоченного по правам ребенка как субъект, обладающий правом на обращение в суд с иском о лишении родительских прав. Необходимо внести соответствующие изменения в Федеральный закон «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации».

3. Вопрос о выселении родителей из жилого помещения должен быть рассмотрен судом в обязательном порядке в рамках дела о лишении родительских прав. Предлагается закрепить данную процедуру в законодательстве как обязательную для исполнения в указанных обстоятельствах.

В рамках совершенствования законодательства о восстановлении в родительских правах предлагается внести

ряд изменений, направленных на обеспечение дополнительных гарантий для родителей, которые исправили свое поведение и предприняли необходимые шаги для устранения причин, приведших к лишению их родительских прав. При этом приоритет интересов ребенка должен оставаться неоспоримым при рассмотрении соответствующих дел. В частности, предлагается следующее:

1. В ГК РФ предлагается внести положение, запрещающее повторное подачу иска о восстановлении в родительских правах в случае, если ранее суд уже рассматривал аналогичное заявление и принял решение о лишении родителя данных прав.

2. Предлагается установить минимальный срок, по истечении которого возможно восстановление в родительских правах, исходя из конкретных оснований лишения этих прав. В случаях, когда основанием лишения являлось умышленное преступление, минимальный срок не должен быть фиксированным, а определяться в зависимости от обстоятельств, например, от отмены решения о лишении родительских прав вышестоящим судом.

3. Предлагается установить максимальный срок для восстановления в родительских правах, составляющий пять лет, что будет иметь пресекающее значение и исключать возможность восстановления прав после его истечения.

4. ГК РФ предлагается закрепить норму, позволяющую суду разрешать общение с ребенком родителю, лишенному родительских прав, при условии отсутствия негативного влияния такого общения на ребенка. Также предлагается предоставить право на такое решение органам опеки и попечительства в случае исправления родителя после вынесения судом соответствующего решения [7, с. 668].

Таким образом, предложенные изменения направлены на повышение эффективности применения меры лишения родительских прав как инструмента ответственности и защиты прав и интересов ребенка.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // СЗ РФ 2022, № 31, ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СЗ РФ 1994, № 29, ст. 2310;
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // СЗ РФ 2001, № 24, ст. 1141;
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СЗ РФ 1995, № 32, ст. 3301;
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СЗ РФ 1996, № 8, ст. 2101;
6. Горохова, Х. В. К вопросу о сущности родительских прав и обязанностей / Х. В. Горохова // Аллея науки. — 2023. — Т. 1, № 1(76). — С. 749–754.
7. Полежаева, Ю. Н. Проблема соблюдения прав и интересов ребенка при лишении их родителей родительских прав / Ю. Н. Полежаева // Вестник Академии управления и производства. — 2025. — № 2. — С. 668–672.
8. Чеснокова, Ю. В. Проблемные аспекты реализации права родителей на воспитание детей / Ю. В. Чеснокова // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 8(224). — С. 267–269.

Теоретические подходы к определению и содержанию правовой системы

Григорьева Лидия Васильевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Резванова Лариса Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Целью работы является анализ формирования категории «правовая система», исследование основных подходов к её определению и выявление её ключевых детерминант. Рассматриваются различные теоретические позиции отечественных и зарубежных авторов, а также структурные компоненты правовой системы. Особое внимание уделяется дискуссиям о месте и роли данной категории в общей теории права, её широкому и узкому пониманию, а также функциональному значению в контексте современного российского правового развития.

Ключевые слова: правовая система, система права, правовая норма, правовой институт, отрасль права, правопонимание, правовая идеология, теория права, категория права.

Theoretical approaches to the definition and content of the legal system

The purpose of the work is to analyze the formation of the category «legal system», to study the main approaches to its definition, and to identify its key determinants. Various theoretical positions of domestic and foreign authors, as well as the structural components of the legal system, are considered. Special attention is paid to discussions about the place and role of this category in the general theory of law, its broad and narrow understanding, as well as its functional significance in the context of modern Russian legal development.

Keywords: legal system, legal framework, legal norm, legal institution, branch of law, legal understanding, legal ideology, legal theory, category of law.

Трансформации социально-политического строя Российской Федерации, начавшиеся в начале прошлого десятилетия, обусловили потребность в создании новых правовых инструментов для социального регулирования системы общественных отношений, встроенных в правовую систему.

Поэтому как концептуальная разработка модели современной российской правовой системы, так и её практическая реализация выступают сегодня одной из ключевых методологических и прикладных задач; именно от их успешного решения напрямую зависит устранение целого комплекса иных юридических проблем. Речь идёт, в частности, о модернизации всего массива национального права, уточнении его статуса и функций в иерархии правовых феноменов и социальных регуляторов. Актуальность данного направления особенно возрастает на этапе формирования демократического правового государства, где нормативно-правовое регулирование получает приоритетное значение, а юриспруденция нуждается в интегральной категории для комплексного анализа правовой реальности. Этой универсальной категорией выступает понятие «правовая система».

Введение в научный оборот категории «правовая система» сопровождалось интенсивными дискуссиями. Уже советский и российский ученый-правовед С. С. Алексеев ставил методологический вопрос: каким универсальным понятием можно охватить весь комплекс нормативных, субнормативных и институциональных элементов юридической реальности, одновременно сохранив логическую чёткость и концептуальную «неразмытость» категории, призванной отразить объективное право. Проведя

всесторонний анализ, он пришёл к выводу, что именно понятие правовой системы способно выполнять эту интегративную функцию [1].

Наряду с господствующим подходом существует и альтернативная позиция: ряд учёных настаивают, что термин «правовая система» вообще не следует включать в понятийный инструментарий общей теории права, поскольку он лишён должной научной верифицированности, чрезмерно условен и расплывчат. Так, В. С. Нерсесянц отмечал, что попытки рассматривать правовую систему как некий новый универсальный юридический конструкт, охватывающий всё право, фактически ведут к подмене базовой категории «право» случайным словосочетанием «правовая система». Более того, подчёркивал исследователь, под указанным термином стали понимать совокупность всех правовых явлений, институтов и понятий, то есть то, что марксистская традиция обозначает как «юридическую надстройку», воздвигнутую над соответствующим «юридическим базисом» [2].

В целом можно утверждать, что формирование категории «правовая система» стало своеобразным компромиссом, объединяющим как сторонников широкого, социологического подхода, так и приверженцев строго нормативного толкования права. Как подчёркивал профессор Ю. А. Тихомиров, данная конструкция раскрывает «ещё одну грань правопонимания», углубляя восприятие права как единого, структурно сложного, многоуровневого и социально-ценностного феномена [3].

Хотя исследование правовой системы в отечественной юриспруденции ведётся уже много десятилетий, консенсуса относительно её предметных границ, объёма и се-

мантического наполнения до сих пор нет. Одни авторы сводят правовую систему исключительно к совокупности нормативных предписаний, другие включают в неё право как нормативный массив вместе с механизмами правотворчества и правореализации, третьи же акцентируют на целостной архитектонике правовых явлений, их внутренней взаимосвязи и институциональной структуре.

Её зачастую описывают как целостную совокупность правовых норм, базовых принципов и институтов (нормативная составляющая), правовых институтов как организационного элемента, совокупность правовых идей и доктрин, идеологический элемент.

Целый ряд исследователей подчёркивает, что понятие правовой системы и сегодня остаётся недостаточно разработанным в теории [4].

В юридической науке предлагается целый ряд дефиниций исследуемой категории, которые в целом группируются в несколько концептуальных направлений. Так, исследователь В. В. Гаврилов выделяет в российской теории права три основных подхода [5].

В рамках первого методологического подхода содержание категории «правовая система» анализируется через призму разнообразных форм внешнего закрепления правовых предписаний и особенностей их взаимного функционирования. Ю. А. Тихомиров трактует правовую систему как «структурно-функционально организованный массив взаимосвязанных нормативно-правовых актов, формируемых и действующих на основе единых принципов», отмечая, что это «базовый юридический конструкт, охватывающий совокупность правовых актов и их корреляций в национально-государственных границах». В доктринальном плане учёный подчёркивает, что правовая система представляет собой «синергию правовых идей, принципов правотворчества, самого правового массива и механизмов правоприменения» — позицию, высказанную им ещё двадцать лет назад. К сторонникам данного подхода профессор В. В. Гавров относит и С. Н. Егорова, который определяет правовую систему как «совокупность норм, зафиксированных в иерархически упорядоченной системе нормативных правовых актов, принятых политической властью».

Вторая концепция трактует «правовую систему» через более широкую, чем позитивное право, призму: она охватывает взаимосвязанные, динамичные компоненты юридической реальности. Этой точки зрения придерживается С. С. Алексеев, определяющий правовую систему как совокупность норм действующего права, рассматриваемую в органическом единстве с активными проявлениями правовой действительности — правовой идеологией, а также судебной и иной юридической практикой.

Литература:

1. Алексеев С. С. Государство и право: начальный курс, учебное пособие / С. С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 2003. — 176 с.
2. Нерсесянц В. С. Пути развития правового государства и права: история и перспективы // Пульс реформ (юристы и политологи размышляют). М.: Прогресс, 2019.

Третий подход характеризуется стремлением рассматривать «правовую систему» как всеобъемлющую категорию, отражающую совокупность юридических феноменов и всю правовую реальность данного общества. Эту позицию отстаивает профессор Н. И. Матузов, подчёркивая, что «правовая система включает полный государственно-юридический аппарат и всю многообразную правоприменительную деятельность, проявляющуюся в различных организационно-правовых формах» [6].

Следует также упомянуть уже ставшую классической типологию, в рамках которой термин «правовая система» толкуется как в широком, так и в узком значении.

В широком понимании правовая система выступает как организующая правовую структуру социума, то есть как «целостный комплекс взаимосогласованных и связанных, социально однородных юридических инструментов и явлений, при помощи которых публичная власть осуществляет регулирующее, организующее и стабилизирующее влияние на общественные отношения и человеческое поведение» [7]. Подобная трактовка созвучна позиции видного представителя французской юридической социологии Жана Карбонье, определявшего правовую систему как «своего рода хранилище и центр множественных правовых феноменов, сосуществующих в обществе в одно и то же историко-пространственное мгновение» [8].

В узком понимании правовая система отождествляется с объективным правом и воспринимается как «единое, внутренне согласованное целое правовых актов и норм национального законодательства, структурированное по предмету и методу регулирования на взаимосвязанные звенья — отрасли права и правовые институты, объединённые как вертикальными (иерархическими), так и горизонтальными (координационными) связями, ядро которых образуют правовые принципы, концентрирующие идейную сущность, целевое назначение, ключевые задачи и социальные функции права» [9].

Напрашивается вывод, что правовая система представляет собой целостный нормативный механизм, объединяющий совокупность правовых норм, отраслей и специализированных институтов, которые функционируют во взаимной связи и взаимозависимости, продиктованной логикой и спецификой социальных отношений. Все структурные компоненты права образуют внутренне согласованное единство, несмотря на различия в предметах и методах регулирования отдельных участков общественной действительности. Традиционно в эту систему органично входят публично-правовой и частно-правовой секторы.

3. Тихомиров Ю. А. Общая концепция развития российского законодательства // Правовая реформа: концепции развития российского законодательства / Ред. кол.: Л. А. Окуньков и др. М., 2005.
4. Григорьев Ф. А., Черкасов А. Д. Формы реализации права / Теория государства и права: Курс лекций. -2-е изд. / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — М.: Юрист, 2000. — 771 с.
5. Гаврилов В. В. Понятие национальной и международной правовых систем // Журнал российского права. — 2004. — № 11. С. 98–112.
6. Матузов Н. И. Понятие и основные приоритеты российской-правовой политики // Правоведение. 1997. — № 4. — С. 13.
7. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Территория будущего, 2009.
8. Ж. Карбонье. Юридическая социология.-М.: Прогресс.1989.- 633с.
9. Юридическая энциклопедия. / Изд. 6-е, доп. и перераб. / Под. ред. М. Ю. Тихомирова. — М.: Изд. Тихомирова М. Ю., 2008. — С. 733.

Правовое регулирование криптовалют и противодействие их использованию в противоправной деятельности

Гриценко Мария Вадимовна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются современные подходы к правовому регулированию криптовалют в Российской Федерации, уделяя особое внимание проблеме использования цифровых активов в целях легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма. На основе анализа действующего законодательства и научной литературы исследуются пробелы правового поля и коллизии, возникающие при квалификации операций с криптовалютой. Предлагаются меры по совершенствованию правового механизма контроля за оборотом цифровых финансовых активов для минимизации криминальных рисков.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровой финансовый актив, правовое регулирование, противодействие легализации, финансирование терроризма, блокчейн, финансовый мониторинг.

Legal regulation of cryptocurrencies and countering their use in unlawful activities

Gritsenko Mariya Vadimovna, student
Moscow University of Finance and Law

The article analyzes modern approaches to the legal regulation of cryptocurrencies in the Russian Federation, with a special focus on the problem of using digital assets for money laundering and terrorist financing. Based on the analysis of current legislation and scientific literature, gaps in the legal framework and conflicts arising from the classification of cryptocurrency transactions are investigated. Measures to improve the legal mechanism for controlling the circulation of digital financial assets to minimize criminal risks are proposed.

Keywords: cryptocurrency, digital financial asset, legal regulation, anti-money laundering, terrorist financing, blockchain, financial monitoring.

Эволюция цифровых технологий привела к возникновению принципиально новых финансовых инструментов, среди которых особое место занимают криптовалюты, функционирующие на основе распределенных реестров (блокчейн). Их децентрализованный характер, псевдоанонимность и трансграничность создают как экономические возможности, так и значительные вызовы для правопорядка. Российская Федерация находится в процессе формирования целостной правовой модели регулирования криптовалют, балансируя между стимулированием инноваций и необходимостью защиты финансовой

системы и граждан от криминальных угроз. Центральной проблемой, требующей научного осмысления, является противодействие использованию криптовалют для легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем (далее — ЛДП), и финансирования терроризма (далее — ФТ). Целью настоящей статьи является комплексный анализ действующего правового регулирования криптовалют в России, выявление его уязвимостей для противоправной деятельности и разработка предложений по совершенствованию контрольных и надзорных механизмов.

1. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации: эволюция и современное состояние

Правовое регулирование криптовалют в России прошло сложный путь от полного правового вакуума и дискуссий о возможном запрете до закрепления базовых понятий в федеральном законодательстве. Поворотным моментом стало принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» (далее — Закон о ЦФА). Данный закон ввел в правовое поле два ключевых понятия.

Во-первых, «цифровой финансовый актив» (ЦФА) определяется как цифровые права, включая денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые выпускаются на основе распределенного реестра [1, с. 5]. Таким образом, ЦФА — это не сама криптовалюта (например, биткоин), а скорее цифровой аналог традиционных финансовых инструментов (токенизированные акции, облигации), выпускаемый в регулируемой среде.

Во-вторых, закон дает определение «цифровой валюте», под которой понимается совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые не являются денежной единицей Российской Федерации, иностранной валютой или международной денежной единицей, и которые могут приниматься в качестве средства платежа, не будучи одновременно общепризнанным средством платежа, а также служить инвестиционным активом [1, с. 6]. Это понятие непосредственно охватывает такие криптовалюты, как Биткоин и Этерум.

Критически важно, что Закон о ЦФА прямо запрещает использование цифровой валюты в качестве законного средства платежа на территории России [1, с. 9]. Сделки купли-продажи цифровой валюты между лицами не запрещены, но их правовая природа и последствия остаются предметом научных дискуссий. Как отмечает С. В. Артемов, подобный дуалистический подход — признание явления с одновременным запретом его основной функции (средства платежа) — создает правовую неопределенность для участников оборота и усложняет задачу правоприменителя [2, с. 34].

Отсутствие единообразного понимания криптовалюты как объекта гражданских прав порождает сложности при разрешении споров, в том числе в арбитражных судах. Согласно Арбитражному процессуальному кодексу РФ, подведомственность дел арбитражным судам определяется, в частности, характером спорных правоотношений и статусом участников [3, ст. 27–28]. Споры, связанные с приобретением, хранением и обменом криптовалюты, часто попадают в эту сферу, но судам приходится преодолевать квалификационные трудности из-за отсутствия прямого законодательного регулирования гражданского оборота цифровой валюты.

2. Криптовалюты как инструмент легализации преступных доходов и финансирования терроризма: методы и уязвимости

Анонимность и децентрализация, изначально заложенные в философию многих криптовалют, создают благоприятную среду для их использования в противоправных целях. Основные уязвимости, эксплуатируемые преступниками, включают:

1. Псевдоанонимность: Отсутствие прямой привязки кошелька к личности владельца позволяет скрывать источник и конечного бенефициара средств.

2. Трансграничность: Мгновенные переводы через границы юрисдикций, что затрудняет отслеживание и блокировку со стороны национальных регуляторов.

3. Использование миксеров и анонимных монет: Специализированные сервисы (миксеры, тумблеры) дробят и перемешивают транзакции множества пользователей, практически полностью стирая следы происхождения средств.

В научной литературе выделяются типичные схемы ЛДП/ФТ с использованием криптовалют. На стадии «размещения» преступные деньги конвертируются в криптовалюту через онлайн-обменники или криптобиржи с нестрогой идентификацией (KYC-процедурой). Стадия «сокрытия» осуществляется через цепочку переводов между множеством кошельков, использование децентрализованных бирж (DEX) и анонимных криптовалют (например, Monero, Zcash). На завершающей стадии интеграции «очищенная» криптовалюта конвертируется обратно в «электронные» деньги или используется для приобретения товаров и услуг на специализированных площадках [4, с. 58–60].

Особую опасность представляет использование криптовалют для финансирования терроризма. Относительно небольшие суммы, необходимые для организации терактов, могут быть быстро и незаметно переведены через границы, минуя традиционные банковские системы, подверженные международным санкциям и контролю со стороны таких организаций, как ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег).

Таким образом, технологические особенности криптовалют напрямую конфликтуют с базовыми принципами международного и российского правового режима противодействия ЛДП/ФТ, который основан на идентификации клиента, установлении бенефициарных владельцев, фиксации происхождения средств и обязательном сообщении о подозрительных операциях.

3. Обязанности субъектов финансового рынка и правовые механизмы контроля

В ответ на указанные вызовы российский законодатель предпринимает шаги по интеграции операций с цифровыми валютами в сферу действия законодательства о противодействии ЛДП/ФТ. Федеральный закон от 07.08.2001

№ 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее — Закон № 115-ФЗ) был существенно дополнен.

С 1 января 2025 года в перечень организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, на которых распространяются требования Закона № 115-ФЗ, включены операторы обмена цифровых валют. К их обязанностям теперь относятся:

- Идентификация клиента и установление его бенефициарных владельцев при совершении операций на сумму, равную или превышающую 100 тысяч рублей (или эквивалент в иностранной валюте/цифровой валюте).

- Замораживание (блокирование) операций с денежными средствами или цифровой валютой, если их владельцы внесены в соответствующие перечни террористов и экстремистов.

- Обязательный контроль за операциями, подпадающими под установленные критерии (например, операции с цифровой валютой на крупные суммы, сложные и необычные сделки).

- Хранение информации об операциях и предоставление ее по запросу уполномоченного органа (Росфинмониторинг) [5].

Однако регулирование охватывает только централизованные площадки — «операторов обмена». Значительный сегмент рынка, включающий децентрализованные финансы (DeFi) — протоколы, работающие на основе смарт-контрактов без единого оператора, — остается вне правового поля. Контроль за операциями физических лиц, напрямую передающих цифровую валюту друг другу (P2P-сделки), также крайне затруднен.

4. Предложения по совершенствованию правового регулирования и механизмов противодействия

На основе проведенного анализа представляется необходимым развитие правового регулирования в следующих направлениях:

1. Уточнение гражданско-правового статуса цифровой валюты. Требуется законодательное закрепление криптовалюты в качестве особого объекта гражданских прав (цифрового имущества), что позволит однозначно применять к сделкам с ней нормы гражданского законодательства об имуществе и создаст основу для судебной защиты прав владельцев. Это снизит риски мошенничества и неисполнения обязательств на нерегулируемых площадках.

2. Развитие риск-ориентированного подхода и внедрение регулятивных технологий. Для операторов об-

мена и иных вовлеченных организаций следует разработать детализированные методические рекомендации по оценке рисков ЛДП/ФТ, специфичных для криптоиндустрии. Стимулирование внедрения технологий анализа блокчейна (Blockchain Analytics) позволит автоматически отслеживать происхождение средств, выявлять связи с подозрительными кошельками (например, связанными с darknet-маркетами) и маркировать «грязные» деньги.

3. Расширение международного сотрудничества. Учитывая трансграничную природу криптовалют, Россия должна активнее участвовать в выработке международных стандартов их регулирования в рамках ФАТФ, «Группы двадцати» (G20) и на двусторонней основе. Ключевая задача — создание механизмов оперативного обмена информацией о подозрительных транзакциях и установления личности конечных владельцев анонимных кошельков.

4. Повышение профессиональной компетенции контролирующих органов и правоприменителей. Необходимо организовать систематическое обучение сотрудников Росфинмониторинга, правоохранительных и судебных органов технологическим основам работы блокчейна, методам расследования преступлений, связанных с криптовалютами, и современным схемам ЛДП/ФТ.

Формирование правового режима регулирования криптовалют в Российской Федерации находится на решающем этапе. Законодатель заложил основу, признав существование цифровой валюты и установив базовые правила игры для части участников рынка. Однако созданная модель носит фрагментарный характер и содержит внутренние противоречия, что ограничивает ее эффективность в противодействии криминальным угрозам.

Основная проблема заключается в регулировании лишь централизованных посредников при сохранении обширного пространства для анонимных и децентрализованных операций, наиболее привлекательных для преступников. Для построения сбалансированной системы, которая минимизирует криминальные риски, не подавляя при этом технологические инновации, требуется дальнейшее развитие законодательства. Оно должно быть направлено на ликвидацию гражданско-правовых пробелов, внедрение современных технологий финансового мониторинга, основанных на анализе блокчейна, и активную интеграцию в систему международного сотрудничества. Только комплексный межотраслевой подход позволит Российской Федерации адекватно ответить на вызовы, порождаемые цифровой трансформацией финансовой сферы.

Литература:

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
2. Артемов С. В. Правовые проблемы регулирования криптовалют в России и за рубежом // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 12. С. 30–41.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 21.10.2025).
4. Иванова Е. К., Смирнов В. Л. Теневой оборот криптовалют: методы, риски и меры противодействия // Финансовое право. 2022. № 5. С. 55–64.
5. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 24.06.2024) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.10.2025).

Правовая категория существенных нарушений условий договора как основание для его изменения и расторжения

Дармаева Сарюхан Туя Жаргаловна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье исследуется правовая категория существенного нарушения условий договора в качестве основания для его изменения или расторжения. Анализируются доктринальные подходы к определению существенности нарушения, проводится анализ судебной практики по применению данной нормы, выявляются проблемные аспекты. Особое внимание уделяется балансу интересов сторон при расторжении договора и необходимости учета принципов добросовестности и разумности.

Ключевые слова: *существенное нарушение договора, изменение договора, расторжение договора, принцип добросовестности, принцип разумности, ненадлежащее исполнение обязательств, расторжение договора в судебном порядке, возмещение убытков при расторжении договора, одностороннее расторжение договора, баланс интересов сторон при расторжении договора.*

В условиях современного гражданского оборота увеличивается число споров в сфере изменения и расторжения договора в связи с существенным нарушением условий договора. Эта эскалация конфликтности актуализирует острую необходимость в оптимизации и повышении эффективности правовых механизмов защиты от недобросовестного или ненадлежащего исполнения обязательств. В данном контексте центральное значение приобретает правовая категория «существенного нарушения договора», закрепленная в статье 450 Гражданского кодекса РФ. Она выступает ключевым инструментом для поддержания баланса интересов сторон при изменении или расторжении сделки, обеспечивая справедливость в условиях нарушенных ожиданий. Динамика реформирования гражданского законодательства, вкупе с постоянным запросом на унификацию судебных подходов к оценке критериев существенности нарушений, обуславливает актуальность настоящего исследования.

Ключевая проблема, рассматриваемая в настоящей работе, заключается в недостаточной разработанности и отсутствии единообразия критериев квалификации нарушений договорных обязательств как существенных [18, с. 134–136]. Вопреки законодательному закреплению данного понятия в пункте 2 статьи 450 Гражданского кодекса Российской Федерации, правоприменительная, в частности, судебная практика демонстрирует разнородные и подчас противоречивые подходы к его толкованию и применению. Такая ситуация порождает значительную правовую неопре-

делённость [1] для участников гражданского оборота, провоцирует рост числа спорных ситуаций при разрешении вопросов об изменении или расторжении договоров, что, в свою очередь, негативно сказывается на предсказуемости и стабильности экономических отношений.

Основной целью настоящего исследования является комплексное выявление и систематизация доктринальных критериев и практических условий признания нарушения договорных обязательств существенным в российской правовой системе. Работа призвана обосновать эффективное применение данной правовой категории как фундаментального основания для изменения или расторжения сделки, обеспечивая при этом защиту нарушенных прав. Достижение поставленной цели позволит сформировать более чёткие, унифицированные и предсказуемые ориентиры для субъектов гражданского оборота и правоприменительных органов, способствуя укреплению договорной дисциплины и снижению рисков.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: во-первых, проводится анализ эволюции понятия «существенное нарушение условий договора» в доктрине российского гражданского права; во-вторых, исследуется арбитражная практика последних пяти лет по делам о расторжении договоров вследствие существенных нарушений. Решение этих задач обеспечит достижение цели исследования.

Судебная практика конкретизирует объективные и субъективные признаки [17] существенного нарушения

через призму реальных правоприменительных ситуаций. Важнейшим объективным критерием является лишение контрагента ожидаемого экономического результата от договора. Субъективный аспект проявляется в оценке степени ущерба [3], который должен быть настолько значительным, чтобы сделать дальнейшее исполнение обязательства экономически нецелесообразным. Неисполнимость обязательства также рассматривается как признак существенности нарушения.

Проблематика дифференциации критериев существенности нарушений проявляется в зависимости от вида договора и характера нарушенных обязательств. Например, для договоров подряда существенным может быть признано нарушение сроков выполнения работ, тогда как для договоров поставки — некомплектность или ненадлежащее качество товара. Суды сталкиваются с необходимостью индивидуального подхода к каждому делу, учитывая специфику правоотношений и конкретные обстоятельства, что усложняет формирование единообразной практики.

Эта проблематика приобретает особую значимость для договоров подряда. Глава 37 ГК РФ («Подряд») сама по себе устанавливает широкий спектр из шести законодательных оснований для одностороннего отказа заказчика от договора (п. 3 ст. 708, п. 5 ст. 709, п. п. 2, 3 ст. 715, ст. 717, п. 3 ст. 723 ГК РФ), а также два — для подрядчика (п. 3 ст. 716, п. 2 ст. 719 ГК РФ). Тем не менее, ключевой характеристикой подрядной практики является беспрецедентное разнообразие договорных условий, регулирующих возможность одностороннего расторжения, что значительно расширяет предусмотренные законом рамки.

Суд активно формирует понимание того, какие нарушения условий договора подряда могут быть квалифицированы как существенные в соответствии с пунктом 2 статьи 450 ГК РФ. Примечательно, что суды нередко прибегают к этой общей норме даже в тех случаях, когда у сторон имелись более специфические и прямые основания для одностороннего отказа от договора, предусмотренные специальными нормами главы 37 ГК РФ. В развитие этих подходов, судебная практика Верховного Суда РФ и арбитражных судов округов регулярно подтверждает и квалифицирует как существенные, влекущие расторжение договора по п. 2 ст. 450 ГК РФ, следующие нарушения:

Например, нарушение качества, выразившееся в технической неисправности результата работ, было признано существенным в Определении Верховного Суда РФ от 07.10.2024 № 304-ЭС21-17880 по делу № А67-10703/2019 [10], хотя заказчик мог бы воспользоваться, к примеру, п. 3 ст. 723 ГК РФ, дающим право отказаться от договора в связи с существенными и неустраняемыми недостатками. Аналогично, неисполнение заказчиком обязанности по передаче подрядчику проектно-сметной документации, согласованной органами госэкспертизы, квалифицировано как существенное нарушение (определение Верховного Суда РФ от 06.05.2020 № 305-ЭС20-4833

по делу № А40-61476/2019 [11]), несмотря на то что подрядчик имел специальное право по ст. 719 ГК РФ приостановить работы, либо отказаться в одностороннем порядке от договора и потребовать возмещения убытков.

Также существенным нарушением было признано ненадлежащий (несоответствующий договору) способ выполнения работ (был применен не открытый способ, а метод горизонтального бурения) в сочетании с просрочкой в выполнении работ на срок, превышающий один год (Постановление АС Волго-Вятского округа от 09.03.2022 № Ф01-8168/2021 по делу № А82-20402/2020 [13]). Длительная неоплата заказчиком выполненных и принятых работ также становится основанием для расторжения договора по п. 2 ст. 450 ГК РФ, как показано в Постановлении АС Восточно-Сибирского округа от 12.09.2017 № Ф02-4196/2017 по делу № А33-9302/2016 [14].

Интересным примером является случай непредоставления заказчиком места выполнения работ, склада для хранения инструментов и материалов для производства работ, а также проектно-сметной документации (Постановление АС Дальневосточного округа от 14.03.2025 № Ф03-520/2025 по делу № А51-10526/2024 [15]). В этом деле суд одновременно признал недействительным отказ заказчика от договора подряда, мотивированный нарушением срока выполнения работ, поскольку вины подрядчика в просрочке не было. Таким образом, п. 2 ст. 450 ГК РФ может эффективно использоваться не только как прямое основание для расторжения, но и как форма встречной защиты, когда сторона, не воспользовавшись своим предшествующим правом на односторонний отказ, сталкивается с очевидной бесперспективностью продолжения договорных отношений со своим контрагентом.

К существенным нарушениям отнесено значительное нарушение срока выполнения работ, когда просрочка составила более самого первоначального срока выполнения работ (Постановление АС Московского округа от 14.02.2018 № Ф05-20313/2017 по делу № А40-77381/2017 [16]). Аналогично, невыполнение работ в срок, в установленном объеме, а также неустранение выявленных недостатков в совокупности рассматривается как существенное нарушение (определение Верховного Суда РФ от 19.04.2024 № 310-ЭС24-4381 по делу № А84-6073/2022 [12]).

Историческое развитие правового регулирования существенных нарушений договора в России демонстрирует преемственность и трансформацию подходов. В дореволюционном праве понятие существенного нарушения было закреплено в Своде законов Российской империи, где основным критерием для расторжения договора в силу нарушения обязательств выступала невозможность достижения цели договора или утрата интереса кредитора в дальнейшем исполнении. Выдающиеся русские цивилисты того времени, такие как Г. Ф. Шершеневич, К. П. Победоносцев, Д. И. Мейер, в своих трудах подчеркивали, что право на расторжение возникает, когда нарушение обязательства настолько серьезно, что делает

дальнейшее продолжение договора для не нарушившей стороны не только бессмысленным, но и лишенным первоначального «основания [20]». Акцент делался не столько на размере прямого ущерба как такового, сколько на функциональной непригодности или полном обесценивании встречного предоставления с точки зрения изначальной цели сделки. Это был подход, ориентированный на защиту субъективного интереса кредитора, но при этом объективно обоснованный утратой самой сути договорных отношений и их экономической целесообразности. Расторжение считалось крайней мерой, применяемой в случаях, когда менее радикальные средства защиты, такие как требование исполнения или возмещение убытков, оказывались неэффективными или не могли восстановить нарушенный интерес.

Советское гражданское законодательство, сохраняя идею значительности нарушения, ввело более формализованные критерии в ГК РСФСР 1922 и 1964 годов. В условиях Новой экономической политики (НЭП) и последующего ужесточения государственного контроля, законодательство стремилось к большей формализации. Понятие существенного нарушения не всегда выделялось напрямую в общей норме, но условия для расторжения договора, особенно между государственными организациями, были тесно связаны с нарушением плановых заданий и государственной дисциплины. Например, систематическое невыполнение обязательств по поставке или производству, которое срывало выполнение общего государственного плана, безусловно, рассматривалось как основание для расторжения. Фокус смещался на экономическую жизнеспособность и целесообразность продолжения отношений с точки зрения выполнения плановых показателей.

В ГК РСФСР 1964 г. универсального, единого определения «существенного нарушения» по-прежнему не было, но нормы, регулирующие отдельные виды договоров (поставка, подряд, купля-продажа), содержали конкретные указания на основания для расторжения. Часто встречались отсылки к «неоднократности» нарушения, «грубости» или «неустранимости» недостатков, а также к «невозможности использовать предмет по назначению» (например, ст. 263 ГК РСФСР 1964 года для договора поставки). Существенность нарушения определялась через его фактические последствия для стороны, невозможность достижения плановой цели, а также через характер вины нарушителя. Акцент смещался с индивидуального интереса на принцип социалистической законности и плановой дисциплины, где неисполнение одним звеном могло нарушить всю цепочку планового производства.

Современный Гражданский кодекс РФ, развивая эти положения, сформулировал комплексный подход к определению существенности через призму лишения кредитора того, на что он вправе был рассчитывать. Данный подход к определению существенного нарушения, закреплённый в пункте 2 статьи 450 ГК РФ, является синтезом исторических концепций и значительного влияния ме-

ждународно-правовых тенденций, таких как концепция «фундаментального нарушения» (fundamental breach) из Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (CISG) и Принципов УНИДРУА международных коммерческих договоров [9].

Разграничение существенного нарушения от несущественных нарушений и просрочки исполнения является одним из фундаментальных вопросов в теории и практике договорного права, определяющим набор доступных не нарушившей стороне договора средств правовой защиты. Это разграничение основывается, прежде всего, на характере и степени тяжести последствий, которые возникают для добросовестной стороны в результате ненадлежащего исполнения обязательства.

Существенное нарушение характеризуется такими критическими последствиями, которые коренным образом изменяют [6, с. 1-2] баланс интересов сторон и лишают добросовестную сторону договора того, на что она в значительной степени была вправе рассчитывать при заключении договора. Это прямо и недвусмысленно указано в пункте 2 статьи 450 Гражданского кодекса Российской Федерации. Цель, ради которой договор заключался, в результате такого нарушения либо полностью утрачивается, либо становится недостижимой без несоизмеримых затрат или усилий. Резюмируя данную норму, существенное нарушение делает продолжение договорных отношений бессмысленным или крайне невыгодным для пострадавшей стороны.

В отличие от этого, несущественные нарушения и просрочка исполнения, хотя и могут причинять стороне, действовавшей со своей позиции добросовестно определённые убытки, неудобства или дополнительные расходы, не препятствуют достижению основной цели договора. То есть, несмотря на нарушение, потерпевшая сторона всё же получает или имеет возможность получить то, что составляет предмет договора, пусть и с некоторыми изъятиями или задержками. Такие нарушения, как правило, устранимы и не нивелируют полностью экономическую ценность или функциональное назначение исполненного (или частично исполненного) обязательства.

Оценивая существенность нарушения договора, арбитражные суды, для определения соответствия критериям, заложенным в пункте 2 статьи 450 Гражданского кодекса Российской Федерации, используют ряд взаимосвязанных ориентиров. Эти признаки позволяют суду комплексно взглянуть на ситуацию и установить, действительно ли нарушение повлекло такие последствия, которые лишают потерпевшую сторону того, на что она в значительной степени была вправе рассчитывать при заключении договора.

Карапетов отмечает, что при «существенном нарушении условий договора поведение субъекта не соответствует критериям разумности и добросовестности [5]». Поведение стороны, повлекшее нарушение, не может соответствовать критериям разумного [19] поведения участника гражданского оборота и принципу добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ). Это означает, что нару-

шившая сторона действовала не только неисполнительно, но и, возможно, с грубой неосторожностью, не приняла адекватных мер для предотвращения нарушения, либо вообще проигнорировала интересы своего контрагента. Такое поведение свидетельствует об отсутствии должной осмотрительности и заботливости [4, с. 200-201], которая обычно ожидается от добросовестной стороны договора. Если нарушение является результатом очевидно неразумных действий или бездействия, это усиливает аргументацию в пользу его существенности.

Существенное нарушение условий договора имело место в следующем примере судебного дела. Так, в Постановлении АС Волго-Вятского округа от 09.03.2022 № Ф01–8168/2021 по делу № А82–20402/2020, где суд оценил как неразумное применение подрядчиком ненадлежащего способа выполнения работ и длительную просрочку, что привело к невозможности реализации заказчиком своих законных ожиданий от договора.

В результате анализа научной литературы института существенного нарушения условий договора, можно отметить следующие ключевые выводы, представленные различными учеными и авторами, относительно его практического применения, особенно в контексте динамичных подрядных отношений.

Расторжение договора в судебном порядке на основании пункта 2 статьи 450 ГК РФ является по мнению Л. В. Кузнецовой фундаментальным и субсидиарным [7, с. 71] механизмом защиты прав, который становится единственно возможным и эффективным инструментом прекращения договорных отношений в случаях, когда специальные основания для одностороннего внесудебного отказа отсутствуют как в законе, так и в самом тексте договора. Это подтверждает универсальный характер анализируемых норм.

Согласно позиции Кузнецовой [8] Л. В., расторжение договора на основании пункта 2 статьи 450 ГК РФ также представляет собой целесообразный выбор для уполномоченной стороны, которая, хотя и имеет предусмотренное законом или договором право на односторонний

внесудебный отказ, сознательно не использует его. Это может быть обусловлено стремлением избежать правовой неопределенности и минимизировать риски оспаривания одностороннего действия или же ситуаций, когда сторона уже утратила право на односторонний отказ в силу положений пункта 5 статьи 450.1 ГК РФ. Таким образом, обращение в суд за расторжением по существенному нарушению предоставляет сторонам максимальную правовую стабильность и предсказуемость. Расторжение договора по пункту 2 статьи 450 ГК РФ может быть эффективно использовано как значимый инструмент встречной защиты в судебном процессе. В ситуации, когда одна сторона (например, заказчик) инициирует судебный процесс по взысканию неустойки или убытков, другая сторона (подрядчик), выявив одновременное существенное нарушение договора со стороны истца, может предъявить встречное требование о расторжении договора на основании пункта 2 статьи 450 ГК РФ. Кроме того, расторжение договора по вине контрагента предоставляет потерпевшей стороне право требовать возмещения убытков, причиненных прекращением договора, в соответствии с пунктом 5 статьи 453 ГК РФ, что является важным элементом комплексной защиты интересов.

Анализ судебной практики за последние пять лет подтвердил наличие устойчивых критериев оценки существенности нарушений, таких как значительность причиненного ущерба и лишение потерпевшей стороны ожидаемых выгод. Однако исследование выявило проблему отсутствия единообразия в подходах судов к квалификации данных обстоятельств. Это требует дальнейшей унификации судебной практики.

Для минимизации выявленной правовой неопределенности и обеспечения единообразия правоприменительной практики представляется необходимым комплексный подход. Он включает в себя дальнейшее углубление доктринальных разработок, направленных на выработку более четких и дифференцированных критериев существенности нарушения с учётом специфики различных видов договоров.

Литература:

1. Борисов, А. Б. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части 1–4 (постатейный) / А. Б. Борисов. — 11-е изд., перераб. и доп. — Москва: Книжный мир, 2011. — 1152 с. — (Профессиональные комментарии законодательства Российской Федерации).
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2001.
3. Войник Э. Д. Существенное нарушение условий договора в гражданском законодательстве России. / Войник Э. Д. // Официальное издание арбитражного суда северо-западного округа. — 2006.
4. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017.
5. Карапетов А. Г. Проект комментария к п.3–4 ст.1 Гражданского Кодекса // Журнал «Закон».
6. Корченова Ольга Александровна Условия и последствия существенного изменения обстоятельств // Конференция «Ломоносов 2018». — Москва, 2018.
7. Кузнецова Н. В., Меньшикова О. В. Условия гражданско- правового договора: теория и практика правового регулирования: учеб. пособие. Ижевск: Jus est, 2020.
8. Кузнецова Л. В. Расторжение договора по мотиву существенности его нарушения / Кузнецова Л.В // Журнал «Закон» — 2025.

9. Нау Р. Ор. cit. Р. 355. Следует отметить, что этих критериев придерживаются и акты международной унификации договорного права (например, ст. III.–1:110 DCFR, ст. 6.2.2 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010) и российский правопорядок (ст. 451 ГК РФ).
10. Определение Верховного Суда РФ от 07.10.2024 № 304-ЭС21–17880 по делу № А67–10703/2019 // Электронный ресурс: <https://kad.arbitr.ru/Card/a531f2ba-bdcb-4e31-90fd-889675291c40>. Дата обращения: 13.11.2025.
11. Определение Верховного Суда РФ от 06.05.2020 № 305-ЭС20–4833 по делу № А40–61476/2019 // Электронный ресурс: <https://kad.arbitr.ru/Card/82603b7c-14f9-491b-a532-5ef9e05197d2>. Дата обращения: 13.11.2025.
12. Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2024 № 310-ЭС24–4381 по делу № А84–6073/2022 // Электронный ресурс: <https://kad.arbitr.ru/Card/22bed814-cb71-45aa-b6e3-4e85af59c589>. Дата обращения: 13.11.2025.
13. Постановление АС Волго-Вятского округа от 09.03.2022 № Ф01–8168/2021 по делу № А82–20402/2020 // Электронный ресурс: <https://kad.arbitr.ru/Card/d2ff8de7-d518-4642-8ca6-24cf35141bc5>. Дата обращения: 13.11.2025.
14. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 12.09.2017 № Ф02–4196/2017 по делу № А33–9302/2016 // Электронный ресурс: <https://kad.arbitr.ru/Card/f633b444-ba91-4434-bcd5-dddc495f754b>. Дата обращения: 13.11.2025.
15. Постановление АС Дальневосточного округа от 14.03.2025 № Ф03–520/2025 по делу № А51–10526/2024 // Электронный ресурс: <https://kad.arbitr.ru/Card/1e39c62e-847a-4f7a-8536-99de34318153>. Дата обращения: 13.11.2025.
16. Постановление АС Московского округа от 14.02.2018 № Ф05–20313/2017 по делу № А40–77381/2017 // Электронный ресурс: <https://kad.arbitr.ru/Card/5839ed08-0d35-480d-a595-b509df45ba7a>. Дата обращения: 13.11.2025.
17. «Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая» (постатейный) (Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П.) (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2019).
18. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том II. Обязательственное право / Отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2011.
19. Фетисова Е. М. Принципы толкования гражданско-правовых договоров / Фетисова Е. М. // Журнал «Вестник экономического правосудия РФ» // 08–2013
20. Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. — М.: Статут, 2017. С. 454–458.

Правовой статус автоматизированных систем мониторинга подозрительных операций в банках: риски и регуляторные подходы

Даровская Мария Владимировна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье рассматривается правовой статус автоматизированных систем мониторинга подозрительных операций в банковской сфере, направленных на противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма. Анализируются нормативно-правовые основы их функционирования в Российской Федерации (Федеральный закон № 115-ФЗ, положения Банка России) и на международном уровне (рекомендации FATF, BSA в США, AI Act в ЕС). Особое внимание уделяется рискам внедрения таких систем — финансовым, регуляторным, операционным и этическим, включая проблемы предвзятости алгоритмов, ложных срабатываний и защиты персональных данных. Рассматриваются регуляторные подходы, основанные на риск-ориентированном принципе, а также перспективы развития технологий explainable AI и международного сотрудничества. Работа подчеркивает необходимость баланса между эффективностью мониторинга и минимизацией рисков для повышения доверия к финансовой системе.

Ключевые слова: автоматизированные системы мониторинга, подозрительные операции, противодействие отмыванию денег, финансирование терроризма, риск-ориентированный подход, искусственный интеллект в финансах, регуляторные риски, explainable AI, банковский compliance, виртуальные активы.

The legal status of automated systems for monitoring suspicious transactions in banks: risks and regulatory approaches

The article examines the legal status of automated systems for monitoring suspicious transactions in the banking sector aimed at countering money laundering and terrorist financing. The article analyzes the regulatory and legal bases of their functioning in the Russian Federation (Federal Law No. 115-FZ, regulations of the Bank of Russia) and at the international level (FATF recommendations, BSA in the USA, AI Act in the EU). Particular attention is paid to the risks of implementing such systems — financial, regulatory,

operational and ethical, including problems of algorithm bias, false alarms and personal data protection. Regulatory approaches based on the risk-based principle are considered, as well as prospects for the development of explicable AI technologies and international cooperation. The work highlights the need for a balance between effective monitoring and risk minimization to increase confidence in the financial system.

Keywords: *automated monitoring systems, suspicious transactions, anti-money laundering, terrorist financing, risk-based approach, artificial intelligence in finance, regulatory risks, explicable AI, banking compliance, virtual assets.*

В условиях современного финансового сектора автоматизированные системы мониторинга подозрительных операций занимают центральное место в борьбе с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма. Такие системы, как правило, построенные на технологиях искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения, дают возможность банкам проводить анализ транзакций в режиме реального времени, выявляя аномалии и признаки возможных нарушений. Актуальность проблемы связана с интенсивным развитием цифровых финансовых услуг, в том числе операций с виртуальными активами, что существенно повышает вероятность финансовых преступлений. В Российской Федерации и на международной арене данные системы подлежат строгому нормативному регулированию, направленному на достижение максимальной прозрачности и эффективности. Вместе с тем их внедрение сопровождается юридическими, техническими и этическими сложностями. Настоящая работа посвящена анализу правового статуса указанных систем, ассоциированных с ними рисков и применяемых регуляторных подходов на основе изучения нормативно-правовых актов и практического опыта [1].

Автоматизированные системы мониторинга представляют собой специализированные программные решения, интегрируемые в инфраструктуру банков для автоматического анализа транзакций. Они применяют алгоритмы для обнаружения индикаторов подозрительных операций, включая нехарактерные суммы, повышенную частоту переводов или несоответствия по географическому признаку. В соответствии с рекомендациями Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) подобные системы обязаны входить в состав риск-ориентированного подхода, при котором основные усилия направляются на зоны повышенного риска. В России данное требование реализовано в нормативных актах Банка России, предусматривающих обязательное внедрение кредитными организациями механизмов внутреннего контроля для предотвращения легализации преступных доходов. Зарубежная практика, в частности в странах ЕС и США, демонстрирует переход от ручного контроля к автоматизированным решениям при сохранении приоритета защиты прав человека и персональных данных [5].

Правовой статус автоматизированных систем мониторинга в Российской Федерации в первую очередь определяется Федеральным законом № 115-ФЗ, устанавливающим обязанность банков идентифицировать операции, подлежащие обязательному контролю, а также подозрительные транзакции. Положение Банка России № 375-П требует от

кредитных организаций разработки правил внутреннего контроля, включающих автоматизированные инструменты анализа как внебиржевых, так и биржевых операций. Соответствие систем установленным критериям обеспечивается Приложением 3 к Положению № 445-П, содержащим перечень признаков подозрительных операций (в том числе коды 3202–3232, связанные с манипулированием рынком и отмыванием доходов). Кроме того, Федеральный закон № 224-ФЗ предусматривает меры по предотвращению неправомерного использования инсайдерской информации, в рамках которых необходим автоматизированный мониторинг для своевременного выявления нарушений [1; 2; 3; 4; 12].

На международном уровне FATF в своих рекомендациях (в особенности Рекомендация 1) акцентирует внимание на риск-ориентированном подходе, согласно которому автоматизированные системы должны проводить оценку рисков с учетом профиля клиентов, видов продуктов и географических факторов. В Европейском союзе проект AI Act относит такие системы к категории высокого риска, вводя требования по обеспечению прозрачности, человеческого контроля и защиты данных. В Соединенных Штатах Федеральный закон о банковской тайне (BSA) совместно с рекомендациями FinCEN обязывают финансовые учреждения направлять отчеты о подозрительных операциях (SARs) в отношении транзакций свыше 5000 долларов при наличии признаков незаконной деятельности. Автоматизированные системы в американской практике сочетаются с ручными методами для обнаружения структурирования операций с целью обхода пороговых значений отчетности [5; 6].

В контексте виртуальных активов FATF определяет провайдеров услуг виртуальных активов (ПУВА) как субъектов, обязанных внедрять мониторинг, включая порог в 1000 евро для надлежащей проверки клиентов. В России это дополняется мониторингом рисков виртуальных активов, где системы должны проверять на соответствие санкционным спискам Росфинмониторинга и иностранным бенефициарам. Таким образом, правовой статус этих систем эволюционирует от обязательного инструмента compliance к интегральной части цифровой финансовой безопасности, с акцентом на соответствие международным стандартам [5].

ГОСТ Р 57580.3–2022 устанавливает стандарты безопасности финансовых операций, включая управление рисками информационных угроз в автоматизированных системах. Это подразумевает обязательную сертификацию систем на соответствие требованиям операци-

онной надежности. В банковской группе системы должны интегрироваться с общей системой управления операционным риском, как указано в Положении Банка России № 716-П. Несоблюдение может привести к административным санкциям, включая штрафы или отзыв лицензии [7; 8].

Внедрение автоматизированных систем мониторинга несет множество рисков, которые можно классифицировать как финансовые, регуляторные, операционные и этические. Финансовые риски включают потенциальные потери от нераспознанных мошеннических операций, таких как манипулирование рынком или инсайдерская торговля. Например, ложные срабатывания (*false positives*) могут привести к блокировке легитимных транзакций, вызывая убытки для банка и клиентов. В международной практике случаи вроде *Societe Generale* (убыток 4,9 млрд евро) иллюстрируют риски внутренних мошенничеств, где системы не справились с выявлением сговора сотрудников [12].

Регуляторные риски возникают из-за несоответствия нормам, таких как штрафы за несвоевременное уведомление Банка России или FinCEN. В ЕС AI Act предусматривает штрафы до 6 % годового оборота за нарушения в высокорисковых системах. Операционные риски связаны с качеством данных: предвзятость алгоритмов (*bias*) может привести к дискриминации клиентов по географическому или социальному признаку, а «черный ящик» ИИ затрудняет объяснение решений регуляторам. Киберриски, включая хакинг или загрязнение данных, усиливают уязвимости, особенно в реальном времени мониторинге [10].

Этические риски касаются приватности: сбор данных о транзакциях может нарушать GDPR в ЕС или аналогичные нормы в России. Кроме того, высокие затраты на внедрение (IT-специалисты, обслуживание) создают барьеры для малых банков, приводя к неравенству в *compliance*. В контексте виртуальных активов риски анонимности и трансграничности требуют усиленного мониторинга, но повышают шанс ложных обвинений. Общий подход к минимизации рисков включает регулярный аудит и человеческий надзор [11].

Регуляторные подходы к автоматизированным системам основаны на риск-ориентированном принципе,

рекомендованном FATF. В России Банк России в Информационном письме № ИН-014–12/64 разъясняет оценку рисков, включая весовые коэффициенты для факторов, таких как типы клиентов (25–35 %) и география (20–30 %). Остаточный риск рассчитывается по трех- или пятиступенчатой шкале, где высокий присущий риск с низкой эффективностью контроля приводит к высоким остаточным рискам. Банки обязаны документировать методологию и проводить ежегодные оценки [9].

В США FFIEC требует политик для идентификации необычной активности через автоматизированные системы, включая пороги и правила. SARs подаются в течение 30 дней, с фокусом на конфиденциальность и защиту от ответственности. В ЕС акцент на *explainable AI* (XAI) для прозрачности, с обязательными оценками соответствия. Для виртуальных активов FATF требует лицензирования ПУВА, мониторинга переводов с передачей данных о отправителях и получателях, используя технологии вроде API или смарт-контрактов. Надзор осуществляется компетентными органами с санкциями за нарушения [5; 6].

Практики включают интеграцию ИИ для снижения ложных срабатываний, сотрудничество с регуляторами и обмен информацией. В Японии и США акцент на регистрации и проверках, в ЕС — на этических аспектах. В России Росфинмониторинг подчеркивает мониторинг публичных должностных лиц и санкционных списков. Общий тренд — переход к реальному времени мониторингу с AI, но с человеческим контролем для минимизации рисков [6].

Автоматизированные системы мониторинга подозрительных операций — это неотъемлемая часть современной банковской системы, обеспечивающая *compliance* с антиотмывочными нормами. Их правовой статус в России и мире подчеркивает обязательность внедрения, но с учетом рисков, таких как предвзятость и киберугрозы. Регуляторные подходы, ориентированные на риски, позволяют балансировать эффективность и безопасность. Для будущего важно развивать XAI и международное сотрудничество, чтобы системы эволюционировали в соответствии с цифровыми вызовами. Это не только снижает финансовые преступления, но и повышает доверие к банковскому сектору [10].

Литература:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/.
2. Положение Банка России от 02.03.2012 № 375-П (ред. от 07.11.2022) «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128351/.
3. Положение Банка России от 15.12.2014 № 445-П (ред. от 07.11.2022) «О требованиях к правилам внутреннего контроля некредитных финансовых организаций в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175322/.

4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103037/.
5. Guidance for a Risk-Based Approach: Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Updated October 2021 // Financial Action Task Force (FATF). URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/Updated-Guidance-VA-VASP.pdf>.
6. FFIEC BSA/AML Examination Manual // Federal Financial Institutions Examination Council. URL: <https://bsaaml.ffiec.gov/manual>.
7. ГОСТ Р 57580.3–2022. Безопасность финансовых (банковских) операций. Управление риском реализации информационных угроз и обеспечение операционной надежности. Общие положения. Введ. 01.02.2023 // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200194981>.
8. Положение Банка России от 08.04.2020 № 716-П (ред. от 22.10.2024) «О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355380/.
9. Информационное письмо Банка России от 27.12.2017 № ИН-014–12/64 «О вопросах применения риск-ориентированного подхода в сфере ПОД/ФТ» // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/71851262/>.
10. Turksen U., Benson V., Adamyk B. Legal implications of automated suspicious transaction monitoring: enhancing integrity of AI // Journal of Banking Regulation. 2024. Vol. 25. No. 4. P. 359–377. DOI: 10.1057/s41261–024–00233–2.
11. Stay Ahead of AML Risks with Real-time Transaction Monitoring // Flagright. 2023. URL: <https://www.flagright.com/post/stay-ahead-of-aml-risks-with-real-time-transaction-monitoring>.
12. Автоматизация мониторинга подозрительных операций при брокерском обслуживании клиентов банка на финансовых рынках // Future Banking. URL: <https://futurebanking.ru/reglamentbank/article/7278>.

Субъекты административного права

Долгова Юлия Денисовна, студент

Научный руководитель: Сергеева Юлия Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье представлено комплексное рассмотрение субъектов административного права, раскрыты их признаки и уникальные характеристики, проанализирована их особенность. Раскрыта характеристика органов исполнительной власти как важнейшего субъекта административного права.

Ключевые слова: субъект, субъект права, субъект административного права, административно-правовые отношения, юридические лица, физические лица, государственный служащий, организация, органы исполнительной власти.

Субъект административного права представляет собой юридическую концепцию, построенную на основе императивного, общезапретительного принципа. В контексте отраслевых подходов к трактовке термина «субъект права» целесообразно выделить характеристики, которые определяют данное понятие на теоретическом уровне, а именно признаки и свойства, присущие всем отраслям права [2, с.265].

Субъект административного права — это конкретный участник регулируемых административным правом общественных отношений.

Субъекты права имеют два основных признака:

– во-первых, он является участником определенных общественных отношений и обладает субъективными правами и обязанностями;

– во-вторых, субъект должен реально участвовать в конкретных правоотношениях, урегулированных нормами права, в данном случае, административного.

Эти признаки определены общей концепцией теории права, поскольку эта правовая категория требует самостоятельного анализа. В административном праве система субъектов является сложной, по сравнению с другими отраслями права.

Субъектом права признается как индивидуальное лицо, так и организация, обладающие следующими характеристиками:

1) наличие потенциальных прав, свобод, законных интересов и обязанностей, которые закреплены в системе действующих правовых норм, независимо от их фактического использования;

2) права, свободы, законные интересы и обязанности субъекта, как правило, предоставляются государством, однако не исключается возможность регулирования данного статуса на локальном уровне;

3) наличие правового статуса, который определяет место субъекта в сложной системе общественных и пра-

вовых отношений. Важно отметить, что содержание данного статуса варьируется в зависимости от типа субъекта права (индивидуальный или коллективный);

4) способность субъекта самостоятельно и осознанно реализовывать предоставленные ему права и обязанности, защищать свои законные интересы. Эта способность связывает субъекта как юридическую конструкцию с лицом как социальным организмом, обладающим волей и интересом, необходимыми для возникновения правоотношений.

Субъект административного права обладает уникальными характеристиками, которые отличают его от субъектов других отраслей права [2, с.266].

Основные особенности субъекта административного права включают в себя следующее:

1. Преобладание обязанностей над правами. Субъект административного права в первую очередь сталкивается с обязанностями, тогда как права и свободы (компетенция) имеют второстепенное значение. Реализация прав и обязанностей происходит в контексте публично-управленческих отношений, направленных на выполнение задач, функций и достижение целей публичного управления.

2. Нормативное определение обязанностей и прав. Субъект административного права получает свои обязанности и права, а также законные интересы в основном через нормы административного права, но также может быть наделен ими другими публично-правовыми нормами.

3. Административно-правовой статус. Субъект административного права наделяется административно-правовым статусом, который определяет его положение в системе административно-правовых отношений. Вступление в эти отношения может происходить как по собственному усмотрению субъекта, так и в силу установленных законодательством положительных или отрицательных обязательств.

4. Участие в управленческой деятельности. Субъекты административного права участвуют в организации и осуществлении публичного управления, включая непосредственную управленческую деятельность.

5. Возможность самостоятельной реализации обязанностей и прав. Субъект административного права обладает потенциалом для самостоятельного и осознанного выполнения возложенных на него административно-правовых обязанностей и реализации предоставленных прав и законных интересов [3, с.227].

А также особенность субъектов административного права заключается в том, что они становятся такими в разный период времени. Граждане Российской Федерации приобретают статус субъекта административного права с момента рождения, а иностранные граждане или лица без гражданства наделяются статусом субъекта с момента пересечения государственной границы.

Существует ещё одна группа субъектов — это субъекты административно-процессуальных правоотно-

шений. Они наделены определенным общим административно-правовым статусом, т. е., вступая в отношения даже процессуального характера, они реализуют свои права, определенные нормами материального административного права.

Граждане РФ, иностранные граждане, лица без гражданства и лица с двойным гражданством, выступающие в качестве субъектов административного права, в обобщённом виде классифицируются как физические лица

Юридические лица — с момента их государственной регистрации в порядке, установленном действующим законодательством. Государственные служащие или общественные негосударственные служащие — с даты назначения на должность.

Физические лица, являющиеся субъектами административного права, занимают определённую позицию в административно-правовой сфере, которая формирует их административно-правовой статус. Этот статус представляет собой систему административно-правовых координат, определяющих положение граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства и лиц с двойным гражданством в контексте административно-правового регулирования [1, с.66].

Организация, выступающая в качестве субъекта административного права, представляет собой структурированное и юридически оформленное образование, обладающее внутренней иерархией и состоящее из одного или нескольких индивидуальных субъектов. Данная организация обладает правом самостоятельно вступать в административно-правовые отношения с другими субъектами от собственного имени, а также является носителем административных прав и обязанностей в рамках этих отношений.

Субъекты административного права, к которым относятся организации, классифицируются на две основные категории в зависимости от правовой основы их создания:

- организации, учрежденные на основании гражданского законодательства;
- организации, созданные в соответствии с административным и иным публичным законодательством.

Исследование административно-правового статуса организации позволяет определить её позицию и функции в структуре административных правоотношений, а также установить юридические связи с другими субъектами данных отношений.

Органы исполнительной власти так же являются важнейшими субъектами административного права. Они осуществляют государственное управление во всех отраслях и сферах жизнедеятельности, исполняют и организуют исполнение законов, принимают правовые акты управления, обеспечивают государственную и общественную безопасность, правопорядок.

Факторами, детерминирующими административно-правовую природу положения государственного служащего в Российской Федерации, можно назвать урегулированность статуса в нормах публичного права, выполнение

административной деятельности, из существа которой вытекает необходимость установления таких правил, которые бы защищали публичный интерес.

Подводя итог, необходимо отметить, что главной особенностью субъектов административного права является их неравенство, которое находит выражение в том,

что одна из сторон всегда обладает властными полномочиями, то есть, фактически, орган публичного управления является обязательным участником административных правоотношений. Сама сущность административно-правовых отношений предполагает отношения «власти-подчинения».

Литература:

1. Жеребцов А. Н. К вопросу о понятии «субъект административного права» / А. Н. Жеребцов, Е. М. Желобкова, О. В. Шершакова // Актуальные проблемы права. — 2024. — № 11. — С. 65–71.
2. Комендантенко А. М. Административная ответственность: теоретические и практические аспекты / А. М. Комендантенко // Молодой ученый. — 2023. — № 52 (499). — С. 265–267.
3. Мыльников Н. С. Субъекты административного права / Н. С. Мыльников, С. Е. Алдабергенов, Ю. П. Денисов // Развитие современной науки и образования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 января 2023 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. — С. 226–228.

Пути повышения эффективности воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей

Драч Артем Михайлович, студент магистратуры
Херсонский технический университет (г. Геническ)

Научный руководитель: Чебоньян Татьяна Гайковна, кандидат юридических наук, доцент
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

В статье рассматриваются актуальные проблемы повышения эффективности воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Анализируются теоретические подходы к пониманию воспитательного воздействия и его роли в ресоциализации несовершеннолетних. Обосновывается необходимость комплексного подхода к организации воспитательной работы, учитывающего индивидуальные особенности личности правонарушителя, социокультурные факторы и специфику условий отбывания наказания. Выделяются ключевые направления совершенствования воспитательного воздействия, включающие развитие системы психологической поддержки, повышение квалификации педагогического и воспитательного персонала, активизацию взаимодействия с семьей и общественными организациями, внедрение инновационных методик воспитания и социальной адаптации. На основе проведенного анализа предлагаются конкретные рекомендации по повышению эффективности воспитательной работы с несовершеннолетними правонарушителями, направленные на снижение рецидивной преступности и успешную интеграцию их в общество. Подчеркивается важность создания благоприятной воспитывающей среды, способствующей формированию у несовершеннолетних правонарушителей позитивных ценностей, социальных навыков и чувства ответственности за свои поступки.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, воспитательное воздействие, ресоциализация, профилактика, психологическая поддержка, педагогический персонал, семья, общественные организации, социальная адаптация.

Развитие правового регулирования воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в Российской Федерации прошло несколько ключевых этапов, начиная с 1990-х годов. Принятие Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» стало основополагающим актом, заложившим системный подход к профилактической работе [1]. Данный закон определил комплекс мер по выявлению и устранению причин безнадзорности, а также установил субъекты профилактики. Последующие изме-

нения законодательства были направлены на усиление реабилитационной составляющей и расширение перечня мер воспитательного воздействия.

Формирование отечественной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних осуществлялось с учетом международных правовых стандартов. Ратификация Конвенции о правах ребенка в 1990 году обусловила ориентацию на принципы приоритета воспитательных мер над карательными. Как отмечает А. В. Наумов, «включение международных норм в российское законодательство способствовало гуманизации подходов к несовер-

шеннолетним правонарушителям» [8]. Это выразилось в развитии института примирения сторон и внедрении восстановительных технологий в работу комиссий по делам несовершеннолетних.

Практика применения мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в Российской Федерации характеризуется значительными региональными различиями. В различных субъектах РФ наблюдается неоднородность подходов к реализации профилактических программ и реабилитационных мероприятий. Данные различия обусловлены как экономическими возможностями регионов, так и спецификой местных социальных проблем. В результате эффективность воспитательного воздействия существенно варьируется в зависимости от территориального фактора.

Важным фактором, ограничивающим результативность воспитательных мер, выступает недостаточная ресурсная обеспеченность специализированных учреждений. Многие центры временного содержания и комиссии по делам несовершеннолетних сталкиваются с дефицитом квалифицированных кадров и материально-технической базы. Отсутствие современных методик работы и учебных материалов снижает качество проводимой профилактической работы. Вследствие этого воспитательное воздействие зачастую не достигает своих основных целей по ресоциализации подростков.

Негативное социальное окружение играет ключевую роль в формировании девиантных установок у несовершеннолетних правонарушителей. Асоциальные семьи, где распространены насилие, пренебрежение нуждами ребенка или криминальные модели поведения, создают основу для воспроизводства противоправных стереотипов. Криминогенные группы сверстников усиливают этот эффект, предлагая альтернативные системы ценностей и групповую поддержку противоправных действий. Подростки, стремясь к социальной идентификации, часто усваивают нормы таких групп как доминирующие [10].

Возрастные психологические особенности существенно снижают восприимчивость несовершеннолетних к традиционным воспитательным мерам. Характерные для подростков неустойчивость самооценки и повышенная потребность в самоутверждении приводят к сопротивлению авторитетам. Импульсивность и склонность к риску затрудняют долгосрочное прогнозирование последствий своих действий, что снижает эффективность профилактических бесед. Данные особенности развития делают стандартные методы воздействия недостаточно адаптированными к специфике подростковой психики.

Дефицит материально-технических и кадровых ресурсов в специализированных учреждениях существенно ограничивает возможность реализации индивидуального подхода к несовершеннолетним правонарушителям. Недостаточное финансирование приводит к неудовлетворительному состоянию инфраструктуры центров временного содержания и воспитательных колоний. Кадровый

голод проявляется в нехватке квалифицированных психологов, социальных педагогов и других специалистов, способных разрабатывать персонализированные программы коррекции. Как отмечается в исследовании, «неудовлетворительное материально-техническое обеспечение» и «проблемные вопросы в кадровом обеспечении» создают системные препятствия для эффективной работы уголовно-исполнительных инспекций [11].

Пробелы в правовом регулировании межведомственного взаимодействия органов профилактики приводят к дублированию функций и снижению эффективности программ ресоциализации. Отсутствие четких законодательных механизмов координации между комиссиями по делам несовершеннолетних, органами внутренних дел, социальной защиты и образовательными учреждениями вызывает рассогласованность их действий. Это усугубляется «сложностью правового регулирования деятельности инспекций» и «несовершенством информационно-аналитического обеспечения», что отмечается в научных работах [12]. Следствием становится фрагментарность воспитательного воздействия и недостаточный контроль за динамикой поведения несовершеннолетних.

Ключевым направлением реформирования правовых механизмов воспитательного воздействия является внедрение обязательной психолого-педагогической диагностики при выборе мер. Данная процедура должна предшествовать назначению конкретной меры воздействия и включать комплексную оценку личностных особенностей несовершеннолетнего, его социальной ситуации развития и семейных условий. Результаты диагностики позволят определить индивидуальные факторы риска и ресурсы для коррекции поведения. Такой подход обеспечит научно обоснованный выбор воспитательных мер с учетом специфики каждого случая.

Законодательное закрепление дифференцированных санкций требует расширения перечня альтернативных наказаний, адаптированных под различные категории правонарушителей. Необходимо предусмотреть гибкие меры, соответствующие тяжести деяния, возрасту и индивидуальным особенностям подростка. Введение новых санкций должно сопровождаться разработкой четких критериев их применения комиссиями по делам несовершеннолетних. Как отмечают исследователи, «наибольшее влияние на исправление поведения несовершеннолетних правонарушителей способна оказать работа с психологом в рамках индивидуальной коррекционной программы (26 %), а также включение несовершеннолетних в работу кружков и секций и/или их трудоустройство в каникулярное время [2]». Данные меры должны быть законодательно закреплены как варианты альтернативного воздействия.

Повышение эффективности воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей требует создания единых межведомственных информационных платформ. Подобные системы позволяют обеспечить оперативный обмен данными между комиссиями по делам несовершеннолетних, социальными службами и образова-

тельными организациями. Интегрированная база данных способствует своевременному выявлению проблемных ситуаций и согласованному реагированию всех заинтересованных структур. Кроме того, централизованный доступ к информации минимизирует дублирование функций и повышает качество сопровождения несовершеннолетних.

Необходимым условием для объективного анализа результативности воспитательных мер является разработка унифицированных критериев оценки. Ключевыми показателями должны выступать динамика рецидивной преступности среди несовершеннолетних и уровень их социальной адаптации после применения воспитательных воздействий. Систематический мониторинг данных параметров позволит выявлять наиболее эффективные практики и своевременно корректировать применяемые подходы. Унификация критериев также обеспечит сопоставимость результатов на различных территориях и в разных временных периодах.

Системная оптимизация воспитательного воздействия позволит преодолеть ключевую проблему недостаточной эффективности существующих мер. Данная проблема, как показал анализ, выражается в 30 %-ном уровне повторных правонарушений по данным МВД РФ.

Выявленные детерминанты неэффективности требуют комплексного преодоления. К ним относятся отсутствие персонализированного подхода и слабая межведомственная координация. Также значимыми факторами являются ресурсные дефициты и психолого-социальные барьеры ресоциализации. Преодоление этих проблем возможно через модернизацию как правовых механизмов, так и практики их применения.

Разработанные предложения по реформированию системы формируют основу для достижения качественного улучшения результатов воспитательного воздействия. Они предусматривают законодательное закрепление индивидуализированных программ реабилитации и создание единых координационных центров на региональном уровне. Важным элементом является внедрение инновационных методик с доказанной эффективностью.

Реализация предложенных мер, адаптированных к российским правовым реалиям с учетом международного опыта, способна обеспечить не только снижение рецидивов. Она будет способствовать укреплению системы защиты прав ребенка. Данное направление соответствует стратегическим ориентирам государственной политики в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Литература:

1. Агаев Г. А. Зорина Е. А. Баженов А. В. Современное уголовное законодательство России как правовая основа борьбы с преступностью несовершеннолетних // Научная статья. — 2022 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-ugolovnoe-zakonodatelstvo-rossii-kak-pravovaya-osnova-borby-s-prestupnostyu-nesovershennoletnih>
2. Антонова А. С. Вторичная профилактика делинквентного поведения подростков: межведомственный подход // Научные результаты в социальной работе. — 2024. — № 3. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75175552&ysclid=mjbx29nbka865504012>
3. Арпентьева М. Р. Вопросы ювенальной юстиции // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. — 2016. — № 5. — С. 13–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-yuvenalnoy-yustitsii?ysclid=mjbx0t9i1h286255301>
4. Арямов А. А., Бодаевский В. П., Саливанов А. А. Уголовное наказание: назначение и освобождение: учебник. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 320 с.
5. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под общей редакцией В. В. Векленко. — 4-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 497 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-20421-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. <https://urait.ru/bcode/581413>
6. Ефремова И. А. Ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация несовершеннолетних: сущность и соотношение понятий // Уголовно-исполнительное право. — 2023. — № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-sotsialnaya-adaptatsiya-i-sotsialnaya-reabilitatsiya-nesovershennoletnih-suschnost-i-sootnoshenie-ponyatiy?ysclid=mjbykvg6vt276811087>
7. Казанкова О. А. Принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетним // Эпомен. — 2021. — № 56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-mer-yospitatelnogo-haraktera-primenyayemye-k-nesovershennoletnim?ysclid=mjbxwneu3q211472238>
8. Наумов А. В. Н34 Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.) / [сост. е.Н. Карабанова, И. А. Стаценко; вступит. ст. О. С. Капинус]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2019. — 384 с. URL: 7 Сборник Избранные труды АВ Наумова.pdf
9. Никишин Д. Л. К вопросу о проблемах исполнения мер уголовно-правового характера // Вестник алтайской академии экономики и права. — 2021. — № 12. — С. 213–217. URL: <https://vaeel.ru/article/view?id=1986&ysclid=mjbpdd2tu541723778>
10. Суслов Ю. Е., Кряжева С. Г., Новиков А. В. Особенности педагогического воздействия посредством мероприятий культурно-воспитательного характера на делинктивных несовершеннолетних в закрытом социуме // Педагогический журнал. — 2021. — № 4. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2021-4/c18-suslov-kryazheva-novikov.pdf>

11. Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Психологические причины и условия отклоняющегося поведения подростков, находящихся в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей // Пенитенциарная наука. — 2020. — №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-prichiny-i-usloviya-otklonyayuschegosya-povedeniya-podrostkov-nahodyaschihsya-v-tsentrah-vremennogo-soderzhaniya?ysclid=mjbxwmywp169428578>
12. Чистохина В. А. Технологии социальной работы по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. — 2022. — № 9. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2022-9/d9-chistokhina.pdf>

Особенности административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность

Жанакуева Джамиля Хасановна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье исследуются вопросы административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность. Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью рассмотрения и изучения нормативной правовой базы, предусматривающей ответственность административного характера за противоправное деяние, имеющее целью посягательство на общественный порядок и общественную безопасность. В статье также рассмотрены особенности и основные черты административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность, административные правонарушения, административная ответственность.

Features of administrative liability for offenses that infringe upon public order and public safety

This article examines issues of administrative liability for offenses that infringe on public order and public safety. The relevance of the article's topic is due to the need to consider and study the regulatory legal framework that provides for administrative liability for an unlawful act aimed at encroaching on public order and public safety.

Keywords: public order, public safety, administrative offenses, administrative liability.

Административная ответственность в настоящее время является важным инструментом в механизме обеспечения режима законности, имеющий мощный профилактический эффект, не только предотвращая мелкие нарушения (административные правонарушения), но и снижая риск более серьезных преступлений, обеспечивая порядок и безопасность в обществе. Она применяется в различных сферах, направлена на защиту прав граждан, государственных органов и организаций, и играет важную роль в формировании правосознания.

Профессор А. В. Куракин определяет административную ответственность как меру государственного принуждения, применяемая за **административное правонарушение**, с целью предупреждения новых правонарушений [1, с. 209]. Реализация административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и безопасность — это **процесс привлечения к административным наказаниям** в рамках, установленных **Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях** [2], включая специ-

фические нормы, региональные законы, и осуществляется через **производство по делам об административных правонарушениях**.

Что же представляют собой категории «общественный порядок» и «общественная безопасность»? В чем их различие и сходство? Как представляется, **общественный порядок** — это упорядоченность общественных отношений (соблюдение норм права, морали, обычаев), а **общественная безопасность** — это защищённость от угроз жизненно важным интересам личности, общества, государства. Разница в том, что порядок — это состояние соблюдения правил (например, не шуметь в парке), а безопасность — состояние защиты от реальных угроз (например, от терроризма). Сходство в том, что они тесно переплетены, и **поддержание порядка является инструментом обеспечения безопасности, а безопасность — высшая цель порядка**.

З. М. Исакилаева рассматривает общественную безопасность в широком смысле как комплексное понятие, включающее не только привычные аспекты (общественный порядок, здоровье), но и современные угрозы,

такие как безопасность компьютерной информации, а также экологические и транспортные риски, подчеркивая многогранность угроз, влияющих на стабильность общества [3, с. 163].

Таким образом, общественный порядок как состояние упорядоченности, поддерживаемое социальными нормами, и подчеркивает тесную связь с **общественной безопасностью**: укрепление порядка напрямую ведет к повышению безопасности, поскольку нормы и правила поведения, соблюдение которых обеспечивает порядок, являются фундаментом для защищенной жизни общества, а их нарушение угрожает и порядку, и безопасности.

По этому поводу А. С. Бегзаян говорит, что «понятием «обеспечение общественного порядка» охватывается и обеспечение общественной безопасности» [4, с. 125]. Общественная безопасность, по его мнению, это широкое понятие, охватывающее **защиту всех людей от различных угроз**: противоправных действий, последствий использования источников опасности (машин, механизмов), стихийных бедствий (природных сил, катастроф, аварий) и т. п.

В настоящее время в мировом сообществе данные категории являются предметом охраны большого количества международно-правовых актов и сформировавшихся правилами поведения. Изучаемый вид нарушений посягает на все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства, включая сферу трудовых отношений, творческую и интеллектуальную, и иные сферы. К. Г. Прокофьев описывает рассматриваемые правонарушения как катализаторы социальных процессов, вызывая у людей **чувства незащищенности, нестабильности и неопределенности**, что в итоге приводит к **нарастанию недовольства и протестных настроений в обществе** [5, с. 148].

Как и ранее было сказано, совершение административного правонарушения является основанием для привлечения к административной ответственности. Административная ответственность за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, представляет собой применение в установленном законом порядке уполномоченными органами установленных административно-правовыми нормами главы 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях санкций, которая выражается в применении административного наказания, такого как штраф, предупреждение, лишение прав, арест.

Глава 20 КоАП РФ содержит более 35 статей, регулирующие **административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность**, охватывая широкий спектр деяний, таких как мелкое хулиганство, нарушение порядка проведения митингов, пропаганда экстремизма, нарушение требований

пожарной безопасности, а также нетрезвое состояние в общественных местах и незаконное потребление наркотиков.

Распитие алкогольной продукции, хулиганство являются самыми характерными и распространенными правонарушениями в сфере общественной безопасности. По этому поводу Н. В. Малахова пишет, «такие правонарушения, как мелкое хулиганство, распитие алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление наркотических средств или психотропных веществ в общественных местах, стали, несомненно, бичом нашего времени. Эти и иные правонарушения нарушают общественный порядок и посягают на безопасность граждан» [6, с. 1].

Специфика административных правонарушений в сфере общественного порядка и безопасности кроется в их **объекте** (общественный порядок и безопасность), **субъекте** (физлица, должностные лица, а иногда и юридические лица), **объективной стороне** (действия: хулиганство, пьянство, бездействие). Субъективная сторона данных правонарушений выражается в умышленной форме вины либо в форме неосторожности. Причем, большинство из них могут быть совершены именно с прямым умыслом.

Касаемо субъективной стороны мелкого хулиганства, М. В. Костенников и А. В. Куракин пишут, что оно совершается «исходя из хулиганских и (или) корыстных побуждений» [7, с. 48]. По мнению Н. Г. Канунниковой, чтобы нецензурная брань стала основанием для квалификации деяния как мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ), она должна быть сопряжена с **явным неуважением к обществу**, выражаясь в **оскорбительном приставании к гражданам или уничтожении/повреждении имущества**, а также нарушать **общественный порядок** и иметь **публичный характер**, то есть происходить в общественном месте [8, с. 34].

Таким образом, **общественный порядок и общественная безопасность являются основными объектами административно-правовой охраны**, поскольку административное право через Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ) и другие нормы призвано защищать нормальное функционирование общества, права граждан, их здоровье, собственность и установившиеся правила взаимного поведения от посягательств, регулируя отношения в общественных местах и обеспечивая порядок. Административная ответственность за правонарушения в сфере общественного порядка и безопасности обладает одновременно признаками, характерными как для административной ответственности в целом, так и специфическими, присущими только ей. В связи с этим данные правонарушения являются специфическим проявлением посягательств правонарушителей на общественный порядок и общественную безопасность.

Литература:

1. Куракин А. В. К вопросу о понятии и значении административной ответственности в российском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 208–209.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
3. Исакилаева З. М. Общественный порядок и общественная безопасность как объекты правовой охраны. правовые основы административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность // Современные технологии в мировом научном пространстве: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 163–166.
4. Беззаян А. С. Административно-правовой режим обеспечения общественного порядка // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: сб. ст. IV всерос. науч.-практ. конф. 2015. С. 123–131.
5. Прокофьев К. Г. К вопросу об основаниях административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность // Социально-политические науки. 2019. Т. 9. № 5. С. 148–151.
6. Малахова Н. В. Общая характеристика административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, ответственность за их совершение // Правовая идея. 2013. № 7. С. 1–2.
7. Костенников М. В., Куракин А. В. Мелкое хулиганство как административное правонарушение, посягающее на общественный порядок, и проблемы его оценки в деятельности полиции // Российская юстиция. 2017. № 6. С. 48–50.
8. Канунникова Н. Г. К вопросу о правовых характеристиках объективной стороны мелкого хулиганства // Административное право и процесс. 2017. № 5. С. 34–36.

Основания административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность

Жанакуева Джамия Хасановна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассмотрены вопросы оснований административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность. Общественный порядок и общественная безопасность нередко становятся объектом целенаправленного негативного воздействия административного характера, т. е. объектом административных правонарушений. В современном мировом сообществе эти категории являются предметом охраны большого количества международно-правовых актов, и сформировавшимися правилами поведения.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность, административные правонарушения, административная ответственность.

Grounds for administrative liability for offenses that infringe upon public order and public safety

This article examines the grounds for administrative liability for offenses that infringe upon public order and public safety. Public order and public safety often become the object of targeted negative administrative influence, i.e. the object of administrative offenses. In the modern global community, these categories are the subject of protection of a large number of international legal acts and established rules of conduct.

Keywords: public order, public safety, administrative offenses, administrative responsibility.

В настоящее время основания административной ответственности в России регулируются **Кодексом РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) № 195-ФЗ от 30.12.2001** [1], который является основным кодифицированным актом, пришедшим на смену Кодексу РСФСР 1984 года, устанавливая общие правила, виды правонарушений, порядок производства, процедуры их рассмотрения, а также виды ответственности

для физических лиц (включая должностных) и юридических лиц, с обязательным учетом вины. Данный документ является одним из основных источников в административном праве РФ, который содержит в себе законодательные нормы, регулирующие ответственность за совершенные противоправные деяния в области посягательства на общественный порядок и безопасность.

Кроме Кодекса РФ об административных правонарушениях ответственность за нарушения общественного порядка и безопасности устанавливается и другими законами, такими как Федеральный закон № 114 от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» [2], Федеральный закон № 69 от 21 декабря 1994 г. «О пожарной безопасности» [3]. По российскому законодательству участники противоправных действий в соответствии с положениями вышеперечисленных законодательных актов могут быть привлечены к разным видам ответственности — **административной, уголовной и гражданско-правовой**, в зависимости от тяжести и характера правонарушения.

КоАП РФ содержит перечень оснований и составов правонарушений, посягающих на общественный порядок и безопасность, но для привлечения к ответственности требуется квалификация деяния — установление всех элементов состава (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) и соответствие конкретной статье, а не просто наличие противоправного действия. Это процедура, где важны доказательства и соблюдение порядка (протокол), и только невменяемость, т. е. неспособность осознавать свои действия и руководить ими из-за психического расстройства является основанием для исключения юридической ответственности или применения принудительных мер медицинского характера, а не наказания.

Состав административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и безопасность, включает объективные (объект, объективная сторона — действия/бездействие) и субъективные (субъект, субъективная сторона — вина, мотив) признаки, которые определяют деяние как наказуемое и служат основанием для привлечения к административной ответственности, как это предусмотрено, например, главой 20 КоАП РФ.

КоАП РФ делит признаки состава правонарушения на общие (в Общей части, ст. 2.1, 2.2 — противоправность, виновность, субъект, субъективная сторона) и особенные (в Особенной части — конкретные объект и объективная сторона, например, нарушение тишины или правил дорожного движения). Общая часть формирует фундамент, определяя категории правонарушителей, виды вины (умысел/неосторожность) и наказаний, а Особенная часть детализирует, какие именно действия или бездействия влекут за собой эти наказания, обеспечивая защиту общественного порядка и безопасности.

Состав административного правонарушения — это совокупность законодательно установленных признаков (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), без которых деяние не может быть признано правонарушением в сфере общественного порядка и общественной безопасности, и только при наличии всех этих элементов возможно привлечение к административной ответственности. Наличие всех этих признаков является единственным основанием для квалификации деяния как правонарушения и применения наказания.

Объект правонарушений в сфере общественной безопасности — это общественные отношения, связанные с обеспечением общественного порядка и спокойствия граждан, а также их прав, свобод и нравственности. Рассматриваемый объект регулируется нормами права и охраняется мерами административной ответственности в сфере общественного порядка и общественной безопасности.

Объективная сторона отражает поведение нарушителя. Здесь необходимо отметить следующие признаки состава:

- незаконное действие (бездействие);
- наступление вредных последствий;
- причинно-следственная связь между ними.

Особенностью объективной стороны рассматриваемой категории правонарушений является то, что такие негативные последствия должны наступить в результате противоправного поведения в сфере общественной безопасности. Причинно-следственная связь устанавливается путем установления факта возникновения вредных последствий как результата таких действий.

Административное правонарушение в сфере общественного порядка, где важен сам факт совершения деяния без учета тяжести последствий, имеет **формальный состав**, то есть ответственность наступает за действие (бездействие), а не за наступивший вред, как в материальных составах, что характерно для многих статей главы 20 КоАП РФ (мелкое хулиганство, нарушение порядка митингов и т. п.).

Таким образом, административное правонарушение с **формальным составом** в сфере общественного порядка характеризуется тем, что для его квалификации важен сам факт совершения запрещенного действия, а не наступление каких-либо **существенных вредных последствий**; это действия, которые посягают на общественные отношения, вызывая нестабильность, и само их совершение уже является достаточным для привлечения к ответственности, даже если не возникло крупного ущерба.

Помимо **формальных**, где важен сам факт деяния, в праве выделяют **материальные составы**, где ключевым является наступление реального вреда или общественно опасных последствий (например, причинение ущерба). Например, состав ст. 20.4 КоАП РФ (ч.1 и ч.2.) устанавливает формальный состав — нарушение правил пожарной безопасности, не повлекшие вредные последствия, а часть 3 устанавливает материальный состав, так как предусматривает меры ответственности за нарушения, повлекшие пожар (материальные последствия).

Законодатель, устанавливая **объективную сторону** административных правонарушений против общественного порядка и общественной безопасности, часто делает квалификацию и тяжесть деяния зависимой от **конкретных обстоятельств**: времени, места, метода, характера действия, повторяемости, злонамеренности, систематичности.

Субъектами административного правонарушения являются физические и юридические лица, причем для физлиц ключевым признаком является достижение 16

лет, что позволяет привлекать их к ответственности. Иногда в отдельных статьях КоАП РФ выделяется конкретный субъект нарушения административного права, иными словами определяется специальный субъект. Примером может послужить тот факт, что лицами, к которым может быть применена административная ответственность могут стать организаторы и участники мероприятия исходя из положений ст. 20.2 КоАП РФ.

Субъективной стороной правонарушения в сфере общественного правопорядка (как и в других правонарушениях) будет являться отношение субъекта к незаконному действию, а также к его последствиям. Вторым обязательным элементом субъективной стороны будет являться вина субъекта. **Вина является вторым обязательным элементом субъективной стороны административного правонарушения.** Именно вина (умысел или неосторож-

ность) определяет, является ли деяние правонарушением и какое наказание назначается. Хотя, в КоАП РФ относительно рассматриваемой категории правонарушений, посягающих на общественный порядок зачастую не указана форма вины. Следовательно, ответственность наступает независимо от ее формы. Особенностью является то, что даже при отсутствии прямого указания на форму вины в законе она ясна из характера дела.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что состав административного правонарушения формирует правовую базу для ответственности, обеспечивая законность, а судебная практика разъясняет сложные моменты и проблемы применения этих норм, особенно в важных сферах, таких как общественный порядок и безопасность, что необходимо для правильного применения закона и защиты прав граждан.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
2. Федеральный закон № 114 от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
3. Федеральный закон № 69 от 21 декабря 1994 г. «О пожарной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 35. Ст. 3649.

Право застройки: перспективы введения в российское гражданское законодательство

Засецкий Максим Павлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Кондратовская Светлана Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье автор исследует содержание права застройки согласно Концепции развития гражданского законодательства РФ, выделяя правовые проблемы при его формулировании. Также автором в статье дается сравнительно-правовой анализ двух конструкций: право застройки и строительной аренды в целях определения преимуществ и недостатков, и впоследствии итогового вывода о действительной необходимости введения права застройки в гражданское законодательство РФ.

Ключевые слова: вещное право, ограниченные вещные права на земельные участки, право застройки.

Право застройки (или суперфиций) является одним из традиционных видов ограниченных вещных прав на земельные участки, появившихся еще в Древнем Риме. В современном Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ) как такого полноценного права застройки не закреплено. В тоже время пунктом 1 статьи 263 ГК РФ установлена схожая с данным правом юридическая конструкция: собственник земельного участка может возводить на нем здания и сооружения, осуществлять их перестройку или снос, разрешать строительство на своем участке другим лицам [1]. Наделение собственника земельного участка правомочием на предоставление возможности третьему

лицу-не собственнику осуществлять возведение тех или иных зданий и сооружений на своем участке в определенной степени напоминает содержание право застройки, однако полноценно таковым не является, поскольку по смыслу гражданского законодательства подобная ситуация является основанием для заключения договора аренды под строительство чужого земельного участка.

Введение права застройки как самостоятельного ограниченного вещного права в ГК РФ было предложено Концепцией развития гражданского законодательства РФ (далее — Концепция). В соответствии с пунктом 6.3 Концепции право застройки предназначено для случаев, когда

земельный участок используется для строительства на нем различного рода объектов с их последующей эксплуатацией. Содержание права застройки — владение и пользование земельным участком, а также находящимися (возведенными) на земельном участке зданиями и сооружениями [2]. Также данным пунктом Концепции установлены особенности реализации права застройки:

- 1) оно является срочным (от 50 до 199 лет);
- 2) отчуждаемым (переходит в порядке сингулярного или универсального правопреемства) и
- 3) платным — плата устанавливается соглашением сторон, минимальный размер платы может устанавливаться законом.

В тоже время исходя из содержания положений Концепции остается открытым вопрос о том, какую же правовую модель (немецкую или французскую) в отношении права застройки брали за основу авторы реформы, поскольку в пункте 6.3 Концепции содержится неоднозначная формулировка в части определения собственника возведенных на земельном участке сооружений: указано, что по общему правилу им является собственник земельного участка (что свидетельствует о немецкой модели), а соответственно, могут быть исключения из данного правила (что уже говорит нам о французской модели, где отсутствует строгое соблюдение принципа *superficies solo cedit*). Исследователь К. Е. Путря в своей статье пришел к выводу, что в Концепции произошло смешение двух моделей и появилось право застройки, сформулированное одновременно и по французскому и по немецкому образцу, что в свою очередь создает правовую неопределенность в силу взаимоисключающих положений двух правовых моделей [4]. Мы полагаем, что законодателю для исключения данной неопределенности необходимо избрать какую-то одну из правовых моделей (необходимо отметить, что каждая из моделей по своему содержанию является правильной и вполне работоспособной применительно к российскому гражданскому праву) и не пытаться создать компромисс между ними, поскольку это способно усугубить понимание сущности права застройки.

Рассмотрев содержание права застройки, необходимо определить с какой целью законодатель решил реципировать указанную правовую конструкцию в современный ГК РФ. Как уже ранее было указано, для реализации строительства на чужом земельном участке в настоящее время застройщиками используется договор строительной аренды, то есть одна из конструкций обязательственного права. В тоже время как многие исследователи, так и юристы-практики отмечают, что подобная договорная конструкция имеет ряд недостатков как для застройщика, так и для собственника земельного участка, где производится строительство.

Например, исследователи А. А. Терениченко и В. Н. Галкин в своей работе указывают на необходимость двойного заключения договора аренды между застройщиком и собственником для строительства сооружений

на чужом земельном участке, поскольку регистрация прав на землю осуществляется как при строительстве, так и для эксплуатации объекта, что является неудобным для сторон и создает в какой-то степени «бумажную волокиту» [5, с. 69–70]. Помимо этого, исследователи отмечают, что договор строительной аренды не способствует эффективному с точки зрения осуществления предпринимательской деятельности использованию такого материального актива как земля, так как арендная конструкция не может обеспечить возможность для собственника земельного участка постоянного получения прибыли.

Другой исследователь С. В. Мышьяков в своей работе отмечает низкую залогопригодность аренды, которая обусловлена зачастую краткосрочным характером договора аренды, а также необходимостью согласовывать залог права аренды с арендодателем [3, с. 43]. В данном случае договорная конструкция в виде аренды не является привлекательной для банковских организаций в целях предоставления кредитных денежных средств застройщику под строительство зданий и сооружений. Для застройщиков, в свою очередь, подобная ситуация является весьма негативной, поскольку невозможно найти какие-либо иные источники финансирования, кроме заемных.

Еще одной важной проблемой (правовым пробелом) является соотношение положений статьи 622 ГК РФ и статьи 36 ЖК РФ в части прекращения договора аренды и последующего возврата арендодателю имущества в том же виде с учетом естественного износа. В ситуации строительства многоквартирного жилого дома на земельном участке, предоставленном застройщику по договору строительной аренды, возврат вещи арендодателю в первоначальном виде не просто не возможен, а по сути, он утрачивает право собственности на арендуемый земельный участок, поскольку после регистрации права собственности на первое помещение в многоквартирном жилом доме земельный участок переходит в общую долевую собственность собственников помещений в данном здании. Применение подобной правовой позиции к частному собственнику земельного участка может вызвать вопросы.

На наш взгляд, еще одним недостатком договора строительной аренды является отсутствие установленных законом или договором минимальных сроков такой аренды, поскольку подобная ситуация ставит застройщика в слабое положение по сравнению с собственником земельного участка.

По нашему мнению, введение права застройки способно устранить вышеобозначенные проблемы следующим образом. В первую очередь в силу вещной правовой природы право застройки будет способствовать соблюдению прав и интересов застройщиков, так как они будут обладать не обязательственным, а вещным правом на владение и пользование застраиваемым ими земельным участком, и соответственно, смогут защищаться вещными исками от всех третьих лиц, в том числе и от собственника участка, что значительно усиливает их гарантии при

строительстве. Также установление такой особенности как срочность позволит не только устранить неопределенность в правоотношениях между собственником участка и застройщиком, но и развивать жилищный фонд в части его постоянной преемственности и обновления. Благодаря опять же вещной природе права застройки его возможно передать в качестве залога в кредитную организацию, что будет способствовать финансированию тех или иных строительных проектов застройщиков. Как отмечает в своей статье юрист Елена Леонтьева, модель права застройки может стать новой эффективной формой государственно-частного партнерства, закрепляющей в им-

перативных нормах вещного права механизм снижения себестоимости жилья и защиты прав застройщиков при строительстве объектов недвижимости [6].

Таким образом, введение в ГК РФ полноценного права застройки устранит недостатки современной конструкции договора строительной аренды, обеспечит защиту интересов застройщиков и повысит эффективность использования земельных участков. При этом законодателю необходимо выбирать однозначную правовую модель (немецкую или французскую), чтобы избежать путаницы и гарантировать стабильность гражданских правоотношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
3. Мышьяков С. В. Право застройки — особенности гражданско-правового института: есть ли будущее у суперфиция в российском гражданском праве // Юрист. 2022. № 6. С. 42–47.
4. Путря Константин Евгеньевич. Право застройки а ля рус // URL: https://zakon.ru/blog/2020/01/07/pravo_zastrojki_a_lya_rus (дата обращения: 22.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
5. Терениченко А. А., Галкин В. Н. Право застройки: проблемы реализации и перспективы введения // Современный юрист. 2022. № 2. С. 62–75.
6. Зачем российским застройщикам право застройки? SWOT- анализ правового института // URL: https://zakon.ru/blog/2020/07/03/zachem_rossijskim_zastrojschikam_pravo_zastrojki_swot_analiz_pravovogo_instituta (дата обращения: 22.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

Соглашение об установлении сервитута: проблемы правового регулирования

Засецкий Максим Павлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Кондратовская Светлана Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье автор исследует содержание такого ограниченного вещного права на земельный участок как сервитут согласно Гражданскому кодексу РФ. Автором рассматриваются цели установления сервитута, виды сервитутов (частный и публичный), процедура заключения соглашения и возникающие правовые проблемы. Особое внимание уделено необходимости введения отдельного правового регулирования договора об установлении сервитута, и вопросам правильной идентификации объекта соглашения в целях соблюдения принципов равенства прав, законных интересов и достоверности.

Ключевые слова: *вещное право, сервитут, соглашение об установлении сервитута.*

Право ограниченного пользования чужим земельным участком (или сервитут) является одним из легально установленных гражданским законодательством видов ограниченных вещных прав на земельный участок. Пунктом 1 статьи 274 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) закреплено содержание сервитута, а также перечислены цели его установления: в данном случае соб-

ственник недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости) вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка (соседнего участка) предоставления права ограниченного пользования соседним участком (сервитута) [1]. При этом сервитут может устанавливаться для обеспечения прохода

и проезда через соседний земельный участок, строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, не препятствующих использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, а также других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута. По смыслу положений статьи 274 ГК РФ перечень случаев установления сервитута является открытым. В тоже время указание на целевой характер сервитута является важным, поскольку объем правомочий собственника земельного участка и сервитуария различен и у последнего они ограничены определенной целью использования чужого земельного участка.

Статья 23 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) дифференцирует сервитут на два вида: публичный и частный. В связи с тем, что предметом настоящего исследования является соглашение об установлении сервитута, то мы далее будем рассматривать особенности и проблемы установления частного сервитута. Так, согласно пункту 3 статьи 274 ГК РФ сервитут устанавливается по соглашению между лицом, требующим установления сервитута, и собственником соседнего участка и подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество [1]. В случае недостижения соглашения об установлении или условиях сервитута спор разрешается судом по иску лица, требующего установления сервитута. По смыслу положений ГК РФ данное соглашение по сути является непоименованным договором между сервитуарием и сервитуодателем, которое порождает для сторон такого соглашения определенные права и обязанности в отношении земельного участка.

Помимо этого, исследователь Л. В. Щенникова в своей работе утверждает, что в ГК РФ необходимо закрепить отдельную статью, посвященную регулированию договора об установлении сервитута, определив его предмет — это обязанность сервитуодателя предоставить возможность ограниченного использования земельного участка или другой недвижимости, принадлежащей ему на вещном праве в определенном объеме правомочий, субъекту вещного права на соседний земельный участок (сервитуарию) или воздержаться от действий определенного рода в интересах последнего безвозмездно или за плату, а также нотариально удостоверенную форму такого договора [5, с. 167]. Мы согласны с мнением исследователя, поскольку легальное определение данного вида договора позволит устранить правовую неопределенность, четко регламентировать стороны, порядок его заключения и исполнения, а нотариальное удостоверение позволит обеспечить гарантии защит вещных прав и законных интересов как собственника земельного участка, так и сервитуария.

Как указывает исследователь И. А. Елисеева, соглашение об установлении сервитута оформляется письменно и подписывается владельцем земельного участка и заинтересованной стороной (сервитуарием). Данное соглашение должно включать следующую информацию:

1) стороны соглашения;

2) описание земельного участка, на который устанавливается сервитут;

3) цели и основания установления сервитута;

4) точные границы сервитута, указанные в межевом плане (характерные точки и координаты);

5) размер платы за использование участка и порядок её внесения [4, с. 75].

Продолжая анализировать предмет соглашения об установлении сервитута, стоит отметить, что на практике возникает вопрос о правильном определении объекта такого соглашения. По смыслу Законодательства о государственной регистрации недвижимости сервитут может быть установлен как на весь земельный участок, так и на его часть. При этом для возможности регистрации такого сервитута необходимо, чтобы испрашиваемый земельный участок был поставлен на кадастровый учет. В одно время в судебной практике существовал вопрос о том, нужно ли осуществлять кадастровый учет части земельного участка, являющейся предметом соглашения об установлении сервитута, в целях последующей государственной регистрации такого сервитута. В дальнейшем в пункте 11 Обзора судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) было закреплено положение о том, что отсутствие в Едином государственном реестре недвижимости (до 1 января 2017 г. — в государственном кадастре недвижимости) сведений о части земельного участка, обременяемого сервитутом, не препятствует государственной регистрации сервитута, кроме случаев, установленных законом [2]. В данном случае достаточно отражения границ действия сервитута в документах, подготовленных сервитуарием и сервитуодателем (в тоже время сервитут будет зарегистрирован в отношении всего земельного участка).

Исследователь И. И. Гордиенко в своей работе указывала на негативные последствия такой практики высших судов, поскольку отсутствие проведения кадастровых работ в отношении испрашиваемой части земельного участка, в отношении которой устанавливается сервитут, может приводить к недобросовестным действиям сервитуария, которые выражаются, в том числе в необоснованном увеличении площади действия сервитута, что является недопустимым и нарушающим права сервитуодателя [3, с. 94]. Более того, на наш взгляд, установление сервитута в отношении всего земельного участка, без идентифицирования его конкретной части приводит к нарушению принципа публичной достоверности реестра, поскольку сведения о земельном участке не будут соответствовать действительности.

Таким образом, мы поддерживаем введение отдельной статьи в ГК РФ, определяющей договор об установлении сервитута, включая его предмет, процедуру заключения и исполнения. В тоже время практическое применение норм о сервитуте вызывает вопросы относительно правильного определения объекта соглашения, особенно касающегося кадастрового учета частей земельных участков. Судебная практика подтверждает возможность реги-

страции сервитута даже при отсутствии сведений о части участка в реестре, однако такая практика имеет риски злоупотреблений и нарушения прав собственников. Необходи-

мо совершенствование правового регулирования для устранения правовой неопределенности и защиты интересов всех участников правоотношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
2. Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
3. Гордиенко И. И. Правовые проблемы, возникающие при установлении сервитута на земельный участок // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 4(21). С. 93–98.
4. Елисеева И. А. Соглашение об установлении сервитута: проблемы законодательства и судебной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 1. С. 74–77.
5. Щенникова Л. В. Сервитуты: история и современная судебная практика // Вестник Пермского университета. 2009. № 1(3). С. 160–169.

Проблемы квалификации налоговых правонарушений в сфере предпринимательской деятельности

Иващенко Даниил Сергеевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследуются актуальные проблемы правовой квалификации налоговых правонарушений в сфере бизнеса, анализируется состав налоговых правонарушений и особенности их выявления налоговыми органами. Рассматриваются вопросы применения санкций за налоговые правонарушения в предпринимательской деятельности, изучается судебная практика по делам о необоснованной налоговой выгоде. Особое внимание уделяется проблемам защиты прав налогоплательщиков и совершенствованию механизмов противодействия налоговым правонарушениям.

Ключевые слова: налоговые правонарушения, предпринимательская деятельность, состав налогового правонарушения, налоговые санкции, необоснованная налоговая выгода, защита прав налогоплательщиков, статья 106 НК РФ, налоговый контроль.

Налоговые правонарушения в сфере предпринимательской деятельности представляют собой одну из наиболее актуальных проблем современного налогового права Российской Федерации. Согласно статье 106 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое НК РФ установлена ответственность [1]. Данное определение носит формальный характер и содержит лишь юридические признаки нарушения, что порождает значительные сложности в правоприменительной практике.

Структура налоговых правонарушений в предпринимательской сфере характеризуется значительным многообразием. Состав налогового правонарушения включает в себя четыре обязательных элемента: субъект (статья 107 НК РФ), объект, субъективную сторону (статьи 110 и 111

НК РФ) и объективную сторону (статья 108 НК РФ) [2, с. 35]. Отсутствие хотя бы одного из указанных элементов исключает возможность привлечения лица к налоговой ответственности, что подтверждается устойчивой судебной практикой [3]. Представляется, что именно квалифицированное установление всех элементов состава правонарушения является залогом обеспечения баланса публичных и частных интересов в налоговых правоотношениях.

Субъектами налоговых правонарушений в сфере бизнеса выступают налогоплательщики — организации и индивидуальные предприниматели, плательщики страховых взносов, налоговые агенты, а также иные лица, на которых НК РФ возложены определенные обязанности [1]. Особенностью правового статуса субъектов налоговых правонарушений в предпринимательской деятельности является то, что к ответственности могут привлекаться как юридические лица в целом, так и их должностные лица по

нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (статьи 15.3–15.11 КоАП РФ) [4]. Подобная множественность субъектов ответственности создает сложности в процессе правоприменения и требует четкого разграничения оснований и процедур привлечения к различным видам ответственности.

Наиболее распространенными видами налоговых правонарушений в предпринимательской деятельности являются: нарушение порядка постановки на учет в налоговом органе (статья 116 НК РФ); непредставление налоговой декларации (статья 119 НК РФ); неуплата или неполная уплата налога в результате занижения налоговой базы, иного неправильного исчисления или несвоевременной уплаты налога (статья 122 НК РФ); невыполнение налоговым агентом обязанности по удержанию и перечислению налогов (статья 123 НК РФ); непредставление налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля (статья 126 НК РФ) [5]. Каждое из указанных правонарушений обладает специфическими признаками и влечет применение соответствующих санкций.

Система налоговых санкций в Российской Федерации построена на принципе денежных взысканий (штрафов). В соответствии со статьей 114 НК РФ налоговая санкция является мерой ответственности за совершение налогового правонарушения и устанавливается в виде денежных взысканий в размерах, предусмотренных главами 16 и 18 НК РФ [1]. Размеры штрафов варьируются в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного правонарушения. Так, за неуплату или неполную уплату налога по статье 122 НК РФ предусмотрен штраф в размере 20 процентов от неуплаченной суммы налога, а при умышленном характере правонарушения — 40 процентов [5].

Принципы применения налоговых санкций в предпринимательской деятельности закреплены в статьях 112 и 114 НК РФ. К числу таких принципов относятся: индивидуализация ответственности; учет смягчающих и отягчающих обстоятельств; обязательность снижения размера штрафа при наличии смягчающих обстоятельств; презумпция невиновности налогоплательщика [6, с. 50]. При наличии хотя бы одного смягчающего ответственность обстоятельства размер штрафа подлежит уменьшению не менее чем в два раза по сравнению с размером, установленным соответствующей статьей НК РФ [1]. Данное правило направлено на обеспечение справедливости и соразмерности применяемых санкций характеру совершенного правонарушения.

Смягчающими обстоятельствами при применении налоговых санкций могут быть признаны: совершение правонарушения вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств; совершение правонарушения под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости; тяжелое материальное положение физического лица; иные обстоятельства, которые судом или налоговым органом могут

быть признаны смягчающими ответственность [1]. Обстоятельством, отягчающим ответственность, признается совершение налогового правонарушения лицом, ранее привлекавшимся к ответственности за аналогичное правонарушение [7, с. 62].

Особую актуальность в современной правоприменительной практике приобрела проблема необоснованной налоговой выгоды. Несмотря на то, что само понятие «налоговая выгода» отсутствует в Налоговом кодексе Российской Федерации, оно прочно вошло в правоприменительную практику через Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 года № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» [8]. С 2017 года основным инструментом противодействия получению необоснованной налоговой выгоды выступает статья 54.1 НК РФ «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов» [9, с. 244].

Согласно пункту 1 статьи 54.1 НК РФ, не допускается уменьшение налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни, об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и (или) бухгалтерском учете либо налоговой отчетности налогоплательщика [1]. Пункт 2 той же статьи устанавливает, что при отсутствии обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 статьи 54.1 НК РФ, по имевшим место сделкам (операциям) налогоплательщик вправе уменьшить налоговую базу и (или) сумму подлежащего уплате налога при соблюдении одновременно двух условий: основной целью совершения сделки не является неуплата налога; обязательство по сделке исполнено лицом, являющимся стороной договора, или лицом, которому обязательство по исполнению сделки передано по договору или закону [10, с. 25].

В судебной практике по вопросам необоснованной налоговой выгоды налоговые органы и суды оценивают следующие признаки: реальность совершенных сделок; реальность ценообразования; добросовестность и проявление должной осмотрительности налогоплательщиком при выборе контрагентов; отсутствие признаков незаконного дробления бизнеса [11]. Анализ судебной практики первого квартала 2024 года демонстрирует устойчивую позицию судов о том, что налогоплательщик не обязан проверять всю цепочку контрагентов и нести ответственность за их действия [12]. Отсутствие налоговой реконструкции при выявлении схем ухода от налогообложения может привести к отмене решения налогового органа [13].

Характерным примером из судебной практики 2024 года является постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 марта 2024 года по делу № А71–8486/2022, в котором суд указал, что налогоплательщик не может нести ответственность за действия контрагентов при наличии доказательств реальности хозяйственных операций [12]. Суд отметил, что последовательное заклю-

чение договоров с различными компаниями и переход персонала между ними не являются сами по себе доказательствами получения необоснованной налоговой выгоды при условии фактического выполнения работ и наличия деловой цели сделок.

Проблемы выявления налоговых правонарушений налоговыми органами связаны с несовершенством процедур налогового контроля и сложностью доказывания умысла налогоплательщика на совершение правонарушения. Согласно статье 108 НК РФ никто не может быть привлечен к ответственности за совершение налогового правонарушения иначе как по основаниям и в порядке, которые предусмотрены НК РФ [1]. Бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы [14, с. 137].

Действующая в Российской Федерации презумпция добросовестности налогоплательщика означает, что предполагается добросовестность операций налогоплательщика, экономическая обоснованность его действий и достоверность сведений в бухгалтерском и налоговом учете [15]. Для опровержения этой презумпции налоговые органы должны представить убедительные доказательства недобросовестности налогоплательщика, которые могут быть получены в ходе камеральных и выездных налоговых проверок [16, с. 94].

Особую сложность для налоговых органов представляет выявление схем так называемого «дробления бизнеса», когда единый хозяйствующий субъект искусственно разделяется на несколько формально самостоятельных организаций или индивидуальных предпринимателей с целью применения специальных налоговых режимов и минимизации налоговой нагрузки [17, с. 19]. При этом судебная практика по делам о дроблении бизнеса противоречива: в одних случаях суды поддерживают позицию налоговых органов, в других — признают право налогоплательщика на свободу экономической деятельности и самостоятельный выбор организационных форм ведения бизнеса [11].

В 2024 году законодателем был предпринят важный шаг по урегулированию проблемы дробления бизнеса — введена так называемая «налоговая амнистия». Федеральным законом от 12 июля 2024 года № 176-ФЗ предусмотрено, что налогоплательщики, которые консолидируют бизнес и перейдут с 2025 года на общую систему налогообложения, будут освобождены от уплаты налогов, пеней и штрафов за период 2022–2024 годов, если налоговые органы по результатам проверок с 2025 года выявят признаки дробления бизнеса [18]. Данная мера направлена на стимулирование добровольной легализации предпринимательской деятельности и сокращение числа налоговых споров.

Проблемы защиты прав налогоплательщиков при привлечении к ответственности за налоговые правонарушения обусловлены как несовершенством законодательства, так и особенностями правоприменительной

практики. Согласно статье 21 НК РФ налогоплательщики имеют право использовать налоговые льготы при наличии оснований и в порядке, установленном законодательством о налогах и сборах; получать отсрочку, рассрочку или инвестиционный налоговый кредит; на временный зачет или возврат сумм излишне уплаченных либо излишне взысканных налогов, пени, штрафов; представлять свои интересы в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, лично либо через своего представителя [1].

Важнейшей гарантией защиты прав налогоплательщиков является право на обжалование актов налоговых органов, действий или бездействия их должностных лиц. В соответствии со статьей 137 НК РФ каждое лицо имеет право обжаловать акты налоговых органов ненормативного характера, действия или бездействие их должностных лиц, если, по мнению этого лица, такие акты, действия или бездействие нарушают его права [1]. Обжалование производится в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу) или в суд [19, с. 300].

Судебная практика свидетельствует о том, что суды нередко встают на защиту прав налогоплательщиков, указывая на необходимость строгого соблюдения налоговыми органами процедурных требований при проведении налоговых проверок и вынесении решений о привлечении к ответственности [20]. Вместе с тем сохраняется проблема неоднозначности толкования отдельных положений налогового законодательства, что создает правовую неопределенность и затрудняет планирование предпринимательской деятельности.

Совершенствование механизмов противодействия налоговым правонарушениям должно осуществляться по нескольким направлениям. Во-первых, необходимо дальнейшее уточнение составов налоговых правонарушений и критериев их квалификации в НК РФ для обеспечения единообразия правоприменительной практики. Во-вторых, требуется развитие процедур досудебного урегулирования налоговых споров, расширение практики применения налоговых компромиссов и мировых соглашений [21, с. 55]. В-третьих, следует усилить меры ответственности за наиболее общественно опасные налоговые правонарушения при одновременном расширении возможностей освобождения от ответственности при малозначительности правонарушения и добровольном устранении его последствий.

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать, что проблемы квалификации и противодействия налоговым правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности остаются одними из наиболее актуальных в современном налоговом праве Российской Федерации. Основными направлениями решения этих проблем должны стать: совершенствование законодательного регулирования составов налоговых правонарушений; унификация правоприменительной практики через развитие системы судебных прецедентов; укрепление про-

цессуальных гарантий прав налогоплательщиков при проведении налоговых проверок и привлечении к ответственности; развитие института налоговой амнистии как инструмента стимулирования добровольной легализации бизнеса; повышение эффективности механизмов досудебного урегулирования налоговых споров.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
2. Комментарий к статье 106 Налогового кодекса Российской Федерации // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.10.2025).
3. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 04.12.2012 № А64–3641/2012. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Виды налоговых правонарушений и ответственность за их совершение: глава 16 НК РФ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.10.2025).
6. Коваленко Н. С., Леонов Е. М. Принципы применения налоговых санкций в современном налоговом праве // Закон. 2021. № 4. С. 50–59.
7. Лютова О. И. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность за налоговые правонарушения // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 62–70.
8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.
9. Алексахина С. А., Горшкова А. А. Необоснованная налоговая выгода: современная практика применения статьи 54.1 НК РФ // Экономика, предпринимательство и право. 2024. № 12. С. 234–248.
10. Кобрин М. В. Статья 54.1 НК РФ: судебная практика применения // Контур.Фокус. 2022. URL: <https://focus.kontur.ru/site/news/37567> (дата обращения: 05.10.2025).
11. Хаминский А. В. 4 критерия определения необоснованной налоговой выгоды // ГАРАНТ.РУ. 2024. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/haminskiy/1722915/> (дата обращения: 05.10.2025).
12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.03.2024 по делу № А71–8486/2022. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Необоснованная налоговая выгода: яркие споры в пользу налогоплательщиков за I квартал 2024 года // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/25070/> (дата обращения: 05.10.2025).
14. Овчарова Е. В. Бремя доказывания в налоговых правоотношениях // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 2. С. 137–158.
15. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2021 № 303-ЭС21–2978 по делу № А51–12343/2019. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Кирова Е. А., Кожебаткина А. В. Модернизация налогового контроля в условиях цифровизации экономики // Вестник Государственного университета управления. 2020. № 9. С. 94–99.
17. Туманская В. А. Дробление бизнеса: налоговая оптимизация или необоснованная налоговая выгода // Colloquium-Journal. 2019. № 27. С. 19–20.
18. Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 29. Ст. 4085.
19. Кобрин М. В. Необоснованная налоговая выгода: что это такое и как избежать обвинений от ФНС // Контур.Фокус. 2022. URL: <https://focus.kontur.ru/site/news/25124> (дата обращения: 05.10.2025).
20. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.09.2024 № Ф05–7249/2024 по делу № А40–140943/2023. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Юрков Д. В., Подгорецкая Е. В. Противодействие незаконным методам налоговой оптимизации на примере интернет-блогеров // Фемида.Science. 2024. № 1. С. 88–94.

Особенности договора возмездного оказания услуг в российском гражданском праве

Ильчик Евгений Дмитриевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются правовая природа договора возмездного оказания услуг, его место в системе гражданско-правовых договоров, а также ключевые проблемы правового регулирования и правоприменительной практики. Особое внимание уделяется вопросам разграничения договора возмездного оказания услуг со смежными договорными конструкциями, проблемам одностороннего отказа от договора, ответственности сторон и влиянию цифровизации на содержание обязательств по оказанию услуг.

Ключевые слова: договор возмездного оказания услуг, услуги, обязательства, односторонний отказ, ответственность, гражданское право.

Введение

Договор возмездного оказания услуг является одной из наиболее востребованных договорных конструкций в современном гражданском обороте. Его широкое распространение обусловлено устойчивым ростом сектора услуг, развитием нематериальной экономики и усложнением форм взаимодействия между субъектами гражданского права [1]. В условиях цифровизации и глобализации хозяйственных связей услуги становятся доминирующим объектом гражданско-правового оборота, а договор возмездного оказания услуг — универсальным инструментом правового оформления соответствующих отношений.

Несмотря на закрепление договора возмездного оказания услуг в главе 39 Гражданского кодекса Российской Федерации, данный институт продолжает вызывать значительный научный и практический интерес. Это связано с рамочным характером законодательного регулирования, наличием пробелов и противоречий в правоприменительной практике, а также с необходимостью адаптации традиционных правовых конструкций к новым экономическим реалиям. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность комплексного исследования особенностей договора возмездного оказания услуг.

1. Понятие и правовая природа договора возмездного оказания услуг

В соответствии со статьей 779 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, то есть совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность, а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Таким образом, предметом данного договора является деятельность исполнителя, направленная на удовлетворение интересов заказчика.

Правовая природа договора возмездного оказания услуг характеризуется рядом особенностей. Во-первых, данный договор относится к числу консенсуальных, поскольку считается заключенным с момента достижения соглашения по всем существенным условиям. Во-вторых,

он является двусторонне обязывающим и возмездным, что предполагает наличие взаимных прав и обязанностей сторон. В-третьих, обязательство по оказанию услуг, как правило, носит длящийся характер, что отличает его от обязательств, направленных на разовое достижение результата.

Существенной особенностью договора возмездного оказания услуг является отсутствие материально овеществленного результата в классическом понимании. Результат оказания услуг выражается в полезном эффекте, который может носить нематериальный характер и быть тесно связан с процессом исполнения обязательства. Это обстоятельство предопределяет специфику оценки надлежащего исполнения и качества услуг, а также влияет на распределение рисков между сторонами договора.

2. Разграничение договора возмездного оказания услуг и смежных договорных конструкций

Одной из наиболее дискуссионных проблем в теории и практике гражданского права является разграничение договора возмездного оказания услуг и договора подряда. Традиционно основным критерием разграничения признается характер результата обязательства: в договоре подряда ключевое значение имеет достижение конкретного материального результата, тогда как в договоре возмездного оказания услуг — процесс осуществления деятельности. Однако в современных условиях данный критерий не всегда позволяет однозначно квалифицировать договорные отношения [2].

На практике многие услуги предполагают достижение определенного полезного эффекта, который может иметь материальное выражение либо быть опосредованным. В связи с этим в судебной практике нередко возникают ситуации, когда к отношениям по оказанию услуг по аналогии применяются нормы о подряде, что вызывает обоснованные дискуссии с точки зрения допустимости такого подхода.

Сложности разграничения возникают также при сопоставлении договора возмездного оказания услуг с агентским договором, договором поручения и иными

обязательствами, направленными на совершение юридически значимых действий. Отсутствие четких законодательных критериев усиливает значение доктринальных подходов и судебной практики, формирующих фактические ориентиры квалификации данных правоотношений.

3. Односторонний отказ от договора и ответственность сторон

Специфической особенностью договора возмездного оказания услуг является возможность одностороннего отказа от его исполнения, закрепленная в статье 782 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данное право обусловлено личным характером обязательства по оказанию услуг и направлено на обеспечение баланса интересов сторон.

Вместе с тем реализация права на односторонний отказ на практике сопровождается значительным количеством споров. Наибольшие трудности вызывает определение состава и размера фактически понесенных исполнителем расходов, подлежащих оплате заказчиком, а также установление убытков, подлежащих возмещению при отказе исполнителя от исполнения договора. Отсутствие единых подходов в судебной практике снижает предсказуемость правовых последствий для участников гражданского оборота.

Ответственность сторон по договору возмездного оказания услуг определяется общими положениями гражданского законодательства об ответственности за нарушение обязательств с учетом специфики услуг как объекта гражданских прав. Особое значение при этом приобретает оценка качества оказанных услуг, которая во многом носит субъективный характер и зависит от целей договора и разумных ожиданий заказчика.

Литература:

1. Суханов, Е. А. Гражданское право : учебник / Е. А. Суханов. — М., 2022.
2. Брагинский, М. И. Договорное право / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — М. : Статут, 2020. — 848 с.

Проблема коррупции и злоупотребления властью в правоохранительных органах и пути ее решения

Калягин Дмитрий Вадимович, студент

Научный руководитель: Паулов Павел Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»

В статье рассматривается актуальная проблема коррупции и злоупотребления властью в правоохранительных органах. Анализируются основные причины и формы проявления данных негативных явлений, их последствия для государства и общества. Предлагаются комплексные пути решения, включающие меры правового, организационного и социального характера.

Ключевые слова: коррупция, злоупотребление властью, правоохранительные органы, противодействие коррупции, общественный контроль, этика.

4. Влияние цифровизации на договор возмездного оказания услуг

Развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на содержание и формы реализации договора возмездного оказания услуг. Распространение онлайн-сервисов, электронных платформ и дистанционных форм взаимодействия сторон трансформирует традиционные представления о заключении и исполнении договорных обязательств.

В условиях цифровой экономики возникают новые вопросы, связанные с моментом заключения договора, подтверждением факта оказания услуг, использованием электронных доказательств, а также распределением рисков между сторонами. Действующее законодательство не содержит специальных норм, комплексно регулирующих данные аспекты, что усиливает значение судебной практики и научных исследований.

Заключение

Договор возмездного оказания услуг является сложным и многогранным институтом гражданского права, отражающим современные тенденции развития гражданского оборота. Наличие пробелов и противоречий в правовом регулировании, а также неоднородность судебной практики обуславливают необходимость дальнейших научных исследований в данной сфере.

Комплексный анализ особенностей договора возмездного оказания услуг позволяет сделать вывод о целесообразности уточнения отдельных положений гражданского законодательства и выработки единых подходов к квалификации и исполнению обязательств по оказанию услуг, что будет способствовать повышению стабильности и предсказуемости гражданско-правовых отношений.

The problem of corruption and abuse of power in law enforcement agencies and ways to solve it

The article examines the current problem of corruption and abuse of power in law enforcement agencies. The main causes and forms of these negative phenomena, as well as their consequences for the state and society, are analyzed. Comprehensive solutions are proposed, including legal, organizational and social measures.

Keywords: corruption, abuse of power, law enforcement agencies, anti-corruption, public control, ethics.

В современном правовом государстве правоохранительные органы являются ключевым институтом, обеспечивающим безопасность, защиту прав и свобод граждан. Однако именно их особый статус, монополия на применение силы и широкие властные полномочия создают потенциальные условия для коррупционных злоупотреблений. Коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача и получение взятки, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды [1]. Проблема коррупции и злоупотребления властью в органах внутренних дел, следственных комитетах и прокуратуре подрывает авторитет государственной власти, дискредитирует правосудие и представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности [3, с. 55].

Коррупция в правоохранительной системе имеет многообразные формы проявления: от мелких бытовых взяток до системного сращивания с организованной преступностью. Наиболее типичными проявлениями являются: незаконное прекращение уголовных дел, фальсификация доказательств, вымогательство, лоббирование интересов коммерческих структур, «крышевание» незаконного бизнеса. Эти действия не только нарушают принципы законности и справедливости, но и напрямую затрагивают конституционные права граждан, гарантированные статьей 46 Конституции РФ — право на судебную защиту и доступ к правосудию [2].

Причинами столь устойчивого существования коррупции являются как системные, так и личностные факторы. К первым относятся: низкий уровень материального обеспечения сотрудников, особенно низшего звена; высокий уровень закрытости и корпоративной солидарности, препятствующий разоблачению нарушений; сложность и запутанность процессуальных процедур, позволяющие чиновнику манипулировать процессом; недостаточная эффективность ведомственного и прокурорского надзора. Ко вторым — низкий морально-этический уровень отдельных сотрудников, правовой нигилизм и карьерные амбиции, достигаемые неправомерными методами [4, с. 46].

Для эффективного противодействия данным негативным явлениям необходим комплекс системных мер, направленных на устранение как причин, так и последствий.

1. Совершенствование правового и организационного механизма:

– ужесточение ответственности: Введение более строгих санкций за коррупционные преступления, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов, с учетом их особого статуса.

– прозрачность кадровой политики: внедрение комплексных проверок (включая полиграф и оценку имущественного положения) не только при приеме на службу, но и при назначении на вышестоящие должности. Создание эффективного института декларирования расходов.

– оптимизация процедур: максимальная цифровизация административных и процессуальных услуг (подача заявлений, получение справок), что минимизирует контакт гражданина и чиновника и снижает возможность вымогательства.

2. Формирование антикоррупционной культуры и этики:

– реформирование системы обучения: внедрение в программы профессиональной подготовки и повышения квалификации обязательных курсов по антикоррупционному праву, служебной этике и психологическому противодействию коррупционным рискам. Использование кейс-методов и тренингов на основе реальных ситуаций.

– поощрение добросовестности: создание системы материальных и нематериальных стимулов для сотрудников, обладающих безупречной репутацией и проявляющих высокую профессиональную стойкость.

3. Развитие общественного и внешнего контроля:

– общественные советы: наделение существующих при правоохранительных ведомствах общественных советов реальными полномочиями по проведению независимых проверок и запросу информации.

– СМИ и гражданское общество: создание защищенных и удобных каналов для обращения граждан (в том числе анонимных) с сообщениями о фактах коррупции. Развитие практики общественного мониторинга с помощью современных технологий [5, с. 64].

Таким образом, проблема коррупции в правоохранительных органах является комплексной и требует не разовых кампаний, а последовательной и долгосрочной государственной политики. Борьба с ней должна вестись одновременно по трем направлениям: ужесточение ответственности и контроля, повышение материального и со-

циального статуса сотрудника и формирование в ведомстве нетерпимости к любым формам злоупотребления властью. Только такой подход позволит восстановить

и укрепить доверие общества к правоохранительной системе, что является фундаментальным условием ее эффективного функционирования в правовом государстве.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 25.09.2023) «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конституция Российской Федерации (ред. от 04.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Астанин В. В. Актуальные проблемы противодействия коррупции в России: криминологические и уголовно-правовые аспекты // Lex russica. 2019. № 5. — С. 54–65.
4. Капинус О. С., Дюкова А. С. Коррупция в правоохранительных органах: причины и меры противодействия // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. — С. 45–48.
5. Саулин А. В. Общественный контроль как инструмент противодействия коррупции в органах внутренних дел // Российский следователь. 2021. № 8. — С. 62–66.

Роль адаптационных механизмов в профессиональном становлении государственных гражданских служащих

Карсакова Полина Андреевна, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В данной работе рассматривается проблема адаптации государственных гражданских служащих как значимый фактор повышения эффективности функционирования системы государственного управления. В статье отмечено, что актуальность исследования обусловлена тем, что недостаточно результативное прохождение адаптационного периода может приводить к росту психоэмоционального напряжения, снижению производительности труда, нарушению внутриколлективных отношений и увеличению текучести кадров. Подчеркивается специфика адаптации на государственной службе, обусловленная высокой степенью нормативной регламентации служебной деятельности, иерархичностью управленческих отношений, повышенным уровнем ответственности и динамичностью круга должностных задач. В работе раскрывается понятие адаптации государственного служащего, анализируются ее цель, функции, основные виды и стадии, а также ее значимости. Особое внимание уделяется характеристике профессиональной, организационно-административной и социально-психологической адаптации; помимо этого, были раскрыты последовательные этапы вхождения сотрудника в служебную среду. В заключение, делается вывод о необходимости формирования комплексной, нормативно закреплённой системы адаптации, учитывающей особенности государственной гражданской службы и направленной на обеспечение эффективного и устойчивого включения новых сотрудников в профессиональную деятельность.

Ключевые слова: адаптация государственных служащих, государственная гражданская служба, профессиональная адаптация, кадровая политика.

The role of adaptation mechanisms in the professional development of public civil servants

Karsakova Polina Andreevna, student

Ulyanovsk State Pedagogical University named after IN Ulyanov

In this paper, the problem of adaptation of government civil servants is considered as a significant factor in improving the efficiency of the functioning of the public administration system. The article notes that the relevance of the study is due to the fact that an insufficiently effective passage of the adaptation period can lead to an increase in psycho-emotional stress, a decrease in labor productivity, a violation of intra-collective relations and an increase in staff turnover. The specifics of adaptation in the civil service are emphasized, due to the high degree of regulatory regulation of official activities, the hierarchy of managerial relations, the increased level of responsibility and the dynamism of the range of official tasks. The paper reveals the concept of civil servant adaptation, analyzes its purpose, functions, main types and stages, as well as its significance. Special attention is paid to the characteristics of

professional, organizational, administrative, and socio-psychological adaptation.; In addition, the successive stages of an employee's entry into the work environment were revealed. In conclusion, it is concluded that it is necessary to form a comprehensive, normatively anchored adaptation system that takes into account the specifics of the public civil service and is aimed at ensuring effective and sustainable inclusion of new employees in professional activities.

Keywords: *adaptation of civil servants, state civil service, professional adaptation, personnel policy.*

Актуальность проблемы адаптации обусловлена ее значимостью, что характеризуется взаимосвязью между эффективным выполнением поставленных задач и процессом адаптации человека в разных сферах его жизни, включая профессиональную. Так, если данный процесс прошел недостаточно эффективно, это может привести к появлению негативных факторов, среди которых: внутреннее напряжение, тревожность, низкая производительность труда, отсутствие качественных взаимосвязей с коллегами и др.

Стоит отметить, что система адаптации в, например, коммерческой организации значительно отличается от аналогичной системы сотрудников государственной службы. Это связано с тем, что рабочий процесс государственных служащих строго регламентирован нормативно-правовыми актами; такая особенность отражается на поведении сотрудников в коллективе, значительно ограничивая их действия [4, с. 2]. Помимо этого, трудовая деятельность таких сотрудников сопряжена с множеством коммуникационных связей и высоким уровнем ответственности, что усугубляет положение новых служащих. Также для подобного рода деятельности характерна частая трансформация круга задач и обязанностей, что обусловлено изменениями законодательной базы. Такие особенности требуют от сотрудников гибкости и наличия способности к быстрой адаптации как к коллективу, так и к процессу работы.

Рассматривая понятие адаптации государственного служащего, можно заключить, что это — приспособление (привыкание) сотрудника к установленным профессиональным требованиям, а также изучение и усвоение существующих норм поведения, включая социальные и производственно-технические, необходимых для трудовой деятельности [1, с. 13]. Так, можно утверждать, что система адаптации является одним из значимых элементов государственного управления. Отсутствие эффективно и грамотно выстроенной системы адаптации приводит не только к снижению производительности труда, но и может вызывать текучесть кадров, что максимально негативно отражается на рабочем процессе. Ввиду этого, данный этап должен быть регламентирован локальными нормативными актами.

Таким образом, можно выделить основную цель адаптации нового сотрудника государственной службы: приспособление нового сотрудника к существующим функциям и задачам, внедрение его в организационный рабочий процесс, ознакомление и формирование первичного взаимодействия с коллективом настолько быстро, насколько то возможно.

Среди функций адаптации можно выделить:

1. Снижение начальных издержек организации, поскольку в период вхождения нового сотрудника в профессиональную деятельность уровень его трудовой эффективности, как правило, остается недостаточно высоким, что влечет дополнительные затраты ресурсов.

2. Сокращение уровня неопределенности и стрессовой нагрузки у вновь принятых работников за счет создания понятных условий труда и регламентированного процесса включения в рабочую среду.

3. Уменьшение текучести кадров, обусловленное обеспечением комфортного и своевременного освоения трудовых функций, что способствует закреплению сотрудников в организации.

4. Оптимизация временных затрат руководящего состава и персонала, так как систематизированная адаптация новых работников снижает потребность в постоянном индивидуальном сопровождении и разъяснении рабочих процессов.

5. Формирование положительного отношения к профессиональной деятельности и повышение удовлетворенности трудом у сотрудников за счет успешного включения в организационную и профессиональную среду [5, с. 24].

В процессе анализа понятия адаптации на государственной гражданской службе представляется возможным выделить следующие основные ее виды:

1) профессиональная, связанная с освоением должностных обязанностей, требований к квалификации и профессиональных компетенций;

2) организационно-административная, предполагающая ознакомление с системой управления, внутренними регламентами и порядком служебной деятельности;

3) социально-психологическая, отражающая процесс включения служащего в коллектив и формирование устойчивых служебных и межличностных отношений;

4) экономическая, выражающаяся в приспособлении к условиям материального стимулирования, оплате труда и иным формам социального обеспечения;

5) психофизиологическая, обусловленная адаптацией к режиму служебной деятельности, нагрузкам и условиям труда;

6) санитарно-гигиеническая, связанная с приспособлением к санитарным и гигиеническим условиям служебного процесса [3, с. 25].

В процессе адаптации сотрудника целесообразно выделить ряд последовательных стадий, к которым относятся стадии ориентации, приспособления, ассимиляции и идентификации [2, с. 82].

Стадия ориентации (первичного ознакомления) продолжается, как правило, от одного до нескольких месяцев и характеризуется получением работником общей информации о новой профессиональной среде, критериях оценки служебной деятельности, а также принятых нормах и моделях поведения.

На стадии приспособления осуществляется поэтапное освоение организационных стандартов, правил и устойчивых поведенческих стереотипов, а также формирование конструктивных служебных взаимоотношений с коллегами. Вместе с тем на данном этапе сотрудник нередко сохраняет значительную часть прежних установок и профессиональных ориентиров. Продолжительность стадии приспособления варьируется от нескольких месяцев до одного года.

Стадия ассимиляции предполагает принятие сотрудником организационной среды, ее традиций, норм и системы ценностей, что сопровождается постепенной интеграцией работника в коллектив и деятельность организации в целом.

На стадии идентификации происходит полное соотнесение личных целей сотрудника с целями коллектива и организации. В зависимости от степени выраженности данного процесса выделяются три категории работников: безразличные, частично идентифицированные и полностью идентифицированные. Последняя категория образует кадровое «ядро» организации и характеризуется высоким уровнем ответственности, лояльности и приверженности служебным интересам.

В заключение, обобщая всю вышеизложенную информацию, можно охарактеризовать особенности, характерные для адаптации государственных гражданских служащих:

1) служебная деятельность государственных служащих осуществляется в условиях жестко выстроенной иерархической системы административных и межличностных взаимодействий;

2) цели и используемые средства деятельности характеризуются высокой степенью формализации и нормативной регламентации;

3) система материального вознаграждения на государственной службе имеет четко установленную шкалу

и ориентирована на удовлетворение базовых потребностей служащих в разумных пределах;

4) результаты деятельности государственных органов, как правило, не поддаются прямой оценке через категории доходов, издержек и выручки либо отражаются в них лишь опосредованно;

5) внешняя среда функционирования государственных органов отличается отсутствием конкурентной среды в ее традиционном экономическом понимании;

6) для должностей государственной службы характерна ограниченная предметная компетенция, связанная с выполнением строго определенного круга служебных функций;

7) карьерное продвижение государственных служащих нередко носит несистемный и субъективный характер, особенно на высших уровнях управленческой иерархии;

8) процедуры отбора и назначения государственных служащих во многих случаях отличаются значительной долей субъективизма и недостаточной ориентацией на профессиональные критерии;

9) отсутствует либо недостаточно развит нормативно закреплённый механизм прохождения испытательного срока с последующим заключением служебного контракта на определенный или неопределенный срок;

10) нормативно-правовой статус государственных служащих предусматривает установление специальных ограничений служебной деятельности, одновременно обеспечивая предоставление особых социальных и правовых гарантий.

Все эти особенности должны быть учтены при составе системы адаптации. Таким образом, можно заключить, что подобная программа должна отвечать основной цели и функциям адаптационного процесса, как правило, направленным на оптимизацию факторов, которые будут способствовать комфортному, быстрому и эффективному внедрению нового сотрудника. Для обеспечения наиболее грамотного подхода, он должен быть выполнен комплексно, включая не только научно обоснованную базу, но и нормативное закрепление, а также активное участие федеральных и региональных органов власти в данном вопросе.

Литература:

1. Давлятова Я. С. Формирование комфортной психологической среды как фактор успешной адаптации государственных гражданских служащих // Вестник науки. 2024. № 11 (80). С. 11–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-komfortnoy-psihologicheskoy-sredy-kak-faktor-uspeshnoy-adaptatsii-gosudarstvennyh-grazhdanskih-sluzhaschih> (дата обращения: 24.12.2025).
2. Емельянова О. Я., Шершень И. В., Кравец М. А. Организационное обеспечение профессиональной адаптации государственных гражданских служащих // РСЭУ. 2021. № 4 (55). С. 80–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnoe-obespechenie-professionalnoy-adaptatsii-gosudarstvennyh-grazhdanskih-sluzhaschih> (дата обращения: 24.12.2025).
3. Кибанов А. Я. Управление персоналом организации: учебник / 4-е изд., доп. и перераб. — М.: ИНФРА-М, 2017. — 356 с.
4. Рязанцева М. В., Гасникова К. А. Особенности адаптации государственных гражданских служащих // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 12. С. 1–3. URL: web.snauka.ru/issues/2014/12/43149 (дата обращения: 24.12.2025).

5. Труханович Д. С. Адаптация кадров государственной гражданской службы: организационно-правовой анализ // Государственная служба. 2021. № 2 (130). С. 23–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-kadrov-gosudarstvennoy-grazhdanskoy-sluzhby-organizatsionno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 24.12.2025).

Ответственность в предпринимательских отношениях: виды и основания привлечения

Ковалева Дарина Руслановна, студент

Научный руководитель: Федорященко Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В данной статье проводится комплексный анализ института юридической ответственности в сфере предпринимательской деятельности. Рассматриваются сущность и отраслевые особенности ответственности субъектов хозяйствования. Основное внимание уделяется детальному разбору видов ответственности: гражданско-правовой (имущественной), административной, уголовной. Для каждого вида определяются характерные правовые основания привлечения, условия наступления и специфические меры воздействия, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Статья также затрагивает общие условия привлечения к ответственности и актуальные тенденции ужесточения контроля в данной сфере. Материал предназначен для широкого круга читателей, интересующихся правовыми основами предпринимательства, включая студентов, юристов-практиков и самих хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: предпринимательское право, юридическая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность, основания ответственности, виды ответственности, предпринимательская деятельность, хозяйствующий субъект, привлечение к ответственности.

Ответственность в сфере предпринимательской деятельности представляет собой обязанность лица, ведущего такую деятельность, претерпевать установленные законом или договором неблагоприятные последствия в результате совершения им противоправных действий или бездействия. Особенность этой ответственности связана с профессиональным характером деятельности, направленной на систематическое получение прибыли, и повышенными рисками [1]. Это определяет более строгие правила и меры воздействия по сравнению с отношениями, не связанными с хозяйствованием. Основными целями привлечения к ответственности являются восстановление нарушенных прав партнеров, потребителей и государства, а также предупреждение нарушений в будущем [2].

Виды ответственности в предпринимательских отношениях принято различать в зависимости от характера нарушений и отраслей права, которые регулируют соответствующие последствия. Главными видами являются гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. Каждый из этих видов имеет свои особые основания и порядок применения.

Гражданско-правовая, или имущественная, ответственность является основным видом в хозяйственных отношениях. Она возникает при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств, вытекающих из договора, а также при причинении вреда имуществу или

деловой репутации. Ее основная функция — компенсировать потери пострадавшей стороны. Ключевым принципом здесь выступает полное возмещение убытков [статья 15 Гражданского кодекса Российской Федерации]. Убытки включают в себя реальный ущерб, то есть расходы, которые лицо уже произвело или должно будет произвести для восстановления своего права, а также упущенную выгоду — неполученные доходы, которые можно было бы получить при обычных условиях оборота [3]. Важной особенностью является правило о том, что предприниматель отвечает за нарушение обязательств независимо от своей вины, если только не докажет, что это произошло по причине непреодолимой силы или по вине самого контрагента [пункт 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации]. Это отличает его ответственность от ответственности обычных граждан [4]. Стороны вправе заранее установить в договоре условия ответственности, например, определить размер неустойки за просрочку или ограничить ее определенной суммой, если это прямо не запрещено законом.

Административная ответственность наступает за нарушения правил, установленных государством в сфере предпринимательской деятельности. Эти нарушения посягают на общественный порядок, права граждан, законные интересы государства и других хозяйствующих субъектов, но не являются настолько опасными, чтобы считаться преступлениями. Основанием является со-

вершение административного правонарушения, описанного в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. К типичным нарушениям относятся: ведение деятельности без обязательной государственной регистрации или лицензии, нарушение правил торговли, законодательства о рекламе, о защите прав потребителей, требований в области санитарного и пожарного надзора, а также налогового и антимонопольного законодательства [5]. Основной мерой ответственности для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей является крупный денежный штраф. Помимо штрафа, могут применяться такие меры, как приостановление деятельности на определенный срок, конфискация орудия совершения правонарушения или дисквалификация, то есть лишение права занимать руководящие должности [6]. Привлечение к административной ответственности осуществляется по решению уполномоченного государственного органа, например, налоговой инспекции, органа внутренних дел, федеральной антимонопольной службы или органа, осуществляющего государственный контроль.

Уголовная ответственность касается физических лиц — индивидуальных предпринимателей, руководителей и иных работников коммерческих организаций. Она применяется за совершение наиболее опасных правонарушений в экономической сфере, которые признаются преступлениями. Основанием является наличие в действиях лица состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации. К преступлениям в сфере предпринимательства относятся, например, незаконное предпринимательство в крупном размере, лжепредпринимательство, уклонение от уплаты налогов с организации в крупном и особо крупном размере, незаконное получение кредита, преднамеренное или фиктивное банкротство, а также легализация денежных средств, приобретенных преступным путем [статьи 171, 173.1, 198, 199, 176, 195, 196, 174, 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации]. Наказания за такие деяния существенно строже и могут включать крупные денежные штрафы, обязательные или принудительные работы, а также лишение свободы на дли-

тельные сроки с лишением права занимать определенные должности [7].

Для привлечения к любому виду ответственности необходимо наличие определенных условий, или оснований. Во-первых, должно быть совершено противоправное деяние — действие или бездействие, нарушающее норму закона или условия договора. Во-вторых, необходим факт причинения вреда или наступления иных негативных последствий (например, срыва государственных интересов). В-третьих, должна быть доказана причинно-следственная связь между действиями нарушителя и наступившими последствиями. И наконец, для административной и уголовной ответственности обязательным условием является вина лица в форме умысла или неосторожности. В гражданском праве, как уже отмечалось, вина предпринимателя часто предполагается, и он несет ответственность даже при ее отсутствии.

В современных условиях наблюдается усиление контроля за предпринимательской деятельностью и ужесточение ответственности, особенно в областях, связанных с защитой персональных данных, экологической безопасностью, соблюдением трудовых прав и противодействием коррупции [8]. В связи с этим для хозяйствующих субъектов крайне важна профилактическая работа. К ней относятся: грамотное составление договоров, четкая организация документооборота, своевременное исполнение обязательств перед бюджетом и контрагентами, а также получение необходимых разрешений и лицензий. При возникновении споров или претензий со стороны контролирующих органов необходимо оперативно обращаться к квалифицированным юристам для защиты своих прав и законных интересов.

Таким образом, механизм санкций в предпринимательских правоотношениях выступает ключевым средством поддержания правопорядка, устойчивости экономических процессов и гармонизации потребностей вовлеченных сторон. Осознание разновидностей, предпосылок и процедуры реализации данных мер представляет собой обязательное требование для эффективной и защищенной предпринимательской деятельности [9].

Литература:

1. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. — М.: Проспект, 2020.
2. Андреев В. К., Степанов Д. И. Предпринимательское право России: учебник для вузов. — М.: Норма, 2021.
3. Гражданское право: в 4 т. Том 3: Обязательственное право: учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2019.
4. Лаптев В. В. Предпринимательское (хозяйственное) право: учебное пособие. — М.: Волтерс Клувер, 2018.
5. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2022.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: постатейный научно-практический комментарий / под ред. А. В. Куракина. — М.: Библиотечка «Российской газеты», 2023.
7. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В. П. Ревина. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юстиция, 2021.

8. Губин Е. П., Лахно П. Г. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2020.
9. Ершова И. В. Предпринимательское право: вопросы и ответы. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Юриспруденция, 2019.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 52 (603) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 07.01.2026. Дата выхода в свет: 14.01.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.